

Κ. ΜΟΛΛΕΝΧΟΦ

ΠΕΝ-

ΤΑ-

ΤΟΝ

Ордена
Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Clark R. Mollenhoff

THE PENTAGON
Politics, Profits and Plunder

New York

Кларк Р. Молленхоф

ПЕНТАГОН

ПОЛИТИКА, ПРИБЫЛИ И АФЕРЫ

Сокращенный перевод с английского

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1989

Молленхоф К.

М75 Пентагон. Сокращенный перевод с английского Л. Карпова с предисл. М. Кремнева. М., Военное издательство, 1969.

280 с. 17 500 экз. 99 к.

В военно-политическом очерке американского публициста рассказывается о деятельности высших органов военного руководства США. Автор показывает непрерывно усиливающееся влияние американских милитаристов на все стороны жизни страны, анализирует процесс образования так называемого «военно-промышленного комплекса». Материалы книги иллюстрируют коррупцию американских военных руководителей.

1-12-2

115-69

И (Англ.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В середине января 1943 года на пустырях южнее реки Потомак в штате Вирджиния выросло огромное пятиугольное здание, состоящее из пяти концентрических колец, каждое высотой в пять этажей. Здание назвали Пентагоном. Здесь разместился двигательный центр гигантской военной машины Соединенных Штатов.

В Пентагоне находятся четыре военных ведомства — министерство обороны и министерства видов вооруженных сил США — армии, военно-воздушных сил, военно-морского флота, а также комитет начальников штабов и центральные учреждения вооруженных сил. Каждый день на работу в Пентагон является более 26 тысяч сотрудников — 14 200 вольнонаемных и 11 880 военно-служащих. Кроме того, ежедневно коридоры Пентагона заполняются мелкими предпринимателями, чьи предприятия находятся в Пентагоне, лоббистами, вынюхивающими возможности очередного военного заказа, а также сотнями журналистов и обозревателей газет, радио и телевидения.

Один из этих журналистов — К. Молленхоф — написал о Пентагоне книгу, которую мы и предлагаем вниманию читателя. Автор использовал обширный документальный материал, а также свой личный опыт общения с военными руководителями и привел в книге немало ярких фактов, характеризующих процесс сращивания интересов американских милитаристов, верхушки промышленных корпораций и руководящих политических деятелей.

Следует заметить, что Молленхоф не ставил себе целью показать опасность сильного воздействия военных на политическую и экономическую жизнь Соединенных Штатов. Его книга в первую очередь направлена против бывшего министра обороны Макнамара (когда «Пентагон» вышел в свет в США, Макнамара еще занимал этот пост).

Роберт Макнамара — незаурядная фигура в плеяде послевоенных руководителей Пентагона. На своем посту он пробыл дольше, чем кто-либо другой из американских министров обороны — семь с лишним лет. Это человек «большого бизнеса». Его рекомендовал президенту Кеннеди не кто иной, как Генри Форд-второй. Он хорошо знал Макнамару, который с 1960 года являлся одним из президентов компании Форда и за годы службы в этой компании нажил миллионное состояние. Характеризуя Макнамару, журнал «Бизнес уик» писал: «...он неизменно проявляет готовность принимать решения и твердо придерживаться их. Он наделен способностью к аналитическому мышлению и решительным действиям. Он не останавливается из-за каких-нибудь мелочей или боязни сделать ошибку. Чьи-нибудь оговорки не мешают ему принимать те или иные решения. Он резок. Признает только факты и цифры».

Эти свои качества Макнамара в полной мере проявил и на посту министра обороны. Вначале «золотые галуны», как называют в США генералов, были шокированы тем предпочтением, которое Макнамара отдавал счетно-аналитическим машинам, не считаясь с военным опытом и заслугами генералов. Примирение состоялось на почве эскалации войны во Вьетнаме. Кроме того, Макнамара превратил комитет начальников штабов в руководящий орган, способный принимать более или менее самостоятельные решения. Макнамара повысил требования к начальникам штабов, расширил их полномочия. Он и не подозревал, что вызвал из бутылки джина, загнать которого обратно было уже невозможно.

Со временем между генералами и министром обороны по ряду вопросов возникли разногласия. Они достигли кульминации, когда Макнамара начал сомневаться в эффективности бомбардировок ДРВ и был даже вынужден выступить за прекращение бомбардировок севернее 20-й параллели. Но комитет начальников штабов хотел

бомбить Ханой и Хайфон. На этот раз «золотые галуны» одержали верх — президент Джонсон принял их сторону.

Министром обороны, который не терпел инакомыслящих, как характеризует его Молленхоф, были недовольны не только генералы. Правые республиканские лидеры считали, что республиканец Макнамара слишком тесно связал себя с демократической партией и ее интересами. Калифорнийские военные магнаты — оплот республиканской партии — считали, что Макнамара обделяет их военными заказами, направляя основной поток этих заказов в сторону техасско-нью-йоркской военно-промышленной группировки.

Отзвуки всех этих разногласий нетрудно найти и в книге Молленхофа.

«Пока раздавались предупреждения в адрес высокопоставленных военных, — пишет автор, — политические деятели на государственных должностях сосредоточили власть над решениями Пентагона в канцелярии министра обороны. Огромная свобода действий, предоставленная министру обороны, сделала его больше чем боссом мощной военной машины. В его руках сосредоточивалось экономическое оружие против крупнейших промышленных корпораций Америки, располагающих косвенной политической властью. Мало кто из руководителей военно-промышленных корпораций рискнул бы вызвать его недовольство».

В конечном счете Макнамаре пришлось уйти. Это явилось следствием полного провала агрессивной политики американского империализма. Макнамара просто был принесен монополиями в жертву, чтобы как-то оправдать перед общественным мнением те поражения, которые терпела американская реакция на внешнеполитической арене.

Уход Макнамары свидетельствовал о все более усиливающейся роли военных в политической и экономической жизни Соединенных Штатов. Усиление это можно было наблюдать и ранее, сразу же после второй мировой войны. Впервые в истории Соединенных Штатов военный, Джордж Маршалл, стал государственным секретарем. В течение восьми лет пост президента Соединенных Штатов занимал профессиональный военный — исключительно редкий факт в американской истории.

В течение последних лет, особенно после начала «грязной войны» во Вьетнаме, роль военщины резко возросла. Повсюду военные занимают ключевые посты.

В книге «Американская военная политика» профессор Е. Фернисс пишет: «В Вашингтоне трудно найти политическую проблему, в решении которой не участвовали бы военные. Конгресс США только штампует рекомендации военных, причем даже по таким вопросам, как бюджетные расходы. Ответственность за начало войны несут не конгресс и не президент, а военные, которые обязаны отчитаться в своих действиях... если будут иметь время».

Пентагон контролирует более половины национального бюджета США — почти 80 миллионов долларов в год. Военные имеют могущественную организацию, укомплектованную людьми, которые могут отдавать приказы как военным служащим, так и гражданским лицам.

Молленхоф вынужден отметить, что «никогда еще в истории страны в руках столь немногих людей не было сосредоточено столько власти, причем столь малоэффективно контролируемой».

Верхушка американской военщины, руководство Пентагона играют большую роль и при решении внешнеполитических вопросов, при определении внешнеполитического курса страны. В ряде случаев военные оттесняют на второй план государственный департамент и принимают самостоятельные решения, которые проводятся в жизнь непосредственно через Белый дом.

«Если вы хотите, чтобы что-то было сделано, — сказал один американский генерал, в прошлом посол, — обратитесь в Пентагон, а не в государственный департамент. Пентагон действует, а государственный департамент только вольтыжит».

Комитет начальников штабов имеет офицеров связи в Белом доме, государственном департаменте и конгрессе. Он работает совместно с членами так называемой межведомственной группы, которая возглавляется одним из заместителей государственного секретаря.

«Комитет начальников штабов является единственным органом на положении субкабинета в правительстве, имеющим право обращаться к президенту как к последней инстанции», — пожаловался как-то американ-

ской прессе один высокопоставленный чиновник государственного департамента.

Конечно, не следует думать, что американские генералы являются какой-то изолированной кастой, сплоченной лишь общностью профессиональных интересов. Американский генералитет, как правило, состоит из выходцев из привилегированных слоев. Профессор Чикагского университета Морис Яновитц, изучивший биографии свыше 1200 американских генералов и адмиралов, которые получили звания с 1898 по 1950 год, писал, что за это время «ряды американских военачальников пополнялись главным образом за счет семейств, происходящих от старых переселенцев, белых, англосаксов, протестантов, высшей прослойки средних классов».

Вполне понятно поэтому, что решения высших военных руководителей американских вооруженных сил диктуются не какими-либо «профессиональными интересами», а интересами американских промышленных и финансовых магнатов, политических дельцов, руководителей военно-промышленных корпораций.

Монополии уже давно оценили ту роль, которую может сыграть военщина в деле укрепления их власти в политическом и экономическом планах. Еще в январе 1944 года президент моргановского концерна «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон выступил на заседании американской артиллерийской ассоциации — реакционной офицерской организации — с программой организованного проникновения монополий в Пентагон. Вильсон подчеркнул, что это необходимо сделать в целях создания постоянной военной экономики, то есть обеспечения непрерывной гонки вооружений не только во время войны, но и в мирное время. Вильсон предложил, чтобы каждая корпорация выделила для связи с вооруженными силами специального уполномоченного в чине полковника запаса. Таковы были требования монополий. И они не остались без ответа. Более того, финансовые и промышленные магнаты получили в Пентагоне не представительские посты, а посты его руководителей — гражданских министров.

Сегодня военщина и монополии США образуют зловещий «военно-промышленный комплекс» поистине потрясающих размеров. Его «тотальное влияние — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в

каждом городе, в каждом губернаторском доме и в канцелярии каждого правительственного учреждения». Эти слова, прозвучавшие как предостережение, были сказаны бывшим президентом США Дуайтом Эйзенхауэром 17 января 1961 года, но и в наши дни не утратили своего значения.

В Пентагоне, как правило, представлены ставленники не рядовых военно-промышленных корпораций, а крупнейших концернов Америки. Представители шести ведущих монополистических групп бесменно чередуются у руля Пентагона. Этими группами являются Рокфеллеры, Меллоны, моргановские компании «Дженерал электрик», «Америкен телефон энд телеграф компани», «Дженерал моторс», «Дженерал дайнэмикс». В этот круг входят также группы Дюпонов, «Крайслер» и другие. Примечательно, что представители этих кругов занимают командные посты и в обеих правящих партиях — республиканской и демократической.

Следует заметить, что процесс сращивания интересов военщины с интересами монополий очень сложен. Руководящие места в Пентагоне занимают крупные бизнесмены или их ставленники, а генералы и адмиралы, расставшись со своими мундирами, потоком устремляются в правления корпораций и банков.

Пентагон — крупнейший финансовый подрядчик США, поставщик военных заказов. Как показывает Молленхоф, за период с 1951 по 1965 финансовый год Пентагон выдал заказов более чем на 357 миллиардов долларов. Военные заказы жизненно необходимы многим крупнейшим корпорациям Соединенных Штатов, особенно в период экономических трудностей. Дело в том, что военное производство не зависит от колебаний экономической конъюнктуры; Пентагон за счет налогоплательщиков предоставляет самые выгодные условия оплаты заказов.

В главе «Пирамида прибылей» показано, на какие финансовые махинации идут крупнейшие монополии, стремясь извлечь из реализации военных заказов истинные баснословные прибыли. Только на конструировании и производстве зенитной ракетной системы «Ника-Зевс» компания «Дуглас» получила почти беспрецедентную прибыль — 44,3 процента от вложенного капитала. Даже американские нефтяные компании на Ближнем

Востоке могут позавидовать военно-промышленной корпорации, находящейся в фаворе у Пентагона. Фирма получила прибыль в 45,5 миллиона долларов, в то время как стоимость фактически выполненной работы составляла менее 103 миллионов долларов. А все дело в том, что в обход всех финансовых законов США фирма «Дуглас» включала в договорную сумму не только собственные расходы, но и сумму прибыли, требуемую ее субподрядчиком и представляла эту пирамиду прибылей своему основному подрядчику — фирме «Уэстерн электрик», которая все счета отправляла в Пентагон.

Как видно из книги Молленхофа, крупнейшие военно-промышленные компании Соединенных Штатов имели в Пентагоне сановных лоббистов. В споре за многомиллиардный заказ на сверхзвуковой реактивный истребитель-бомбардировщик ТFX победила компания «Дженерал дайнэмикс» — гигантский военно-промышленный спрут, опутавший своими щупальцами целый ряд отраслей промышленности Соединенных Штатов. В числе сановных лоббистов «Дженерал дайнэмикс» в Пентагоне были ее ставленники — министр военно-морского флота Фред Корт и заместитель министра обороны Росуэл Гилпатрик. Немалую роль сыграл и сам министр обороны Роберт Макнамара. С другой стороны, как мы уже говорили, в компании «Дженерал дайнэмикс» работают 186 высокопоставленных отставных военных.

Американские военные активно участвуют в политической жизни Соединенных Штатов. «Политика силы» в значительной степени явилась следствием того, что военные соображения стали определять внешнеполитический курс Белого дома.

Американская военная идеология всегда исповедовала теорию «насилия». Трудно сказать, когда эта теория зародилась. Может быть, в те времена, когда американские воинские подразделения умирляли индейцев? А может быть, тогда, когда американские войска после победы над Испанией оккупировали Филиппины? После второй мировой войны мы являемся свидетелями того, как американские империалисты развернули бешеную активность, стремясь добиться мирового господства. Доктрина Трумэна, доктрина Эйзенхауэра — Даллеса и многие другие внешнеполитические доктрины Соединенных Штатов имели целью распространить влияние

американского империализма на все районы земного шара.

И в этом аспекте внешней политики Соединенных Штатов вооруженные силы должны были подменить дипломатию и сыграть решающую роль на внешнеполитической арене.

«Нравится нам это или нет, но применение силы и готовность применить силу, — писал известный американский профессор Джеймс Макками, — лежат в основе внешней политики, и поэтому внешнюю политику США в значительной степени вырабатывают и осуществляют военные».

«Военное, некогда мизерное ведомство, вызывавшее к себе недоверие гражданских, — пишет американский ученый Райт Миллз, — стало крупнейшей и наиболее дорогостоящей областью правительственной деятельности».

Никакого мирного сосуществования, никаких мирных средств решения международных вопросов империалистические политики не признают и считают, что главные вопросы должны решаться путем конфликта, как они всегда разрешались, «потому что у людей просто нет мудрости и терпения, чтобы решать их мирными средствами», как пишут известные воинствующие апологеты американского империализма Р. Страус-Хюпе и У. Кинтер.

Само собой разумеется, что подобного рода внешняя политика требует соответствующих средств. Американская дипломатия в последнее время все чаще и чаще основывается на голой силе, стратегии вооруженного кулака. А это неизбежно требует создания высокоразвитых вооруженных сил.

В настоящее время Соединенные Штаты имеют под ружьем около 3,5 миллиона человек. Почти половина всех военнослужащих находится в военно-воздушных силах и в военно-морском флоте (900 и 750 тысяч человек соответственно). Огромная армия находится во Вьетнаме. Американские воинские части разбросаны по всем районам земного шара, от Аляски до Западной Германии. Географическая карта земного шара буквально усеяна обозначениями военных баз Соединенных Штатов. Совершенно ясно, какую роль играет Пентагон во внешней

политике США, если эта политика постоянно подкрепляется угрозами и военными провокациями.

В Пентагоне, как в зеркале, отразились все характерные черты пресловутого «американского образа жизни». Здесь бушуют политические страсти, совершаются беспрецедентные финансовые сделки, процветают коррупция, подкуп, взяточничество. Читая книгу Молленхофа, никак не можешь отделаться от впечатления, что Пентагон — это в конечном счете огромная биржа, где все покупается и продается, где стоимость акций той или иной военно-промышленной корпорации поднимается или падает в зависимости от того, кто занимает министерские и прочие высокопоставленные должности в Пентагоне.

Молленхоф выступает против централизации власти в Пентагоне, показывая на примере Макнамары, что рано или поздно это идет в ущерб Соединенным Штатам, их безопасности и даже грозит тем, что власть в стране захватит Пентагон.

Однако для Молленхофа важен не сам факт наличия в Соединенных Штатах чудовищного военного аппарата, имеющего зачастую решающее влияние на судьбы Соединенных Штатов. Этот аппарат он считает необходимым и само собой разумеющимся. Главное, по его мнению, — те люди, которые стоят у руля в Пентагоне. Был «плохой» Макнамара, может прийти кто-то «хороший», кто придется по вкусу Молленхофу и тем, кто стоит за его спиной, с чьего голоса он говорит.

Действительно, вдумайтесь в те советы, которые дает Молленхоф в своей книге, советы, как держать американскую военную машину на современном уровне. Компетентные министры, опытные военные — профессионалы и технические эксперты, «справедливая» конкуренция, изучение и пересмотр всех важных решений, строгое соблюдение законов и уставов, относящихся к столкновению интересов... Совсем как в справочнике для бизнесменов, желающих расширения и процветания своих предприятий. И все же Молленхоф вынужден подчеркнуть, что Пентагон не только военный, но и политический и экономический центр, где сталкиваются самые противоположные интересы, где люди, стоящие у руководства, в конечном итоге представляют не самих себя, какой бы яркой индивидуальностью они ни являлись, а определенные

круги американского общества, вернее американской «элиты». И в истории Пентагона наблюдается тревожное постоянство — его руководители обычно выражают взгляды американской реакции, тех, кто исповедует теорию «постоянного конфликта» между Соединенными Штатами и социалистическим лагерем, тех, для кого слова о мирном сосуществовании звучат еретически.

После избрания Ричарда Никсона на пост президента США у руля Пентагона встал новый министр обороны Мэлвин Лэйрд. Свою политическую карьеру он начал в сенате в 1946 году. В 1952 году Лэйрд стал членом комиссии по военным ассигнованиям палаты представителей. Он сыграл немалую роль в ежегодном увеличении американских военных ассигнований.

Понимая, что устои американской демократии слишком зыбки, Молленхоф призывает всех граждан США более настороженно отнестись к фактам растущего влияния Пентагона на все стороны жизни страны. В этом с автором можно согласиться. В министерстве обороны США вынашиваются планы новых агрессивных акций американского империализма, чреватых опасностью для всеобщего мира. Об этом Молленхоф предпочел умолчать. Но в то же время он в достаточных подробностях показал некоторые стороны жизни Пентагона, переплетение интересов военщины, большого бизнеса и политических кругов. С этой точки зрения книга Молленхофа представляет определенный интерес.

КРЕМНЕВ М. В.

1. ЕСЛИ ВЛАСТЬ РАЗЛАГАЕТ

Если, как говорят, власть имеет тенденцию разлагать, то нам следует испытывать величайшие опасения по поводу власти Пентагона. Никогда еще в истории нашей страны в руках столь немногих людей не было сосредоточено столько власти, причем так малоэффективно контролируемой.

Периодически в высказываниях или действиях того или иного высокопоставленного гражданского лица или генерала проявляются авторитарные тенденции. Однако подобные признаки опасности не бросаются в глаза, и мало кто тратит время на изучение данных об огромном потенциале власти, сосредоточенной в руках чиновников канцелярии министра обороны.

При той полноте власти, которая сосредоточена в руках чиновников канцелярии министра обороны, она могла бы быть использована для установления диктатуры в стране. Иногда имеют место попытки одернуть чиновников канцелярии министра обороны, но в большинстве случаев они оказываются безуспешными. Если в будущем эти попытки не станут более эффективными, если выступления против действий канцелярии министра обороны не будут более решительными и упорными, то можно сказать, что критическая точка пройдена и битва против установления авторитарного режима проиграна.

Власть Пентагона терроризировала робких людей, и они опасаются прослыть оппозиционно настроенными. Она заглушила критику со стороны мужественных людей, которые в силу своего положения или семейных

обстоятельств не могут рисковать карьерой, потерей военного заказа, дотации Пентагона для научного исследования или же потерей важной в политическом отношении военной базы. Редко кто из крупных дельцов, военнослужащих, членов конгресса или губернаторов рискнет вызвать гнев министра обороны или его наиболее влиятельных помощников.

Даже люди, обладающие финансовой независимостью, мужеством и большим авторитетом, проявляют осторожность, прежде чем вступить в бой с колоссальной пропагандистской машиной в лице пресс-бюро Пентагона, располагающего многомиллионными средствами. Говорят, с муниципалитетом бороться бесполезно, а теперь трезво мыслящий человек должен признать, что никакой муниципалитет, никакой суд графства или правительство штата никогда не обладали и десятой частью той принуждающей власти, которую имеет канцелярия министра обороны и которая распространяется на экономику, политику и сеть средств массовой коммуникации всей страны.

Многие из тех, кто не принимает непосредственного участия в борьбе против власти Пентагона, не особенно озабочены сложившимся положением. Эти люди расценивают власть Пентагона всего лишь как благожелательно настроенную диктатуру, которая, видимо, необходима для руководства нашей военной машиной в космический век.

Совсем по-иному представляет себе обстановку тот, кто непосредственно участвует в борьбе с канцелярией министра обороны и кто попытался высказать свою точку зрения. Военные подрядчики, члены конгресса и высокопоставленные генералы сталкиваются с действиями, которые они считают деспотическими, высокомерными и безжалостными.

Некоторые аспекты власти Пентагона настолько неуловимы и повсеместны, что распространение ее воспринимается без особых нареканий. Мы признаем эту власть неизбежной платой за защиту нашей свободы от посягательств внешних врагов. Рядовой гражданин мало задумывается над опасностью, вызываемой небольшими реорганизациями, перемещениями, которые за несколько лет ликвидировали большую часть эффективного контроля над нашим громадным сторожевым псом.

Вся чудовищность власти Пентагона не понимается и опасность не замечается в силу ряда причин. Главная причина заключается в том, что пресса неохотно критикует тех, кто занимает в Пентагоне руководящие посты.

Деятельность мужественных одиночек становится совершенно незаметной на фоне потока статей подхалимствующих журналистов, которые изображают ведущих сотрудников Пентагона в виде суперменов.

В результате подлинные факты, касающиеся власти Пентагона, не получают огласки. Подобные сведения мимоходом публикуются на последних страницах газет, в то время как статьи о славных делах политических боссов Пентагона заполняют первые страницы.

Наказание критически настроенных или недружелюбных журналистов служит эффективным орудием запугивания способных и обычно независимых журналистов, которые могут зарабатывать на жизнь, только имея доступ к высокопоставленным лицам в Пентагоне. По инициативе министра обороны федеральное бюро расследований неоднократно подвергало судебному преследованию журналистов якобы за разглашение государственной тайны, когда они публиковали неприятные для Пентагона статьи, хотя утверждения о разглашении тайны были весьма сомнительными.

И хотя, как мы полагаем, установление слежки за репортерами по инициативе Пентагона — явление редкое, существуют другие столь же эффективные меры принуждения журналистов и вмешательства в их деятельность. Были случаи высмеивания репортеров, настойчиво добивавшихся той или иной информации. Имели место попытки со стороны министра обороны подорвать репутацию репортера в глазах его начальников с помощью туманных и необоснованных обвинений в «безответственности».

Издаются директивы, которые серьезно препятствуют свободе действий любого независимого журналиста. Один из подобных приказов, подписанный в октябре 1962 года, обязывает всех гражданских и военных служащих Пентагона ежедневно к концу рабочего дня докладывать обо всех встречах с журналистами и тех вопросах, которые на этих встречах обсуждались. И сейчас этот приказ остается в силе, несмотря на жалобы прессы о том, что налицо явная попытка выявить источ-

ники неблагоприятной информации и закрыть этот канал выражения несогласия с политикой Пентагона.

Те же меры, которые применяются в отношении журналистов, используются и для запугивания членов конгресса, военных руководителей и подрядчиков, которые могли бы выступить с критикой деятельности министерства обороны. Можно привести ряд примеров, которые иллюстрируют, как этот нажим осуществляется тонкими и жестокими методами.

Внимательные наблюдатели увидят проявления страха перед Пентагоном во многих местах.

Руководящий работник крупной военной фирмы позвонил сенатору и попросил не расследовать решение Пентагона, в результате которого его фирма лишилась заказа стоимостью в миллиард долларов. Эта фирма предложила самую низкую цену, ее товар был признан высококачественным, так что, казалось бы, руководящий работник фирмы должен был добиваться расследования. Он был уверен, что его фирма пострадала из-за решения, основанного на политических мотивах, однако побоялся жаловаться, так как был убежден, что канцелярия министра обороны в отместку может еще сильнее повредить фирме при переговорах о будущих заказах.

Член конгресса от республиканской партии отказался повторить свои критические замечания в адрес министра обороны в правительстве демократов и заявил, что опасается ответных мер в виде закрытия военной базы в его округе. Он считал, что не может разрешить себе политических последствий, которые вполне вероятны, если кто-нибудь намекнет, что дружественно настроенный к Пентагону член демократической партии сумел бы сохранить базу и получить больше военных заказов и других федеральных средств для штата.

Один адмирал в частной беседе высказал опасения в отношении своей дальнейшей карьеры из-за того, что его ответы в одной из комиссий сената показали его несогласие с важным решением канцелярии министра обороны. Его опасения оправдались — служба адмирала в военно-морском флоте кончилась раньше времени.

Два сенатора, игравших ведущую роль в расследовании одного решения министра обороны, подверглись атакам со стороны анонимных представителей Пентаго-

на, которые необоснованно обвинили сенаторов в низменных политических целях.

Один конгрессмен от демократической партии выразил недовольство по поводу того, что канцелярия министра обороны отказалась представить необходимые для его подкомиссии сведения, а позднее «засекретила» доклад подкомиссии, в котором резко критиковалась деятельность министерства обороны.

Видный военный обозреватель был клеветнически обвинен канцелярией министра обороны в «безответственности» после того, как опубликовал статьи, критикующие нехватку военного снаряжения в результате расточительного ведения войны во Вьетнаме.

Обычно подобное давление со стороны Пентагона и даже возможность оказания такого давления остаются незамеченными общественностью. Известна, конечно, огромная боевая мощь военной машины, насчитывающей более двух с половиной миллионов людей, баллистические ракеты, подводный флот, оснащенный ракетами «Поларис», и стратегическую авиацию, вооруженную сверхзвуковыми самолетами и новейшим ядерным оружием. Имея в виду эту огромную разрушительную мощь, некоторые политические деятели время от времени предупреждают о той опасности, которая возникнет, если наше военное ведомство попадет в руки авторитарно настроенных кадровых военных. Научные статьи и захватывающие популярные романы вроде «Семи дней в мае» в своей основе несут мысль, что мы должны сознавать опасность военного переворота.

Время от времени нас заверяют, что мощная власть Пентагона не будет неправильно использована профессиональными военными, потому что наши гражданские политические деятели выступают против узурпации власти в любой форме. Из года в год власть гражданских руководителей Пентагона усиливалась, и почти всегда это делалось на основании предположения, что демократично настроенные гражданские лица могут поставить на свое место авторитарно настроенных и самонадеянных военных руководителей.

Президент Эйзенхауэр, покидая свой пост, предупредил об опасности, которую несет военно-промышленный комплекс нашему обществу. Поскольку он не разъяснил деталей, его замечание широко толковалось как

еще одно предупреждение об опасности военного или экономического переворота, который может быть принят коалицией наших крупных промышленников и облаченных в мундиры военных руководителей. Некоторые политические деятели, занимающие высокие посты, использовали заявление Эйзенхауэра как повод обосновать действия, направленные на ограничение власти военных и сосредоточение ее в руках гражданских государственных руководителей.

Пока раздавались предупреждения в адрес высокопоставленных военных, политические деятели на государственных должностях сосредоточили власть над решениями Пентагона в канцелярии министра обороны. Мало кто заметил эту консолидацию власти, хотя конгресс и продолжал утомительную работу по подготовке ежегодных исследований об «Экономическом влиянии федеральных закупок», в которых приводились факты и цифры о силе, заложенной в бюджете Пентагона.

Исследования выявили конкретные факты, доказывающие, что военные расходы от 40 до 60 миллиардов долларов в год оказывают не только экономическое, но и огромное политическое влияние на важнейшие отрасли промышленности США, на наиболее авторитетные университеты и колледжи, а также на самых влиятельных политических деятелей. И действительно, чем внимательнее мы изучаем военный бюджет, тем очевиднее становится, что в нашем обществе очень мало учреждений — промышленных, учебных и политических, которые не вынуждены уважать власть руководителей Пентагона.

Опасения, что на выдачу военных заказов могут повлиять политические факторы, усиливаются при знакомстве со статистическими данными, показывающими, что подавляющая часть военных заказов размещается в результате прямых «переговоров». Это исключает использование механизма открытой конкуренции и ставит подрядчика в полную зависимость от представителя Пентагона.

Всего в 1961—1965 финансовых годах Пентагон выдал заказов более чем на 357 миллиардов долларов. Лишь 13,7 процента этих заказов на сумму 49 миллиардов долларов было выдано на конкурентных началах. Остальные заказы на сумму 307 миллиардов долларов

(то есть 86,3 процента) были размещены в результате «переговоров».

Военные заказы жизненно необходимы многим крупнейшим корпорациям США, и от процветания этих крупных корпораций, их филиалов и субподрядчиков может зависеть процветание города, избирательного округа или штата. Что касается крупных самолетостроительных фирм, то военные заказы зачастую составляют подавляющую часть общей загрузки предприятий.

Когда фирма «Боинг», центр которой находится в Сиэттле (штат Вашингтон), потеряла заказ на военный самолет TFX и была прекращена программа «Дайнасор», экономике всего штата был нанесен серьезный удар. Влияние военных закупок было драматическим образом продемонстрировано в штате Вашингтон, где военные заказы достигали 1 041 581 тысячи долларов в 1963 финансовом году, слегка увеличились до 1 085 696 тысяч долларов в 1964 финансовом году, а затем резко снизились до 545 607 тысяч в 1965 финансовом году.

Фирма «Боинг» в своей заявке на получение заказа по производству самолетов TFX (общая сумма заказа составляла несколько миллиардов долларов) указала меньшую сумму, чем одно из отделений корпорации «Дженерал дайнэмикс», расположенное в Техасе. И все же заказ был выдан именно этой корпорации. Знаменательно, что военные заказы в Техасе неуклонно росли от 1 203 123 тысяч долларов в 1963 финансовом году до 1 294 431 тысячи долларов в 1964 финансовом году и достигли 1 446 769 тысяч долларов в 1965 финансовом году.

Возможно, что отношение Пентагона к важным политическим деятелям из этих штатов не послужило причиной уменьшения суммы заказов, размещаемых в штате Вашингтон, и увеличения этой суммы в Техасе, однако в той политической атмосфере, когда кандидаты в органы законодательной власти хвастают перед избирателями своими возможностями добиться процветания данного штата путем получения крупных военных заказов, было бы опасно думать, что это пустое бахвальство.

Как бы то ни было, но давно считают, что политическое влияние сенатора Ричарда Рассела и члена палаты представителей Карла Винсона (оба от штата Джорд-

жия) во многом способствовало необычно большому притоку средств из военного бюджета в этот южный штат. Крупные военные подрядчики, по всей видимости, испытывают влечение к штату, представляемому председателем сенатской комиссии по вооруженным силам и сенатской подкомиссии по военным ассигнованиям Расселом и председателем комиссии палаты представителей по вооруженным силам Вильсоном.

По численности размещенных военнослужащих штат Джорджия уступает только Калифорнии и Техасу. На 1 июля 1965 года в Джорджии находилось 93 980 военнослужащих, которым за год было выплачено денежное содержание в сумме 396 437 тысяч долларов. Помимо военнослужащих в Джорджии находилось 33 563 вольнонаемных служащих министерства обороны с годовым фондом зарплаты, равным 223 527 тысячам долларов.

Однако военные базы являлись не единственным подарком Пентагона родному штату двух человек, возглавлявших комиссии по вооруженным силам в сенате и палате представителей. Общая сумма военных закупок в Джорджии равнялась 423 290 тысячам долларов в 1963 финансовом году, 520 169 тысячам — в 1964 финансовом году и огромной сумме — 662 332 тысячам в 1965 финансовом году.

Фирма «Локхид эркрафт» (основные предприятия ее находятся в Джорджии) вышла на первое место по количеству военных заказов, получив в 1965 финансовом году подряды на 1,7 миллиарда долларов — примерно 7,1 процента всех военных заказов в США.

Решения Пентагона были вопросом жизни или смерти для фирмы «Локхид». То же самое можно сказать о компании «Дженерал дайнэмикс», которая в результате получения заказа на самолеты TFX вышла на второе место по сумме размещенных военных заказов. «Дженерал дайнэмикс» могла похвастаться военными заказами на 1,1 миллиарда долларов в 1965 финансовом году. Следующие места занимали фирмы «Макдонелл эркрафт» с 855 миллионами долларов, «Дженерал электрик» с 824 миллионами долларов, «Норс Америкэн авиэйшн» с 745 миллионами долларов, «Юнайтед эркрафт» с 632 миллионами долларов, «Америкэн телефон энд телеграф» с 587 миллионами долларов и «Боинг» — с 583 миллионами долларов.

Гиганты автомобильной промышленности фирмы «Форд мотор компани» и «Дженерал моторс» тоже обладали весомой долей заказов Пентагона. «Форд мотор компани» и ее филиал «Филко» стояли на двенадцатом месте с заказами на сумму 312 миллионов долларов, а «Дженерал моторс» получила заказов на 254 миллиона долларов в 1965 финансовом году. Фирма «Крайслер» осталась далеко позади с 80,9 миллиона долларов в 1965 финансовом году.

На радио и телевидении некоторые люди озабочены тем, что две из трех основных телевизионных сетей имеют финансовые связи с крупными военными подрядчиками. «Нэшнел бродкастинг компани» принадлежит «Рэдио корпорейшн оф Америка», которая как военный подрядчик стоит на двадцать четвертом месте, получив заказы на 213 900 тысяч долларов в 1965 финансовом году. В том же году «Америкэн бродкастинг компани» заявила о своем слиянии с «Интернэшнел телефон энд телеграф», которая стоит на двадцать пятом месте среди военных подрядчиков с заказами на сумму 206 700 тысяч долларов.

Было очевидно, что умное и сознающее свою власть правительство могло бы использовать контроль Пентагона над выдачей военных заказов как средство оказания давления на основные телевизионные компании. Такое положение явно недопустимо, особенно в стране, где телевидение играет важнейшую роль в распространении политической и коммерческой информации.

Несколько созданных правительством бесприбыльных корпораций числятся среди первой сотни военных подрядчиков по сумме военных заказов. Корпорация «Аэроспейс» стоит в этом списке восьмой с суммой 77 500 тысяч долларов, корпорация «Систем дивелопмент» — шестидесятой с 48 900 тысячами долларов и корпорация «Майтр» — семидесятой с 38 500 тысячами долларов.

Огромный бюджет Пентагона стал для колледжей и университетов страны удобным источником преодоления неотложных финансовых затруднений, и нет никаких сомнений, что субсидии министерства обороны дают средства для выплаты более высоких окладов и приобретения лучшего оборудования. Такой порядок обуславливает вопрос о том, насколько независимыми будут

мнения ученых, субсидируемых министерством обороны, при анализе или критике программ или политики людей, которые контролируют выдачу огромных субсидий для высшего образования.

Многие крупнейшие университеты заинтересованы в сохранении хороших отношений с Пентагоном, потому что хотят обеспечить себе возобновление контрактов. В 1965 финансовом году университет Джонса Гопкинса получил военные заказы на 48 500 тысяч долларов, а Стэнфордский научно-исследовательский институт — на 30 700 тысяч долларов.

Массачусетский технологический институт стоял на первом месте в 1964 финансовом году среди получивших субсидии Пентагона для научных исследований и высшего образования, получив 98 044 тысячи долларов. Университет Джонса Гопкинса был на втором месте, получив 54 989 тысяч от министерства обороны на научные исследования и образование, а Калифорнийский университет стоял на третьем месте с 19 068 тысячами долларов.

Даже те 5 852 тысячи долларов, которые Гарвардский университет получил от Пентагона в 1964 финансовом году, выглядят солидной суммой, хотя от двух других государственных учреждений — национального института здоровья и национального научного фонда Гарвардский университет получил более значительную долю от общей суммы федеральных субсидий в 37 092 тысячи долларов.

В своем заявлении от 8 марта 1966 года министр обороны Макнамара подчеркнул важное влияние, которое оказывают капиталовложения Пентагона на учебные заведения Америки. Он сообщил комиссии палаты представителей по вооруженным силам, что «министерство обороны оплачивает почти половину научно-исследовательских работ в области физики и техники, которые проводятся в американских университетах и колледжах». Макнамара сказал, что значительная часть средств Пентагона вкладывается в крупнейшие учебные заведения, однако имеются планы расширить круг субсидируемых университетов и колледжей и втянуть их таким образом в сферу влияния Пентагона.

Многие ученые, возможно, не сознают, какое влияние способны оказывать средства, вкладываемые Пента-

гоним в крупные учебные заведения, однако в самом министерстве обороны это хорошо понимают, как понимают и значение концентрации власти в канцелярии министра обороны.

Расходы на денежное содержание военнослужащих и вольнонаемных свидетельствуют о важности военных баз для экономики и политики различных штатов. К тому же в законодательных органах штатов и страны очень мало политических деятелей, знающих, какой потенциал власти скрывается в денежных средствах, которыми распоряжается Пентагон.

Данные на 30 июня 1965 года показывают, что на территории США находилось 1 041 тысяча военнослужащих, получавших денежное содержание и пособия на сумму 7,7 миллиарда долларов в год. В то же время Пентагон контролировал 940 763 вольнонаемных служащих с годовым фондом заработной платы 6,7 миллиарда долларов. Военные базы являются жизненно важным фактором для всех политических деятелей в таких штатах, как Калифорния, где размещено 212 859 военнослужащих с годовым фондом денежного содержания и пособий на сумму 983 125 тысяч долларов и 138 777 вольнонаемных служащих министерства обороны с годовым фондом заработной платы, превышающим миллиард долларов.

То же самое можно сказать и о Техасе, где находится 165 099 военнослужащих, получающих денежное содержание и пособия на сумму 789 миллионов долларов, и 60 051 вольнонаемный служащий министерства обороны с годовым фондом заработной платы 398 миллионов долларов.

Даже в таком штате, как Айова, где размещено всего 1445 военнослужащих и 630 вольнонаемных служащих министерства обороны, политическим деятелям необходимо учитывать право Пентагона закрывать военные базы. 8 миллионов долларов, получаемых военнослужащими, и 3,7 миллиона долларов, получаемых вольнонаемными, возможно, не представляют значительной суммы в масштабах всей экономики Айовы, однако закрытие базы или учреждения может иметь важные экономические и политические последствия для того или иного района.

Раньше право распределения военных расходов было рассредоточено между различными управлениями министерства обороны, а также комиссиями конгресса, занимавшимися военными вопросами. Высокопоставленные члены комиссий сената и палаты представителей по вооруженным силам и по ассигнованиям оказывали сильное, часто доминирующее влияние на решения министерства обороны. Это были люди, со взглядами которых приходилось считаться самым серьезным образом при решении вопросов об организации или закрытии военных баз, заключении контрактов и выработке общей политики в отношении систем оружия.

В ту эпоху более рассредоточенной власти министры армии, ВМС и ВВС представляли собой независимую силу и имели значительные полномочия в области расходования военных ассигнований. Структура этой рассредоточенной власти включала многих кадровых офицеров и гражданских технических экспертов, которые имели возможность оказывать серьезное влияние — и оказывали его — на выдачу определенных типов военных заказов.

Постепенное снижение роли министров видов вооруженных сил происходило в течение более десяти лет, но переломный момент наступил после того, как в январе 1961 года министром обороны стал Макнамара. Бывший президент компании «Форд» использовал всю власть, предоставленную ему в связи с реорганизациями 1947, 1949, 1955 и 1958 годов, чтобы ограничить права трех министров видов вооруженных сил и сосредоточить контроль в канцелярии министра обороны.

В первый год царствования министра обороны Макнамары гражданские министры видов вооруженных сил возмущались незаконной, с их точки зрения, узурпацией власти канцелярией министра обороны. И сам Макнамара, и его помощники, и заместители энергично обходили министров видов вооруженных сил и имели дело непосредственно почти со всеми нижестоящими инстанциями. Министр армии Элвис Стар в знак протеста подал в отставку, заявив при этом, что «решения, которые раньше принимались лично министрами видов вооруженных сил и военачальниками, теперь все чаще и чаще принимаются министром обороны и его аппаратом».

Министр армий утверждал, что происходит неразум-

ная централизация власти и что, по его мнению, столь громадная организация, как Пентагон, не может и не должна управляться несколькими лицами, стоящими у вершины власти. Этот взгляд совпал с точкой зрения, высказанной несколькими годами раньше членом палаты представителей Карлом Винсоном. Он долгое время занимал пост председателя комиссии палаты представителей по вооруженным силам и выступал против чрезмерной централизации власти в руках нескольких лиц, которые, как он считал тогда, никак не могли быть настолько мудрыми, чтобы принимать все решения по вопросам обороны, а это им пришлось бы делать при централизации власти.

Винсон несколько раз тщетно пытался противодействовать влиянию министра обороны Макнамары, но затем примирился с подчиненной ролью в игре, где он уже не располагал прежней властью. Винсон счел удобным занять позицию почти раболепствующего поклонника Макнамары, восхваляющего его как «величайшего в истории США министра обороны».

Министр ВВС Юджин Зуккерт и министр ВМС Джон Коннелли в известной мере разделяли озабоченность, проявленную Старом по поводу авторитарных устремлений Макнамары. Зуккерт распорядился провести юридический анализ своих полномочий и в конечном счете пришел к выводу, что различные реорганизации, по существу, лишили министров видов вооруженных сил возможности эффективно противодействовать министру обороны. Отставка являлась практически единственной альтернативой согласию на подчиненную роль. В конце концов Зуккерт и Коннелли перестали оказывать сопротивление канцелярии министра обороны и фактически согласились подчиняться помощникам министра обороны во многих важных областях.

Комитет начальников штабов также обнаружил, что его юрисдикция резко ограничивалась теми же самыми мерами, которые подорвали полномочия министров видов вооруженных сил. Министр обороны расширил свою собственную канцелярию, создал общие для министерства обороны управления — разведывательное, снабжения и финансово-контрольное, а помощники министра обороны получили еще большие полномочия в отношении различных видов вооруженных сил.

Старые методы связи между видами вооруженных сил, с одной стороны, и сенаторами и членами палаты представителей — с другой, начали отживать и перестали быть средством эффективного контроля над деятельностью канцелярии министра обороны. Представители конгресса и видов вооруженных сил сохраняли возможность обмениваться информацией, но зачастую это не имело смысла. Сенаторы и члены палаты представителей больше не могли прямо использовать власть своих друзей в бюрократической иерархии армии, ВМС или ВВС для решения интересовавших их вопросов. Министр обороны и его многочисленные помощники стали высшей инстанцией в решении вопросов, которые раньше были компетенцией видов вооруженных сил.

Управление снабжения и разведывательное управление министерства обороны, созданные осенью 1961 года, централизовали закупку предметов снабжения вооруженных сил, а также сбор и оценку разведывательной информации в масштабах всего министерства обороны. Помощник министра обороны по общественной информации так организовал службу информации, что штабы армии, ВМС и ВВС лишились возможности публиковать сведения, которые идут вразрез с планами и программами канцелярии министра обороны.

В 1964 году в министерстве обороны было создано финансово-контрольное управление с задачей централизации контроля над размещением контрактов. В 1965 году стало известно, что по планам министра обороны в этом управлении должно было быть больше инспекторов и бухгалтеров, чем во всем центральном финансовом управлении, учрежденном конгрессом для осуществления финансового контроля над всеми правительственными ведомствами, включая министерство обороны.

Некоторые отчеты центрального финансового управления с результатами проверки контрактов министерства обороны оказались настолько критическими, что вызвали негодование в канцелярии министра обороны. При создании финансово-контрольного управления канцелярия министра обороны потребовала, чтобы центральное финансовое управление ослабило критику военных контрактов и внесло предложение пересмотреть функции центрального финансового управления. Смысл предложенных изменений сводился к лишению цен-

трального финансового управления права доступа к некоторым документам министерства обороны, а также к документации военных подрядчиков.

Канцелярия Макнамары указывала, что, вероятно, нет больше необходимости в том, чтобы центральное финансовое управление контролировало в прежней форме финансовую деятельность министерства обороны, так как само министерство осуществляет теперь более строгий финансовый контроль. Министр обороны высказал мнение, что осуществление центральным финансовым управлением контроля в прежней форме привело бы к «излишним затратам и дублированию». Министерство обороны обращало мало внимания на отдельные высказывания в конгрессе относительно того, что если Макнамаре разрешат контролировать финансовую деятельность своего же министерства, то объективного финансового контроля не будет. Это явилось еще одним шагом в направлении централизации власти и устранения внешних сдерживающих факторов.

Аппарат Макнамары делал основной упор на все большую и большую централизацию власти в канцелярии министра обороны, увеличение ее штатов и расширение функций. В результате прежней рассредоточенной власти пришел конец и была создана централизованная структура, которая позволила энергичному и властолюбивому министру обороны выйти за рамки сдерживающих факторов и эффективных ограничений, существовавших в прошлом.

В течение первых пяти лет пребывания Макнамары на посту министра обороны эту перестройку почти полностью завершили.

Полномочия министров видов вооруженных сил были урезаны, и возможность эффективного и целенаправленного выражения несогласия с их стороны была сведена до минимума, если не вообще устранена.

Командование видов вооруженных сил лишилось прямой связи с конгрессом. Начальники штабов уже не могли больше рассчитывать на защиту министров видов вооруженных сил и отдельных конгрессменов, чтобы добиваться самостоятельности в принятии решения.

Конгресс оказался без эффективных средств противодействия централизованной власти, сосредоточенной в канцелярии министра обороны. Создалось положение,

при котором конгрессмены стали зависеть от доброй воли министра обороны в большей степени, чем он от них.

Объединившись, конгрессмены имели бы возможность взять верх над министром обороны, однако конгресс не был единым. Канцелярия министра обороны использовала свое право размещать заказы и закрывать базы для того, чтобы проводить политику «кнута и пряника» в отношении влиятельных лиц в сенате и палате представителей. Лишь отдельные сенаторы и члены палаты представителей, политические ставки которых на решения министерства обороны были невелики, могли позволить себе выступить с открытой критикой в адрес Пентагона.

Но даже те, кто имел смелость выступить с критикой, боялись пропагандистской мощи централизованного пресс-бюро Пентагона. Пресс-бюро Пентагона говорило в один голос — и этот голос был громким, — пытаясь дискредитировать критиков в конгрессе. Сложных статистических данных, которыми располагало министерство, ворожающее многими миллиардами долларов, было достаточно, чтобы запутать или подавить большинство критиков, а также и прессу. Вся эта власть была сосредоточена в руках человека, принимавшего решения в Пентагоне, — в руках министра обороны Роберта С. Макнамары.

Сторонники централизованной власти Пентагона обычно указывали на следующие преимущества, которые она давала:

— устранение или резкое уменьшение политического давления конгресса на решения Пентагона;

— подавление большей части неугодных мнений, публично высказывавшихся военными и гражданскими техническими экспертами;

— резкое уменьшение критики со стороны инспекторов центрального финансового управления, которая вызывала недовольство руководителей министерства обороны, а также многих крупных военных подрядчиков;

— ликвидация дублирования деятельности финансово-контрольного управления министерства обороны со стороны центрального финансового управления благодаря отмене некоторых видов ревизий, проводимых последним;

— установление более непосредственного контроля со стороны канцелярии министра обороны над частной промышленностью и подавление инициативы военных подрядчиков в решении вопросов о поставках военного снаряжения;

— частичное решение проблемы, связанной с публикацией противоречивых материалов по военным вопросам. Централизация деятельности службы общественной информации уменьшает вероятность того, что инакомыслящие будут давать интервью репортерам и поднимать вопросы, которые канцелярия министра обороны не хотела бы затрагивать.

Лишение министерств армии, ВМС и ВВС функций, касающихся общественной информации, не только обеспечивает совершенствование работы в этой области, но и ведет к увеличению публикуемой информации в разных формах, повышению ее авторитетности и большей согласованности.

Все недостатки, которые характерны для такой высокоцентрализованной системы с точки зрения возможностей контроля над властью Пентагона, компенсируются преимуществами более эффективного руководства военной машиной при полном единоначалии. Нам говорят, что беспокойство по поводу такой централизации власти при нашей системе правления на длительный срок лишено оснований. Нам объясняют, что те, кто пользуется этой колоссальной властью с величайшим благоразумием, являются способными людьми, считающими своим долгом создать самую эффективную и действенную в истории военную машину. Если же их методы и кажутся иногда грубоватыми, то это простительно, учитывая, что на лиц, принимающих те или иные решения, возложена большая ответственность и что они сосредоточивают все силы на создании средств, обеспечивающих «эффективность затрат», чтобы вести дела в наших интересах. И если иногда мы не можем понять их действия или их объяснения, то все равно следует считать, что нам повезло, раз такие патриотически настроенные и преданные долгу люди согласились нести ответственность за управление нашим сложным, перегруженным властью Пентагоном.

Здание Пентагона выросло в начале сороковых годов на участке в 235 гектаров на болотах и пустырях

южнее реки Потомак в штате Вирджиния. Строительство огромного пятиугольного здания обошлось в 49 600 тысяч долларов, но если к этому прибавить стоимость земельного участка, 48 километров подъездных шоссе, 21 виадук и мост, а также площадки для стоянки 10 тысяч машин, то общая стоимость превысит 83 миллиона долларов.

В этом похожем на крепость сооружении имеется пять кольцеобразных концентрически расположенных секций, соединенных между собой десятью радиальными переходами. Здание должно было стать «самым большим административным помещением в мире» и центром управления военной машиной США.

Местонахождение здания и его необычная архитектура явились предметом острых споров в первые месяцы 1941 года, когда начали вырисовываться окончательные варианты проекта. Эти споры продолжались и 11 августа 1941 года, в день подписания генерального контракта на строительство здания; по-прежнему существовали серьезные расхождения в мнениях относительно того, в какой мере Соединенные Штаты должны ввязываться в войну в Азии и Европе. За четыре месяца до катастрофы в Пирл-Харборе — 7 декабря 1941 года даже такие люди, как начальник инженерных войск генерал Брехон Сомервелл, не могли дать четкого ответа на вопрос, для каких целей можно будет использовать Пентагон, когда минуют грозные тучи войны.

В стадии проектирования Пентагон высмеивали как «чуждость Сомервелла». Он оставался объектом шуток долгое время после того, как был признан рационально построенным зданием. Он вдвое больше торгового центра «Мерчандайз март» в Чикаго, и его коридоры на пяти этажах пяти концентрических колец тянутся более чем на 27 километров. Тем не менее требуется не более шести-семи минут, чтобы пройти из одной крайней точки здания в другую.

Строительство Пентагона было завершено 15 января 1943 года, но сразу после начала второй мировой войны ощущалась такая нехватка в помещениях, что первые сотрудники въехали в здание 29 апреля 1942 года — всего через восемь месяцев после заключения контракта на строительство. Здание сооружалось для тогдашнего военного министерства и поначалу служило

командным пунктом военного министра Стимсона и генерала Маршалла. Хотя ВМС не переводили своих основных учреждений в Пентагон вплоть до конца второй мировой войны, он был, по существу, центром всего объединенного военного руководства, созданного наспех в тот тревожный период.

Объединенное, или централизованное, руководство деятельностью вооруженных сил в течение всей второй мировой войны было в значительной мере импровизированным, поскольку военное министерство, руководимое Стимсоном, и военно-морское министерство, руководимое Форрестолом, по закону являлись самостоятельными ведомствами.

Здание Пентагона позволило решить проблему размещения руководящих органов министерств армии и флота, однако реальные и мнимые административные слабости, явившиеся предметом разбирательства со стороны конгресса во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы, устранены не были.

В 1945 году президент Трумэн предложил в интересах обеспечения национальной безопасности и в интересах экономии средств объединить руководство вооруженными силами. В своем послании от 19 декабря он выступил с предложением создать единое министерство национальной обороны. Гражданскому министру должны были подчиняться заместители и помощники министра по армии, ВМС и ВВС, а также начальник штаба вооруженных сил.

Командование военно-морских сил энергично возражало против этого предложения, так как президент Трумэн в значительной мере следовал плану, составленному генерал-лейтенантом Коллинсом. Предложение генерала Коллинса и генерала ВВС Арнольда могло привести к резкому уменьшению роли ВМС в связи с утратой ими определенных функций (действия на суше и в воздухе). ВМС имели влиятельного защитника в лице председателя комиссии палаты представителей по военно-морским делам Карла Винсона (демократа от штата Джорджия).

Объединение вооруженных сил продвигалось в послевоенный период, однако оно никогда не имело полной поддержки в конгрессе, хотя и считалось важным для ликвидации споров между видами вооруженных

сил, а также для устранения некоторого дублирования и других недостатков.

Первый серьезный шаг, предпринятый в 1947 году, был компромиссом. Закон о национальной безопасности 1947 года предусматривал создание единого национального военного ведомства взамен военного и военно-морского министерств. Это давало возможность осуществлять раздельное управление армией, ВМС и ВВС под «общим руководством, властью и контролем», возложенными на Форрестола, который стал первым министром обороны. Этим законом также предусматривалось, что комитет начальников штабов является «главным военным советником» президента и министра обороны.

Через два года, в соответствии с поправками 1949 года к закону о национальной безопасности, было утверждено создание министерства обороны, введены дополнительные должности заместителя и трех помощников министра обороны, а также образованы три подчиненных министру обороны министерства видов вооруженных сил. Министр обороны был боссом, но его власть ограничивалась некоторой независимостью министров видов вооруженных сил и членов комитета начальников штабов в их отношениях с конгрессом.

Однако реорганизация, проведенная в 1953 и 1958 годах, привела к еще большей централизации власти в руках министра обороны.

Реорганизация 1953 года предоставила министру обороны полномочия назначить шесть новых помощников, что усилило власть и создало механизм для дальнейшего подрыва независимости министров армии, ВМС и ВВС. Министру обороны было также дано право назначать начальника объединенного штаба, штаты которого по реорганизации 1949 года расширились со 100 до 210 человек.

В 1958 году штаты объединенного штаба были увеличены до 400 человек, и он стал достаточно крупным органом, чтобы оказывать мощную поддержку канцелярии министра обороны в любых спорах с видами вооруженных сил. Этот шаг предоставил также министру обороны право консолидировать функции обслуживания и снабжения, что явилось гораздо более сокрушитель-

ным ударом по независимости армии, ВМС и ВВС, чем можно было представить себе в то время.

Первоначально министерство обороны было создано для принятия наиболее важных решений. Предполагалось, что это будет небольшая эффективная организация, не погрязшая в текущих проблемах управления армией, военно-морским флотом и военно-воздушными силами и способная принимать важнейшие решения, а также улаживать споры.

Сейчас Пентагон превратился в самый большой и наиболее централизованный бюрократический аппарат. В итоге четырех реорганизаций, двадцати лет холодной войны и локальных войн, а также деятельности восьми министров обороны сформировался огромный аппарат военного могущества, возглавляемый одним человеком.

Каждый день на работу в Пентагон является 26 тысяч сотрудников — 14 200 вольнонаемных и 11 880 военнослужащих. Помимо штатных сотрудников министерства обороны в этом гигантском сооружении ежедневно находится от 2 до 3 тысяч других лиц, имеющих там кабинеты или приходящих по делам. В это число входят сотни журналистов и обозревателей газет, радио и телевидения, которым поручено освещать военные новости. Туда же входят сотни торговцев и служащих, работающих в различных предприятиях в вестибюле Пентагона, в том числе книжном магазине, банке, поликлинике и зубокабинете, почте, парикмахерской, магазине одежды, прачечной и химической чистке, железнодорожной, авиационной и автобусной билетных кассах, цветочных магазинах, булочной, кондитерской, камере хранения, телеграфе, магазине оптики, фотомагазине, газетном киоске, ювелирном магазине, сапожной мастерской, почте-автомате и аптеке. Помимо этих частных предпринимательств в Пентагоне находятся кабинеты для представителей иностранных правительственных учреждений и государственных учреждений США по связи или совместной деятельности с министерством обороны.

По подсчетам представителя министерства обороны, Пентагон ежедневно посещают от 5 до 6 тысяч человек по делам или с экскурсиями. Официального подсчета посетителей нет, поскольку с 7 часов утра до 6 часов вечера для входа не требуется пропуска и регистрация

посетителей не ведется. В этот период здание не находится на особом режиме, однако те части здания, которые считаются секретными, охраняются круглосуточно самым тщательным образом. Даже министр обороны и члены комитета начальников штабов должны предъявлять свои документы и фотографироваться при входе в такие секретные места, как центр управления вооруженными силами страны, где на табло постоянно демонстрируются самые секретные сведения, или же аналогичные центры управления видами вооруженных сил — пункт управления сухопутными войсками, командный пункт военно-морских сил, командный пункт военно-воздушных сил и центр экстренных операций корпуса морской пехоты.

Министр обороны в своем кабинете — самом большом кабинете на третьем этаже кольца «Е» Пентагона — имеет потрясающую власть. Эта власть намного сильнее и выше, чем просто контроль над тем, что изображается как самая мощная в истории военная машина. Из-за своего письменного стола из орехового дерева размером три на полтора метра или со своего командного пункта в недрах Пентагона министр обороны может в любой момент связаться по телефону с президентом. У него прямая связь со штабом стратегической авиации в Омахе (штат Небраска) и штабом противовоздушной обороны Северной Америки в Колорадо-Спрингс (штат Колорадо). Прямая связь обеспечена с военными кораблями в море и с самолетами в воздухе.

Еще больше, чем его контроль над действиями вооруженных сил, потрясает его власть над военным бюджетом, превышающим 50 миллиардов долларов в год. Эта власть может распространиться и распространяется на все части нашего общества, включая деловые и политические круги. Это та власть, о которой нас предупреждали, что она не должна попасть в руки какого-либо авторитарно настроенного военного, и есть люди, которые сомневаются в разумности сосредоточения такой власти в руках штатского министра обороны, даже имеющего самые благие намерения.

При рассмотрении роли политической власти министра обороны во всей ее полноте и в исторической перспективе становится очевидным, что существуют причины, которые могут заставить рассматривать ее как

столь же устрашающую, как и сама военная мощь. Право распоряжаться бюджетом Пентагона, независимо от того, пользуются им или нет, представляет собой право принуждения по отношению к некоторым крупнейшим отраслям промышленности, наиболее уважаемым учебным заведениям, влиятельным журналистам и писателям и некоторым могущественным сенаторам и членам палаты представителей.

То обстоятельство, что министерство обороны является огромным, сложным и трудным для понимания органом, не лишает эту власть реальности. Эта власть лишь спрятана, замаскирована за занавесом из вежливых слов и малопонятного статистического жаргона, который, как часто кажется, используется скорее для того, чтобы запутать, чем разъяснить тот или иной вопрос.

Совершенно недостаточно рассматривать колоссальную власть, которой располагает Пентагон сегодня, только оценивая роль политических деятелей, которые занимают ведущие должности в течение какого-то ограниченного периода. Важно, чтобы мы понимали проблему централизованной власти Пентагона в перспективе нашей истории и нашей политической системы. Я пишу книгу о Пентагоне, чтобы показать эту перспективу на примерах извечных проблем, которые стояли перед нами в течение всей нашей истории. Представляется, что большинство этих проблем останется не решенными до тех пор, пока придется организовывать и контролировать военную машину.

Хотя войны, где решающая роль принадлежала кавалерии и стрелковому оружию, ушли в прошлое, и мы вступили в эру ядерной энергии и реактивных самолетов, многие важные проблемы остались нерешенными. На высших должностях в наших военных ведомствах были люди хорошие и плохие, мудрые и глупые. Ни профессиональные военные, ни гражданские политические деятели не имеют монополии на ум или глупость. Существует некомпетентность военных и некомпетентность гражданских лиц, самонадеянность военных и самонадеянность гражданских лиц. Чтобы понять, что означает или может означать высокоцентрализованная власть Пентагона для нашего будущего как нации, нам необходимо представить себе картину в целом.

2. ИЗВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вопросы финансирования эффективной и стоящей на высоте современных требований военной машины всегда были нелегкими.

Существует тенденция считать атомный век с его сложными системами оружия настолько далеким от прошлого, что не имеет якобы смысла искать в нашей истории уроков для решения современных проблем. Однако фактически имеются все основания бросить взгляд назад и изучить наш опыт войны и строительства вооруженных сил, чтобы понять решения, которые должны принимать Соединенные Штаты для уравнивания и контролирования власти Пентагона сегодня и завтра.

На протяжении всей нашей истории ряд кризисов обострял, выпячивал извечные проблемы, которые сопутствовали строительству эффективной военной машины. Необходима была постоянная борьба для достижения такого равновесия, при котором сохранялся бы гражданский контроль над военными, как это предусмотрено конституцией, и в то же время оказывалось бы содействие подготовке и использованию военных специалистов, обладающих разносторонними профессиональными знаниями.

Сама по себе эта цель проста, но, как показывает история на многих примерах, труднодостижима.

Есть несколько серьезных препятствий к достижению удовлетворительного равновесия между военными и гражданскими лицами в нашем военном ведомстве. Во-первых, существует тенденция со стороны гражданских

министров искать решения, обусловленные их собственными политическими устремлениями и краткосрочными политическими целями возглавляемых ими министерств. Во-вторых, высокопоставленные военные лица стремятся составлять планы скорее на основе потребностей и целей прошлых войн, чем на основе новых технических достижений. Наконец, бюрократическая верхушка в своем самодовольстве проявляет нетерпимость к оппозиционно настроенным лицам. Подобные отношения создают атмосферу политического фаворитизма в назначениях, продвижении по службе и распределении за-казов.

Проблемы установления равновесия между военными и гражданскими руководителями возникали так часто на протяжении всей нашей истории, что вызывали критические замечания со стороны высокопоставленных лиц, а также историков. Но мы редко помним уроки прошлого.

В первые годы существования нашей республики все военные функции были сосредоточены в одном ведомстве, а именно в военном министерстве. В распоряжении военных находилось всего несколько фрегатов, но использованием их руководило это министерство.

И только в 1798 году перед лицом угрозы войны с Францией, которая выявила необходимость в сильных, самостоятельно управляемых военно-морских силах, конгресс принял закон о создании военно-морского министерства.

Перед самым началом военных действий в 1812 году военно-морской флот был совершенно неподготовлен к войне. Имелось лишь несколько боевых кораблей и совсем не было сухих доков.

Из-за охватившей страну паники весь военно-морской флот оставался в портах. Существовало опасение, что превосходство англичан на море грозит полному уничтожению молодого американского флота. Настойчивые возражения двух американских морских офицеров в конечном счете привели к тому, что военно-морским силам разрешили принять участие в боевых действиях.

Американский военно-морской флот имел в своем составе, по существу, только флотилию на озере Эри под командованием Перри. Боевые действия ограничи-

вались ударами по английскому торговому судоходству и уничтожением нескольких отдельных английских военных кораблей. Поскольку американские военно-морские силы не могли защитить побережье Америки, англичане высадили войска и сожгли столицу.

В 1815 году конгресс США попытался добиться установления равновесия в руководстве военно-морским министерством. Война показала неспособность гражданских лиц руководить военным ведомством. Был создан совет специальных уполномоченных по военно-морским делам для оказания профессиональной помощи и предоставления консультаций министру. К сожалению, принятым законом не удалось разделить руководство министерством на сферы ответственности гражданских и военных лиц. Из-за отсутствия определенных директив совету специальных уполномоченных стали поручать руководство гражданскими направлениями деятельности министерства: снабжением, вооружением и строительством. Ему не разрешили взять на себя ответственность по определению военных потребностей военно-морских сил.

В 1842 году вновь были предприняты попытки реорганизовать руководство военно-морскими силами и исправить положение, которое складывалось из-за отсутствия у министра ВМФ должным образом расставленных военных советников. Были созданы различные бюро для руководства чисто гражданскими сферами деятельности министерства. Но вместо того чтобы пересмотреть обязанности совета специальных уполномоченных, его ликвидировали. И снова министр пытался осуществлять военное планирование, не имея компетентной профессиональной помощи.

Начавшаяся гражданская война потребовала огромных людских ресурсов и значительного количества боевой техники. Министерство ВМФ снова оказалось в замешательстве. Никаких планов использования флота не было, как не было и компетентных морских офицеров на ответственных постах. Военно-морской министр Гидеон Уэллс позднее указывал, что «он не имел помощи со стороны военных специалистов и находился в положении полной изоляции».

В условиях отсутствия в аппарате министерства лиц, способных взять на себя ответственность за руководст-

во, стала очевидной потребность в создании морского штаба или ему подобного органа. После ряда попыток навести порядок в этом хаосе была учреждена должность помощника военно-морского министра, на которую назначили отставного морского офицера Густавуса Фокса. Ему было поручено оперативное руководство действиями флота. Фактически он стал начальником главного морского штаба. Одновременно создавались управления, которые по своим функциям являлись управлениями главного штаба. Было потеряно два долгих дорогостоящих года, прежде чем удалось обеспечить достаточно компетентное руководство военно-морскими силами. В течение этих двух лет флот тщетно пытался овладеть Чарльстоном. И произошло это потому, что руководители министерства ВМФ не сомневались, что сумеют решить задачу самостоятельно, без поддержки армии. Министерство было не без компетентных лиц, но, как отметил один историк, «этот неуспех был не их неудачей, а неудачей всей системы, против которой им приходилось бороться».

В своем годовом отчете президенту военно-морской министр Гидеон Уэллс признавал, что в министерстве не было ни одного лица, имеющего опыт или обладающего полномочиями планировать или руководить боевыми действиями, и добавлял, что «поэтому позиция министерства была умозрительной и неопределенной».

Созданный в конце концов эффективный аппарат после окончания гражданской войны был ликвидирован. Единственную военную должность в военно-морском министерстве — должность помощника министра — упразднили.

Хотя военно-морскими министрами назначались гражданские лица, они не были равнодушны к недостаткам в работе министерства. Они сознавали, что военно-морские силы не готовы к выполнению своей основной задачи — успешному ведению боевых действий.

Во время президентства Кливленда военно-морской министр У. Уитни в своем отчете за 1885 год выразил сомнение в том, что военно-морские силы располагали в то время хотя бы одним кораблем, который мог бы сражаться. Его мольбы о реорганизации военно-морского министерства остались без внимания.

В 1886 году адмирал Люс содействовал созданию военно-морского колледжа. Здесь офицеры впервые начали изучать военно-морскую науку. В порядке тренировки военно-морской колледж, в отличие от военно-морского министерства, подготовил примерный неофициальный план ведения войны с Испанией.

После начала войны с Испанией военно-морское министерство стало наспех создавать боевые силы флота, а когда было создано управление морских операций, оно воспользовалось военными планами, составленными ранее в военно-морском колледже, — единственными имевшимися тогда планами.

Война с Испанией наглядно показала необходимость реформы в наших военных учреждениях. Были сделаны попытки использовать уроки войны. В период, когда военное министерство возглавлял Рут, его наконец реорганизовали и создали при нем генеральный штаб. Но в военно-морском министерстве не было принято никаких мер по созданию штаба для руководства боевыми действиями флота.

3. АФЕРИСТЫ, ПАЦИФИСТЫ И ПОЛИТИКАНЫ

Действия военного министерства в период гражданской войны до сих пор являются примером коррупции в американской военной истории. Этот период может быть иллюстрацией почти всех злоупотреблений в военном ведомстве в условиях коррупции и некомпетентности политического руководства.

Средства вооруженной борьбы в то время были несложными. Люди могли вполне авторитетно судить о достоинствах лошадей и оружия, поскольку и то и другое имелось почти в любом хозяйстве. У человека создавалось вполне определенное представление о расходах казны, когда он слышал сообщения, что ружья продаются правительству по 35 долларов за штуку. И он имел основания сомневаться в честном совершении таких сделок, поскольку за то же самое ружье для своего личного пользования он платил всего 15 долларов. Люди могли возражать против сумм, выплачиваемых при покупке лошадей, которые, как они знали из своих наблюдений, непригодны даже для сельскохозяйственных работ, не говоря уже о кавалерии. Люди видели эти злоупотребления и выступали с резкими протестами, что приводило к тщательным расследованиям со стороны конгресса каждой фазы военных закупок.

Злоупотребления при закупках лошадей для армии были постоянной проблемой на протяжении всей гражданской войны. Следующий пример является весьма характерным.

В октябре 1861 года военный министр Камерон приказал начальнику квартирмейстерской службы генералу Мейгсу заключить контракт на закупку и доставку одной тысячи лошадей в Хантингдон, штат Пенсильвания — родной штат министра. Цена была установлена по 117 долларов за лошадь, и, конечно, по такой высокой цене следовало приобрести самых лучших лошадей.

Лошади для осмотра и отбора начали прибывать в ноябре того же года. Приемка лошадей так возмутила жителей Хантингдона, что двадцать самых уважаемых граждан города направили официальный протест начальнику квартирмейстерской службы. После двухдневного добросовестного осмотра всех представленных лошадей поставщики забрали свой товар обратно и заявили, что не станут выполнять заказа до тех пор, пока не будут назначены новые приемщики.

При новых приемщиках лошади были осмотрены и приняты для клеймения очень быстро. Ни о какой честной проверке не могло быть и речи.

Уже через два дня после прибытия новых приемщиков, удовлетворяющих поставщиков, хантингдонский адвокат Бенедикт написал письмо с протестом генералу Мейгсу, который для расследования обстоятельств дела послал в Хантингдон своего собственного представителя. Последний заявил, что все обвинения справедливы, и высказал мнение, что только половина из принятых девятисот лошадей пригодна для армии.

За лошадей, принятых при осмотре в Хантингдоне, платили максимальные цены. Добросовестных приемщиков, которые старались сберечь каждый доллар из государственных средств, дважды отстраняли от работы, чтобы удовлетворить требования поставщиков. Продажные приемщики платили по 117 долларов за лошадь, которая стоила не более 10—20 долларов и не годилась для кавалерии. Они принимали лошадей, страдающих шпатом, с запалом, с открытыми ранами. Они даже приняли лошадь, которой было двадцать девять лет. Их главное требование сводилось к тому, чтобы животное было в состоянии передвигаться.

Только на одном этом контракте правительство надули более чем на 50 тысяч долларов при общей сумме расходов, немного превышающей 100 тысяч долларов.

Самое поразительное пренебрежение к закону и обычному воинскому порядку было отмечено в Западном округе, войсками которого командовал генерал Джон Фремонт.

В июле 1861 года Фремонт принял командование округом в Сент-Луисе на торжественной церемонии, где ему выразили доверие, и для размещения своего штаба снял в аренду прекрасный дом, согласившись платить за это из государственного кармана 6 тысяч долларов в год.

Военное министерство дало Фремонту почти полную свободу в покупке имущества и предметов снабжения. Начальник управления артиллерийско-технической службы генерал Рипли направил офицеру артиллерийско-технической службы в Нью-Йорке указание оказывать Фремонту всяческое содействие в оснащении войск округа. Помогал Фремонту игнорировать правительственные распоряжения и министр почт Блэр.

В августе 1861 года Фремонт назначил гражданского чиновника Джона Рисайда, занимавшего должность приемщика по конскому составу, по совместительству на должность агента по закупке лошадей для Западного округа и сообщил, что ему разрешается получать 2,5 процента комиссионных от всех закупок.

Фремонт действовал в обход канцелярии начальников квартирмейстерской и артиллерийско-технической служб не только при покупке лошадей, но и при покупке оружия, проведении строительных работ и т. п. Когда почти обанкротившаяся федеральная казна не оплатила быстро его счета, он обратился к банкирам Сент-Луиса с просьбой о займе для правительства. Одновременно сообщалось, что если требуемые суммы не будут предоставлены, то Фремонт, возможно, воспользуется положением командующего округом и конфискует имущество на необходимую сумму. При размещении заказов Фремонт игнорировал процедуру торгов и платил по максимальным ценам, часто вступая в прямую конкуренцию с агентами — заготовителями из военного министерства.

Жалобы на руководителей Западного округа дошли до конгресса и побудили его провести расследование. На основе выводов комиссии по расследованию палата представителей приняла резолюцию, в которой просила

министерство финансов уладить дело с одним особенно сомнительным контрактом на приобретение пяти тысяч карабинов системы Холла. Когда конгрессмен Лавджой попытался внести поправку в резолюцию, которая гласила, что эту просьбу никоим образом нельзя истолковать как вызывающую сомнения в отношении честности Фремонта, эту поправку отклонили.

Была также создана специальная комиссия для урегулирования всех претензий военных поставщиков в адрес Западного округа. В связи с этим даже объявили мораторий на платежные обязательства Фремонта на весь период до завершения проверки счетов.

К закупкам вооружения Фремонт приступил сразу после начала войны, еще до назначения его командующим Западным округом. Весной 1861 года, находясь в Европе с неофициальной миссией, Фремонт заказал большое количество иностранного оружия. После назначения его на должность командующего Западным округом оружие было переслано ему для использования в Сент-Луисе. Но вскоре обнаружилось, что лишь из 20 процентов этих ружей можно стрелять.

Представитель артиллерийско-технической службы отказался от покупки 25 тысяч австрийских ружей по 5,5 доллара за штуку из-за того, что в них надо было вносить усовершенствования. Тем не менее агент Фремонта закупил эти же самые ружья по 6,5 доллара за штуку, т. е. увеличил расходы государства на 25 тысяч долларов на оружие, которого оно вообще не хотело иметь. И государству пришлось вносить усовершенствования в эти ружья, прежде чем стало возможным каким-либо образом использовать их.

Во время расследования Фремонт заявил, что упомянутые ружья являются «хорошим оружием», которое предпочитали иметь многие немецкие солдаты, находившиеся под его командованием. Однако показания другого офицера оказались совсем иными. Он заявил, что даже после ремонта эти ружья ненадежны: быстро ломаются и небезопасны в обращении. В бою при Бельмонте, когда американские войска ощущали острую нехватку в оружии, сочли возможным даже не вынимать эти австрийские ружья из упаковочных ящиков.

Политика Фремонта, действовавшего в обход правительственных каналов, является примером дублирова-

ния и расточительства, что было бы невозможно в хорошо организованном и по-деловому работающем военном ведомстве.

В апреле 1861 года Александр Каммингс, агент по закупкам вооружения при министре Камероне, приобрел 790 карабинов по 15 долларов за штуку. В июне того же года эти карабины составили часть партии из 5—6 тысяч карабинов, которые военное министерство по рекомендации генерала Рипли продало за ненадобностью. Артур Истмен, торговец оружием, купил эти карабины из расчета 3,5 доллара за штуку и после внесения в них мелких усовершенствований продал их Стивенсу, знакомому Фремонта, по 22 доллара за штуку. Фремонт одобрил эту покупку.

Когда комиссия по расследованию стала рассматривать эту сделку, то возник вопрос, действительно ли Стивенс был сотрудником Фремонта в момент совершения сделки. Фремонт отрицал это, но признал, что Стивенс позже действительно стал его адъютантом. Фремонт объяснил, что он дал согласие на покупку этих карабинов, поскольку у него самого был когда-то такой карабин и он полагал, что это неплохое оружие, хотя, возможно, он слабо разбирался в оружии вообще.

Комиссия видела свою главную задачу в том, чтобы установить, кто виноват в случившемся. Если Камерон и Рипли были правы, утверждая, что эти ружья непригодны, то «повторное приобретение упомянутого оружия не может иметь никакого оправдания; если же дело обстоит иначе, то продажа этого оружия, закупленного за границей, неоправданна».

В области организации и проведения фортификационных работ Фремонт также допустил немало самоуправства. Из десяти фортов, которые требовалось построить, пять стали строить силами и средствами войск округа при общей сумме расходов 60 тысяч долларов. Выполнить вторую половину работы предложили одному из друзей Фремонта, получившему еще до подписания контракта 85 тысяч долларов. В течение последующих шести недель дополнительные выплаты денег довели сумму аванса до 191 тысячи долларов. Затем подрядчик получил от Фремонта контракт на завершение постройки пяти фортов, которые сооружались строительными подразделениями войск округа.

Когда военный министр Камерон наконец приказал Фремонту прекратить работу по постройке фортов, Фремонту послал официальный протест в Вашингтон и продолжал строительство. Объясняя свои действия в комиссии конгресса, Фремонт заявил: он считал, что, как командующий округом, имеет право в боевых условиях самостоятельно решать подобные вопросы.

Выступая в комиссии по расследованию, начальник инженерной службы армии Каллом показал, что при сооружении фортов пренебрегали всеми известными принципами военно-инженерного дела и что эти форты абсолютно бесполезны с военной точки зрения. По его подсчетам, если эти работы завершить и оплатить по контрактам, заключенным Фремонтом, правительство понесет убыток приблизительно в 240 тысяч долларов.

Санкционированные Фремонтом операции не были неизвестны его штабу. Начальник квартирмейстерской службы округа Макинстри после изучения полученных им за время войны доходов был признан военным трибуналом виновным в подделке двадцати шести счетов.

Был ли сам Фремонт жуликом или он только оказался в окружении неразборчивых в средствах офицеров — предмет спора историков. Так или иначе Фремонт позволил буйно разрастись спекуляции и барышничеству. Скандальные операции проводились безо всяких помех с его стороны. Поощрялось использование служебного положения. Официальные приказы игнорировались. Никакие возражения во внимание не принимались.

Однако ответственность за полное нарушение государственного порядка падает и на начальников Фремонта. Военное министерство дало Фремонту исключительные права, но не установило должного контроля за его деятельностью. К тому же оно не обращало внимания на обоснованную критику деятельности Фремонта в Западном округе. И только право конгресса на расследование, настойчиво проводимое в жизнь, позволило вскрыть беззакония в округе, которым командовал Фремонт.

Общая неподготовленность военного министерства помешала ему взять на себя ответственность за организацию военных действий в ходе гражданской войны. Войска комплектовались и вооружались уже после на-

чала войны. Фремонту были предоставлены полномочия начальника регионального ведомства, поскольку само военное министерство не могло должным образом руководить действиями на местах. Чрезвычайные полномочия давали таким, как Фремонт, широчайшую свободу действий и не обеспечивали надлежащего контроля.

Какими бы безответственными и преступными ни были действия Фремонта в Западном округе, в случившемся виновно военное министерство. Именно оно допустило бурное развитие коррупции.

Дело о министре Камероне и закупках для военного министерства дошло однажды до верховного суда. Рассмотрение дела об иске фирмы «Провиденс тул» к Норрису выявило прямую связь Камерона со спекулянтами-посредниками. В начале войны Норрис, действуя в качестве агента фирмы «Провиденс тул» по заключению контрактов с правительственными органами, прибыл в Вашингтон и начал усиленно «искать связей в военном министерстве». Он обрабатывал тех, кто мог оказать ему услугу и представить важным официальным лицам в правительстве. После того как Норрис был представлен Камерону, он сумел получить заказ от министра на 25 тысяч ружей по 20 долларов за штуку. И хотя эта цена соответствовала уровню цен, выплачиваемых в то время военным министерством, она значительно превышала цены на ружья на свободном рынке. «После того как его поблагодарили, министр выразил надежду, что Норрис получит немалую сумму денег» по этому контракту. Камерон узурпировал полномочия квартирмейстерской службы, давая этот заказ, что было типично для него.

К несчастью для Норриса, у него возник спор с фирмой «Провиденс тул» в отношении условий сделки. Норрис утверждал, что он должен получать по 3 доллара за каждое ружье, закупленное правительством. Фирма же заявляла, что согласилась вознаградить его только «щедрой компенсацией».

Еще один случай узурпации военным министром Камероном прав и обязанностей квартирмейстерской службы привел к осуждению военного министра конгрессом, после того как он был выведен из состава кабинета министров. 30 апреля 1862 года палата представителей приняла следующую резолюцию: «Постано-

вили, что Саймон Камерон, бывший военный министр... проводил политику, весьма вредную для государства, и заслуживает осуждения палатой».

С начала первой мировой войны до вступления в нее Америки существовало различие в мнениях по вопросу о том, следует ли США готовиться к войне. К самым главным сторонникам мнения, что Америка должна готовиться к войне, относились бывший президент Теодор Рузвельт, генерал Вуд и военный министр Бейкер. В правительстве Вильсона противники этого взгляда занимали более сильные позиции. Помимо самого Вильсона этой же точки зрения придерживались активные пацифисты — государственный секретарь Брайан и военно-морской министр Даниельс.

Как только разразилась война в Европе, генерал Вуд, блестящий и уважаемый профессиональный военный, встревожился из-за недостаточной подготовленности Америки в случае вступления в войну. Без согласия военного министерства он начал активно выступать в поддержку военного обучения в колледжах. Он также поддерживал идею о создании летних лагерей для обучения резервистов. В последнем ему энергично помогал бывший президент Рузвельт.

Когда Вильсону, являвшемуся верховным главнокомандующим, стало известно, что его военная политика подвергается нападкам со стороны самого известного военачальника того времени, он приказал военному министру сделать выговор Вуду. Поскольку министр Бейкер, незадолго до этого примкнувший к группировке, которая считала необходимым подготовить Америку к войне, соглашался с оценкой Вуда в отношении американской военной мощи, выговор был написан министром собственноручно и в мягких выражениях. В дальнейшем Вуд продолжал получать полусерьезные выговоры и приказы прекратить разжигание споров до вступления Соединенных Штатов в войну.

С оппозицией Рузвельта бороться было легче. Вильсон нанес поражение Рузвельту на выборах 1912 года. В связи с этим было объявлено, что он поддерживает подготовку к войне по внутривнутриполитическим соображениям.

В 1915 году «Балтимор сан» поместила сообщение, что генеральный штаб армии готовит планы войны с

Германией. Когда это сообщение дошло до Вильсона, он приказал помощнику военного министра Брекенриджу проверить его. Если бы оно подтвердилось, Брекенридж должен был бы «отстранить от должности виновного». Генерал Блисс разъяснил, что армейский военный колледж при проведении военных игр по стратегии изучал планы ведения войны против каждой крупной державы мира, в том числе против Германии. Военный министр Бейкер заявил Вильсону, что эти учения были только «военными играми», и приказал военным продолжать проводить свои «игры», но не допускать сообщений о них в газетах.

К счастью, этот инцидент произошел не в военно-морском министерстве, руководимом Даниельсом. Во время шумной кампании, пропагандировавшей необходимость подготовки к войне, Даниельс сумел заткнуть рот своим адмиралам, которые осуждали ослабление уровня подготовки военно-морских сил. Даже после того как Соединенные Штаты вступили в войну, Даниельс оставался верным своим пацифистским взглядам. Не одному морскому офицеру, просившемуся на корабль действующего флота, говорилось, что военно-морской министр подпишет свои приказы «на другой день после объявления перемирия».

Потопление «Лузитании» потрясло всю страну. Американцы начали думать о возможности вступления в войну против Германии. Вильсон превратил этот кризис в дипломатически критическое положение. Германскому правительству были направлены протесты. Государственный секретарь Брайан возражал против чересчур резких формулировок протестов и подал в отставку. Как только Брайан оказался вне кабинета министров, он стал признанным лидером и выразителем идей пацифистских групп в стране. Приурочив свою первую речь к моменту предания гласности второй ноты по «Лузитании», он сильно повредил усилиям Вильсона встать на защиту прав американцев. Критики президента утверждали, что расхождение во взглядах с Брайаном показывает, что Вильсон не пользовался поддержкой в стране.

С приближением президентских выборов 1916 года Вильсон понял, что ему придется или изменить свою точку зрения относительно состояния подготовки стра-

ны к войне или оказаться перед риском потерять голоса большого числа американцев, которые начали опасаться, что Германия вынудит США вступить в войну.

В декабре 1915 года Вильсон рекомендовал конгрессу увеличить численность регулярной армии до 140 тысяч человек и дополнить ее войсками резерва численностью 400 тысяч человек, которые должны проходить подготовку по два месяца ежегодно в течение трех лет. И пока война действительно не началась, мнение большинства конгресса было против подготовки к войне, и конгресс неохотно согласился на подготовку даже в меньшем объеме, чем это считал необходимым Вильсон.

В своей рекомендации Вильсон был осторожен и заявлял, что, по его мнению, это умеренное увеличение численности армии необходимо скорее для «обороны», чем для возможного участия в европейской войне.

Вскоре после этого помощник военно-морского министра Франклин Д. Рузвельт попросил разрешения отозвать все военные корабли, находившиеся в то время в Карибском море, и оснастить их для ведения действий в войне, которая с каждым днем становилась все более реальной. Против этого возражал сам Вильсон, пытаясь скрыть бросающиеся в глаза недостатки в военно-морских силах.

Когда началась война в Европе, в регулярной американской армии насчитывалось всего 92 тысячи человек. Однако в военных действиях в экстренном случае можно было использовать только 25 тысяч человек. Остальные были заняты в артиллерии береговой обороны или размещены за пределами метрополии в американских владениях и протекторатах, откуда их нельзя было бы перебросить. Национальную гвардию едва ли следовало рассматривать как боеспособную силу. На подготовку личного состава национальной гвардии отводилось всего 24 дня в год, включая обучение в летних лагерях. Потребовалось бы много времени, прежде чем национальную гвардию можно было бы считать боеспособной.

Как только Америка вступила в войну, на службу в вооруженные силы поступило почти 5 миллионов человек. Из них свыше 2 миллионов служили за пределами метрополии. Набор этой огромной массы людей осу-

Щестьвить было значительно проще, чем выработать план ведения войны и обеспечить вооруженные силы в материально-техническом отношении.

Попыткам создать военную машину, подобную созданной союзными странами и их противниками в течение предшествовавших трех лет войны, мешали большие трудности. Вся официальную политику правительства Вильсона пришлось повернуть на сто восемьдесят градусов.

Генеральный штаб не получил от президента указаний в отношении разработки плана войны, и ему пришлось импровизировать, не зная официальных целей войны. Во Франции генералу Джону Дж. Першингу (каких-либо конкретных указаний из Вашингтона он не получил), как командующему американскими экспедиционными войсками, пришлось взять на себя всю ответственность за разработку плана действий в Европе.

Самую активную борьбу Першинг вел с органами снабжения армии, которые оказались неспособными удовлетворять требованиям современной военной машины. В конце концов генеральный штаб был вынужден принять на себя руководство снабжением войск, чтобы обеспечить доставку военного имущества в действующую армию.

Первые попытки ускорить мобилизацию промышленности оказались тщетными. В июле 1917 года был создан в новом составе совет по военной промышленности для обеспечения необходимой координации, т. е. для решения задачи, справиться с которой не сумели два предшествовавших состава совета. Первые два председателя этого совета, которым не предоставили полномочий для проведения в жизнь своих рекомендаций, с негодованием подали в отставку.

В течение зимы 1917/18 года проблема общей мобилизации стала настолько острой, что сенат организовал расследование по этому вопросу. В отчете комиссии выдвигалось обвинение в том, что военное ведомство «почти прекратило функционировать... из-за неэффективности работы в каждом бюро и каждом управлении».

К апрелю 1918 года совет по военной промышленности был реорганизован под руководством Бернарда Баруха. Барух имел право координировать закупки правительства и устанавливать сроки по строительству

сооружений и выпуску изделий. Под его руководством совет смог обеспечить поставку внушительного количества необходимых материалов.

Были созданы другие чрезвычайные управления для оказания помощи в определении номенклатуры необходимой боевой техники. Существовали советы по производству самолетов, постройке кораблей, снабжению топливом и продовольствием.

На протяжении первой мировой войны республиканцы выступали с обвинениями в широком распространении коррупции при проведении крупных закупок, которые имели место в связи с ведением войны правительством, состоявшим из демократов. Бóльшая часть обвинений выдвигалась в связи с контрактами на предоставление помещений для войск, контрактами на поставку кораблей, самолетов, боеприпасов и других военных предметов снабжения. Существовало также сильное недоверие со стороны общественности в отношении способа, каким правительство Вильсона израсходовало на войну свыше 22 миллиардов долларов, не считая сумм, предоставленных займы союзникам.

Когда республиканцы получили большинство в конгрессе, было проведено широкое обсуждение обвинений в «воровстве» при заключении военных контрактов. Член палаты представителей Николас Лонгуорт обещал тщательно расследовать эти дела, ибо имелись данные, что при покупке имущества и предметов снабжения для армии «выплачивались чрезмерные суммы».

Закупками предметов снабжения во Франции руководил республиканец Чарльз Дауэс, и, естественно, при проведении расследований потребовались его показания. Красноречивый Дауэс прослыл самым рьяным защитником правительства Вильсона, поскольку сам принадлежал к республиканской партии и как никто другой умел выдерживать огонь критики.

Когда Дауэсу задали вопрос в связи с имевшимися данными о неправильной практике закупок, он взорвался: «Конечно, мы платили. Не торговались по мелочам. Но боже мой, нам необходимо было выиграть войну. Мы бы заплатили за овец столько же, сколько платили за лошадей, если бы овцы смогли тащить артиллерию на фронт. Теперь, конечно, можно говорить, что мы купили слишком много уксусного спирта и слишком

много слесарных зубил, но мы спасли мировую цивилизацию. Дело армии, черт побери, выиграть войну, а не уклоняться от этой задачи из-за стремления добиться закупки нужного имущества по низким ценам. Нам некогда было заниматься бухгалтерией, мы старались обеспечить победу в войне».

В стране, которая все еще гордилась своей победой в первой мировой войне и не знала условий, существовавших в Европе в то время, когда делались закупки, это не было неразумным объяснением. Формула Дауэса, заключающаяся в соединении больших доз патриотизма с безотлагательностью удовлетворения военных потребностей, сыграла спасительную роль — она, как и в ряде других случаев, охладила пыл обвинений в спекуляции на войне и коррупции. Однако это не помешало республиканцам в конгрессе предложить министру юстиции создать бюро по военным сделкам, чтобы централизовать усилия следственных органов, а также добиться осуждения всех лиц, вовлеченных в противозаконные действия, и проведения гражданского расследования, которое в итоге позволило бы взыскать с виновных все государственные средства, полученные обманном путем или иными противозаконными способами.

Министр юстиции республиканец Гарри М. Догерти позднее указывал: «Я не нашел оснований вынести обвинительный акт против единственного лица, в отношении которого от меня требовали преследования по закону». Были представлены гражданские иски, приведшие к возврату около 8,5 миллиона долларов.

Хотя Догерти утверждал, что он провел «тщательное расследование», архивы правительства Гардинга и роль Догерти не убеждают в честности расследования, проведенного им по обвинениям в коррупции при военных поставках или по другим делам.

Следует отметить, что даже в первый год деятельности правительства Гардинга, в 1921 году, два члена кабинета — министр внутренних дел Альберт Фолл и военно-морской министр Эдвин Денби — организовали продажу нефти, принадлежащей военно-морским силам. Эта сделка с частными нефтяными фирмами обернулась для министра внутренних дел Фолла серьезными неприятностями — он стал первым членом кабинета, который был приговорен к тюремному заключению.

Еще раньше, чем министр юстиции Догерти начал расследование обвинений в коррупции при проведении закупок в первой мировой войне, правительство Гардинга находилось под огнем критики, и Догерти был одним из тех, кто всячески старался обелить участников нефтяной сделки и других скандальных случаев, связанных с деятельностью гардингской «банды из Огайо».

Конечно, роль Чарльза Дауэса как главного агента по закупкам в Европе не повредила его политической карьере. Этого республиканца из Огайо выдвинули кандидатом на пост вице-президента по избирательному списку Калвина Кулиджа в 1924 году, и он был избран.

4. ПИРЛ-ХАРБОР — ЗАХВАЧЕНЫ ВРАСПЛОХ

В своем годовом отчете 6 декабря 1941 года военно-морской министр Фрэнк Нокс похвалялся: «Я с гордостью сообщаю, что американский народ может питать полное доверие к своим военно-морским силам. По моему мнению, верность, моральное состояние, техническая подготовка личного состава выше похвал. На какой бы основе мы ни проводили сравнение, военно-морские силы Соединенных Штатов являются лучшими в мире».

Для такого оптимистического заявления имелось некоторое основание, так как налицо был значительный прогресс в строительстве флота для защиты интересов Соединенных Штатов. К сожалению, взгляды высших военных должностных лиц к тому времени еще не сформировались. Имели место сигналы тревоги, предупреждения, но было и отсутствие понимания того, что обстановка критическая.

Командующий Гавайским округом генерал-лейтенант Уолтер Шорт вечером 6 декабря находился на благотворительном обеде. Командующий тихоокеанским флотом адмирал Хасбенд Киммель уехал в тот вечер на встречу со своим однокашником. Начальник главного штаба ВМС адмирал Гарольд Старк присутствовал на спектакле «Принц-студент» в Вашингтоне. Начальник штаба армии генерал Джордж Маршалл не мог вспомнить, где он провел тот вечер, но утверждал, что утром 7 декабря встал рано, совершил свою обычную воскресную прогулку верхом на лошади и только потом отправился на службу. Не удивительно, что разведывательный отдел военно-морских сил в Вашингтоне не пред-

принял никаких усилий, чтобы вызвать по тревоге таких младших морских офицеров, как Джон Ф. Кеннеди, который отправился на машине на стадион Гриффита смотреть футбольный матч между вашингтонской командой «Краснокожие» и филладельфийской командой «Орлы». Он возвращался с игры домой, когда услышал сообщение о нападении японцев на Пирл-Харбор.

Коварный налет авиации на Пирл-Харбор застал американские вооруженные силы врасплох и произвел такое опустошение в тихоокеанском флоте, что стране пришлось сделать больше, чем просто подготовиться к войне. Необходимо было восстановить боевую технику, которую военно-морское министерство планировало использовать как основу для ведения боевых действий. В Пирл-Харборе Соединенные Штаты потеряли 188 самолетов, все 8 линкоров, находившихся в порту, 3 крейсера, 3 эсминеца и 2323 человека из состава сил, предназначенных для нанесения немедленного ответного удара.

Лишь за четыре месяца до событий в Пирл-Харборе конгресс большинством всего в один голос принял решение о расширении первого призыва на военную службу в мирное время, что позволило увеличить численность армии до 1 600 тысяч человек. Катастрофа в Пирл-Харборе принесла потрясение и страх, послужившие стимулом к объединенным действиям, и с этого момента темпы мобилизации стали внушительными. Имея перед началом военных действий всего 4500 кораблей всех классов, военно-морские силы к концу 1945 года выросли до 91 тысячи кораблей. ВВС армии вступили в войну, имея только 9 тысяч самолетов, из которых всего лишь 1100 находились в строю. К концу войны Соединенные Штаты имели 72 тысячи самолетов. Во время войны в вооруженных силах служило свыше 15 миллионов мужчин и женщин. Из 10 420 тысяч человек, служивших в армии, 2 300 тысяч человек входили в так называемый авиационный корпус армии. В военно-морских силах насчитывалось 3 883 520 человек, в морской пехоте — 599 693 человека и в морской пограничной охране — 241 902 человека.

Мобилизация промышленности была столь же поразительной. В 1941 году объем военного производства США в стоимостном исчислении составлял только

8,4 миллиарда долларов. В течение 1942 года он вырос до 30,2 миллиарда долларов, а объем заказов, выданных в том же году, превысил 100 миллиардов долларов. Ежегодное производство самолетов возросло с 5865 штук в 1939 году до максимальной цифры 96 369 в 1944 году. Всего в военное время был выпущен 274 941 самолет. Объем строительства торгового флота в 1940 году составлял всего около 1 миллиона тонн, но он сильно вырос в военное время, когда в целом составил 55 239 тысяч тонн.

Американские концерны, выпускающие вооружение, произвели 15,3 миллиона винтовок, карабинов и другого личного оружия и около 3 миллионов пулеметов. Было изготовлено свыше 4,2 миллиона тонн комплектов артиллерийских выстрелов, а также 41,6 миллиона патронов для стрелкового оружия.

Дань войне со стороны естественных богатств ошеломляет. Для доставки военных материалов было израсходовано свыше 7,5 миллиарда баррелей нефти, свыше 3 миллиардов тонн угля и 16 биллионов кубических метров природного газа. Федеральный бюджет Соединенных Штатов вырос со средней цифры 8 миллиардов долларов в тридцатые годы до максимальной цифры 98,3 миллиарда долларов в 1945 году. Общие расходы в военные годы превысили 321 миллиард долларов. Общая сумма национального долга возросла с 49 миллиардов долларов перед вступлением Америки в войну до 259 миллиардов долларов к середине 1945 года.

Тот факт, что Соединенные Штаты не оказались полем сражения, позволил им мобилизовать свою промышленность в рекордное время, несмотря на сумятицу и хаос, кратковременные неудачи и политические интриги, которые господствовали в первые месяцы.

Опыт первой мировой войны подсказал членам правительства необходимость совершенной организации экономики для проведения эффективной ее мобилизации.

Совет по военно-стратегическим ресурсам предложил создать центральное управление для координации производительных мощностей Америки с учетом потребностей армии, военно-морского флота и гражданских нужд. Это учреждение, известное под названием управ-

ление военно-стратегических ресурсов, должно было состоять из семи отделов: отдела сырьевых материалов и готовых изделий, отдела оборудования и сооружений, отдела установления очередности, отдела торговли стратегическими материалами, отдела распределения энергии и топлива, транспортного отдела и отдела по вопросам технологии и исследований. Кроме того, управление военно-стратегических ресурсов должно было координировать деятельность шести независимых организаций: управления информации, управления по осуществлению воинской повинности, управления по вопросам трудовой повинности, военно-финансового управления, военно-продовольственного управления и управления по контролю за ценами.

Этот план, одобренный виднейшими представителями американской промышленности, рассматривался некоторыми из них как синтез всего мобилизационного планирования, предпринятого в течение двух десятилетий между двумя мировыми войнами.

Еще до событий в Пирл-Харборе Рузвельт понял, что военное и военно-морское министерства размещены настолько плохо, что практически невозможно обеспечить их взаимодействие в том случае, если страна окажется вовлеченной в войну. И действительно, худшие условия, чем те, в которых работали эти министерства, трудно себе представить. Развертывание вооруженных сил потребовало изменить это положение.

Важно было иметь здание для централизованного размещения руководящих органов высшего военного управления, но равным образом необходимым считалось и создание условий для контроля со стороны конгресса за расходованием миллиардных сумм, которые тратились на развертывание самой крупной в истории военной машины.

Сенатор Гарри Трумэн, демократ от штата Миссури, во время первой мировой войны служил во Франции в пехоте. Он был свидетелем бесполезных трат и спекуляций, которые сопутствовали огромным военным расходам в период между 1916 и 1919 годами. В начале 1941 года 57-летний сенатор штата Миссури потребовал создать специальную сенатскую комиссию по обследова-

нию расходов на национальную оборону. Миллиарды долларов — как уже ассигнованные, так и те, которые необходимо было ассигновать на военные цели, — делали очевидной серьезнейшую опасность спекуляций такого же рода, подрывавших военные усилия в гражданской и первой мировой войнах.

Уже тогда существовали постоянные комиссии конгресса, но они не обеспечивали энергичного и независимого контроля над военным ведомством, потребность в котором была очевидной. Слишком часто между военными учреждениями и постоянными комиссиями устанавливались чересчур тесные отношения. Эти отношения иногда носили такой интимный характер, что члены постоянной комиссии утрачивали роль независимых наблюдателей и вступали в сговор с высокопоставленными гражданскими и военными должностными лицами. Это наносило вред интересам подготовки страны к войне. Подобные проблемы редко обсуждались в палате представителей или сенате, так как такое обсуждение коснулось бы самих членов этих авторитетных органов. Тем не менее в действительности для военных закупок не раз создавались нездоровые условия, что содействовало неприкрытой коррупции во второй мировой войне и многим хорошо известным случаям фаворитизма в послевоенный период.

Когда сенатор Трумэн потребовал создать специальную сенатскую комиссию, он вряд ли представлял себе, что недостатки в управлении, коррупция и политический нажим приняли столь значительные масштабы. Специальная комиссия вряд ли была бы создана, если бы кто-нибудь мог представить себе, что еще до окончания работы она выявит факты использования членами палаты представителей, сената и лицами, близкими к Белому дому, служебного положения в личных целях.

Резолюция о создании специальной комиссии по обследованию состояния программ национальной обороны была одобрена 1 марта 1941 года, и сенатора Трумэна назначили первым ее председателем. Широкий круг полномочий обеспечивал комиссии необходимые права для обследования программ по закупке и изготовлению предметов снабжения, постройке кораблей, заводов, лагерей и созданию других сооружений в связи с национальной обороной.

Сенатор Трумэн был председателем этой комиссии с момента ее создания до августа 1944 года, когда он оставил эту должность в связи с выдвижением его кандидатуры на пост вице-президента страны от демократической партии. Работа миссурийского демократа в качестве председателя комиссии по обследованию состояния военных программ принесла ему национальную славу, обеспечившую скачок на пост вице-президента и в конечном счете президентство. После Трумэна председателем комиссии стал сенатор Джеймс Мид, демократ от штата Нью-Йорк. Когда в октябре 1946 года после выдвижения его кандидатом от демократов на пост губернатора штата Нью-Йорк Мид вышел в отставку, пост председателя на короткое время перешел к сенатору Харли Килгору, демократу от штата Западная Виргиния.

С 1946 года до последних дней своего существования комиссия по обследованию состояния военных программ находилась под контролем республиканской партии. Председателем ее был сенатор Оуэн Брюстер, республиканец от штата Мэн, но наиболее активная работа была проделана подкомиссией, возглавляемой сенатором Гомером Фергюсоном, республиканцем от штата Мичиган, после того как Брюстер оказался замешанным в политическом скандале, который сделал невозможным его участие в некоторых расследованиях.

5. ВОЕННЫЕ ПОСТАВКИ. МЭР КЕРЛИ И КАПИТАН 2 РАНГА КОРРИГАН

Первые обследования, проведенные комиссией Трумэна, показали, что аферисты в военных учреждениях появляются из числа профессиональных мошенников, лоббистов городских политических аппаратов или даже выпускников военно-морского училища в Аннаполисе.

Весной 1941 года Джеймс Фуллер проводил время в тиши тюремной камеры в Вашингтоне и позволил себе обратить внимание на рост военных расходов, обусловленный осуществлением ленд-лиза и ухудшением обстановки в Европе. Фуллер пришел к выводу, что если политика правительства в отношении расходов соответствует форме, то имеется возможность спокойно «думать о будущем».

Другие люди также увидели потенциальную возможность получить финансовую выгоду, когда в начале 1941 года военные тучи сгустились. Однако немногие преодолели на этом пути такое серьезное препятствие, как 15-летнее уголовное прошлое и тюремное заключение сроком на 720 дней. У Джеймса Фуллера на это нашлись силы. Конечно, председатель комиссии по военным делам палаты представителей и хапуга — сенатор из штата Миссисипи имели возможность решать вопросы о политике и военных поставках в интересах личного обогащения. Точно так же двум молодым выпускникам военно-морского училища не потребовалось большого воображения, чтобы увидеть, каким способом можно

превратить свои связи с консультирующей фирмой в управленческой области в доходное дело по обогащению на военных поставках.

Уголовнику Фуллеру потребовалось воображение и смелость для использования своей потенциальной возможности нажиться на войне. Ловкий мошенник, он считал, что сумеет осуществить свои планы, чтобы подзаработать на больших военных расходах. Фуллер рассчитывал на расхлябанность военно-бюрократической машины Соединенных Штатов.

Всего лишь через 24 дня после того, как была создана трумэнновская комиссия по обследованию, Фуллер написал письмо из тюрьмы с целью возобновления старых политических связей. Это был его первый шаг в планах снять сливки с военных прибылей.

Письмо Фуллера от 24 марта 1941 года было направлено бостонскому политикану Маршаллу Фитцджеральду, который много и упорно трудился ради интересов видного массачусетского политического деятеля Джеймса Керли. Откровенно признав, что он пишет из тюрьмы, Фуллер разъяснял: «Достаточно сказать, что мне подрезали крылья за махинации некоторых других... Когда же наступил час расплаты... талантливо сыграли труса и оставили старого Джима Фуллера платить музыканту за танец, который был плодом их собственных эгоистических желаний...»

Однако, может быть, не стоит сожалеть о том, что оказалось актом судьбы... Я убежден, что даже это парадоксальное возложение тернового венка принесло мне благословение, поскольку здесь, в тиши и одиночестве, человек имеет возможность вспоминать о прошлом и больше думать, причем с холодным беспристрастием, о будущем, выбирая с большей, чем обычно, осторожностью инструменты, с помощью которых будущее можно сделать более радужным, а прошлое менее горестным...»

Ссылаясь на свою политическую работу «в Массачусетсе... в Чикаго и за его пределами», проводимую по поручению Керли, Фуллер писал в общих чертах о великом плане, осуществление которого было прервано резким захлопыванием тюремной двери. Он просил Фитцджеральда посетить его в тюрьме для обсуждения этих планов, которые он охарактеризовал как «великий

патриотический подвиг». Основная цель заключалась в том, чтобы связаться с Керли, который в то время был членом национального комитета демократической партии от Массачусетса.

Фитцджеральд посетил Фуллера в тюрьме и не только добился его освобождения, но и помог этому сладкоречивому мошеннику получить деньги для оплаты долгов и начала деятельности в большом бизнесе.

В конце июля или начале августа в вестибюле отеля «Мейфлауэр» Фитцджеральд представил Фуллера губернатору Керли, что было важным шагом в планах Фуллера, касающихся деятельности организованной им фирмы под названием «Энджинирс групп, инкорпорейтед». Позже Керли говорил, что он не знал об уголовном прошлом Фуллера, но это не меняет картины. Многие известные политики на его месте навели бы справки или просто-напросто побоялись бы иметь дело с арестантом. Но Керли никогда не привередничал в выборе партнеров, если они содействовали его политической карьере или увеличению личного состояния. Он и не мог быть щепетильным в отношении человека, отбывшего тюремный срок, поскольку сам сидел в тюрьме в 1904 году, когда был осужден за попытку подлога.

Бостонские избиратели ничего подобного не знали о говорливом ирландце, и его избирали на три срока в качестве мэра Бостона, на один срок в качестве губернатора и на два срока в палату представителей конгресса Соединенных Штатов.

Комбинатор Джим Фуллер, комбинатор и политический воротила Керли как нельзя более подошли друг к другу. У Фуллера были большие планы в отношении фирмы «Энджинирс групп», и он хотел, чтобы губернатор Джеймс Керли выступал в ней в качестве президента.

Фуллер разъяснил ему, что нехватка алюминия — это обуславливалось потоплением судов, следовавших с грузом сырья из Западной Африки, — пагубна для военных усилий, и подчеркнул, что быстрая разработка запасов калунита в штате Юта была бы весьма «патриотичным» делом. Очень важно, заявил Фуллер, войти в это дело с большим числом видных людей и захватить контроль над запасами калунита, которые еще не разрабатывались должным образом.

В течение нескольких недель Керли в качестве президента фирмы «Энджинирс груп» и несколько других видных и уважаемых адвокатов и деловых людей прикрывали своим авторитетом развитие грандиозных планов Фуллера. До сих пор не ясно, как много знали эти люди о размахе деятельности ловкого мошенника, но завоевание их поддержки было мастерским достижением для человека, который всего несколько месяцев назад находился в тюрьме.

Фуллер использовал имена влиятельных официальных лиц и директоров, дабы создать впечатление, что фирма «Энджинирс груп» может за некоторый гонорар предоставлять военные контракты. Он сфабриковал ложные финансовые отчеты для клиентов, показывающие, что фирма имеет активы на сумму около 250 тысяч долларов, в то время как на самом деле он действовал, имея очень незначительные средства. У клиентов, стремившихся получить военные заказы, были выманены тысячи долларов. Когда контракты не предоставлялись или когда клиенты жаловались, Фуллер успокаивал их письмами от своих видных компаньонов. Клиентов неделями и даже месяцами держали в неизвестности, уверяя, что составление контракта задержалось из-за какой-то бюрократической путаницы и что все будет приведено в порядок, как только г-н Фуллер сможет заняться этим со свойственным ему талантом. И все-таки из-за этих жалоб клиентов плутовское дело, затеянное Фуллером, в глазах служащих фирмы, включая ее президента Керли, представлялось непрочным.

В начале 1942 года главный советник Трумэновской комиссии Хью Фултон получил информацию о фирме «Энджинирс груп». В ходе предварительного расследования раскрылось незавидное прошлое Джеймса Фуллера, что послужило поводом к более глубокому расследованию. Было собрано немало улик, свидетельствовавших о подделках, с помощью которых Фуллер осуществлял свои операции с военными поставками. Достоянием гласности стали факты, показывающие в неблагоприятном свете Керли и других.

Письма и другие документы, обнаруженные комиссией Трумэна, показывали, что Керли и Дональд Смит, работавший ранее поверенным в национальном управ-

лении по трудовой повинности, по своей воле приняли участие в некоторых делах Фуллера.

Когда 22 апреля 1942 года началось слушание этого дела, первым свидетелем был нью-йоркский адвокат Рейфорд Элли, обратившийся с публичной жалобой от имени своих клиентов, которые уплатили фирме «Энджинирс груп» 21 тысячу долларов. Деньги были уплачены Фуллеру лично, но заказы предоставлены не были. После нескольких недель ожидания, говорил Элли, он забеспокоился, будут ли возвращены его клиентам деньги, и тогда впервые узнал об уголовном прошлом Фуллера.

Элли попросил, чтобы ему показали книги фирмы «Энджинирс груп», и когда в конце концов он получил разрешение, то установил, что из этих денег ничего не осталось. Фирма собрала около 60 тысяч долларов и не оформила ни одного контракта.

Как показал Элли, он несколько раз беседовал с губернатором Керли в отеле «Мейфлауэр», но в ответ на его жалобы по поводу отсутствия контрактов Керли уверил его, что это происходит только из-за задержки в правительственных учреждениях.

Губернатор Керли давал показания после Элли и выразил желание разъяснить все то, что касалось его отношений с Фуллером и работы в качестве президента фирмы «Энджинирс груп». Он сказал, что впервые увидел Фуллера в отеле «Мейфлауэр» в обществе своего старого друга политика Маршалла Фитцджеральда.

Как заявил Керли, Фитцджеральд тогда не упоминал и даже не намекал, что Фуллера только что освободили из тюрьмы.

Керли рассказал далее, что при встрече Фуллер лишь пояснил свои планы, касающиеся контроля над калунитом и организации группы видных людей для помощи будущему синдикату.

Керли сказал: «Я согласился предоставить свое имя для этого дела. Фуллер заверил, что он только позаимствовал мое имя для оказания помощи синдикату из чисто патриотических побуждений. И никогда не предлагалось получать какие-либо прибыли от дел, связанных с калунитом. Я считал, что должен стать номиналь-

ным президентом фирмы «Энджинирс груп»... Никаких денег в эту фирму я никогда не вкладывал, как никогда и не получал от нее никаких фондов. Я не имел ничего общего с делами этой фирмы и вплоть до ноября 1941 года не знал, что фирма «Энджинирс груп» имела какие-либо дела помимо дел синдиката по приобретению калунита».

67-летний политикан представил себя эдаким наивным человеком, не ведавшим о сделках по военным контрактам до ноября 1941 года, когда, как сказал Керли, он услышал разговор в конторе, который возбудил его любопытство, и после расспросов он «узнал, что фирма «Энджинирс груп» предлагает технические услуги лицам, которые добиваются получения федеральных заказов». После получения этой информации, заявил Керли, он представил просьбу о своей отставке. Однако советник комиссии и члены ее допекали его вопросами в отношении задержки более чем на месяц с его действительным выходом в отставку, а также в отношении других дел с Фуллером, которые, казалось, вовсе не свидетельствовали о разочаровании Керли в своей симпатии к Фуллеру. Члены комиссии отметили также, что им кажется странным тот факт, что Керли уничтожил все письма, касающиеся деятельности фирмы «Энджинирс груп».

Отвечая на вопрос советника комиссии Фултона, Керли уверял, что не знал об уголовном прошлом Фуллера, и ссылался на то, что многие уважаемые люди были членами совета директоров. Керли привел десяток имен директоров правления и служащих фирмы, чтобы продемонстрировать, что «имелась группа уважаемых лиц, обманутых вместе с ним».

— Видели ли вы доклад федерального бюро расследований о Фуллере? — спросил советник комиссии Фултон, передавая Керли доклад.

— Нет, не видел, — ответил Керли. Мельком ознакомившись с этим документом, он добавил: — Единственное, что я могу сказать, это то, что, к несчастью, я не видел этого документа раньше, чем узнал господина Фуллера.

По указанию председателя комиссии Трумэна доклад ФБР о Фуллере был включен в протокол допроса, что-

бы, как выразился Трумэн, «никто больше не оказался обманутым этим мошенником».

— Налицо все — от большого воровства до подделок, лживых отговорок, пьянок, распушенности, сговора с целью совершения подделок, получения денег обманым путем... и, кроме того, многочисленные мелкие проступки, — подытожил допрос советник Фултон.

— Я хотел бы добавить следующее, — сказал Керли. — С моей точки зрения, Фуллер был одним из самых интересных и хорошо информированных людей, с которыми я когда-либо встречался. Он мог говорить о любом предмете — от химии до искусства — и говорить очень умело.

Хотя в то время Керли отрицал какие-либо факты политических сделок в связи с операциями по предоставлению военных заказов фирмой «Энджинирс групп», имелись письма и памятные записки, которые освежили в его памяти некоторые другие дела с еще одной бостонской политической фигурой. Он признал, что некий Джеймс Фитцджеральд обращался в военно-морское ведомство в отношении заказа для фирмы «Уэст Пейнт» (Чарльстон, штат Массачусетс). Позднее эта фирма получила заказ на 67 тысяч долларов.

Под легким нажимом Керли признал, что вызывал служащего фирмы «Уэст Пейнт», чтобы попытаться получить за это посредничество взнос в размере 5—6 тысяч долларов на проведение политических мероприятий.

— Каким образом вы могли требовать взнос от кого-то за заказ, предоставляемый благодаря вашему посредничеству? — спросил Фултон.

— Кажется, я просто позвонил в фирму и сказал, что Фитцджеральд достал для нее контракт на сумму 67 тысяч долларов. Одновременно я спросил, не хочет ли фирма сделать взнос в фонд проведения избирательной кампании, — объяснил Керли.

— Часто ли господин Фитцджеральд направлял вам памятные записки, похожие на эту, предлагая, чтобы тот или другой партнер сделал взнос? — спросил сенатор Джозеф Болл, республиканец из штата Миннесота.

— Нет, нет, — ответил Керли. — Но если он и посылал записки, то я, как правило, рвал их.

— Но вы ведь не порвали вот эту? — заметил Болл.

— Мне следовало бы сделать это, — ответил Керли

и затем попытался исправить свой промах, сказав: — Во всяком случае, это не меняет дела. Памятная записка не имела никакого значения.

— Вы помните, что сжигали эти бумаги? — спросил Болл, ссылаясь на показание Керли об уничтожении всей переписки с фирмой «Энджинирс груп».

— Да, я никогда не храню писем, — ответил Керли.

Письма и памятные записки, написанные другими лицами, противоречили настойчивым утверждениям Керли о том, что он не знал о деятельности Фуллера.

Керли утверждал, что не получал никаких денег от Фуллера или от фирмы «Энджинирс груп», хотя имелось большое количество чеков и других документов, которые опровергали эти утверждения.

Комиссия Трумэна направила дела Керли, Фуллера и их компаньонов в министерство юстиции для дальнейшего расследования. Однако, как это часто бывает, между расследованием и заключением в тюрьму Керли и Фуллера прошло довольно много времени.

В том же самом году, когда Керли предстал перед сенатской комиссией, его избрали в конгресс, членом которого он был с января 1943 по январь 1947 года. В 1946 году он в конгресс не баллотировался, но был избран еще на один срок мэром города Бостон, несмотря на обвинение в мошенничестве в связи с операциями фирмы «Энджинирс груп» и приговор суда о заключении его в федеральную тюрьму на восемнадцать месяцев.

27 июня 1947 года, когда война уже кончилась, Керли отправили в тюрьму в Данбери, штат Коннектикут. Правительство смягчило ему наказание, и он продолжал получать свое денежное содержание мэра в течение пяти месяцев фактического пребывания в федеральной тюрьме.

Гарри Трумэн, как председатель комиссии по обследованию состояния военных программ, первым разоблачил Керли, но как президент, как политический деятель, готовящийся к выборам 1948 года, оказал милосердие ирландскому мошеннику-политикану из Бостона, что привело к его освобождению из тюрьмы 27 ноября 1947 года. Керли пробыл в заключении меньше трети из определенных ему приговором восемнадцати месяцев.

Опыт Керли едва ли расстроил бы будущих преступ-

ников, греющих руки на военных поставках, — тех политиков или военных лиц, у которых появилась бы склонность торговать интересами нации ради политических выгод или личного обогащения. Наоборот, были такие, которым не требовался пример Керли, чтобы воспользоваться случаем обогатиться на волне военных контрактов. На Джона Корригана и Роберта Уэллса — двух выпускников военно-морского училища Соединенных Штатов в Аннаполисе, — казалось, должны были бы повлиять лучшие традиции военно-морских сил. Однако этого не произошло.

В начале 1944 года комиссии Трумэна стало известно о жалобах на то, что некоторых поставщиков, связанных с военно-морскими силами, принуждали платить «гонорары за консультации» фирме, пайщиком которой являлся капитан 2 ранга Джон Корриган. Расследование установило, что фирма, действующая под названием «Корриган, Осборн и Уэллс», получила таких гонораров на сумму более 300 тысяч долларов от шести крупных поставщиков военно-морских сил.

В жалобах указывалось, что поставщики прибегали к услугам фирмы «Корриган, Осборн и Уэллс» сразу после посещения их заводов капитаном 2 ранга Корриганом, который грозил подвергнуть продукцию поставщиков резкой критике, если они не последуют его совету. После переговоров с капитаном 2 ранга поставщик обычно решал, что для преодоления затруднений с выполнением заказа целесообразно нанять частную фирму «Корриган, Осборн и Уэллс», предоставляющую консультации по техническим и административным вопросам. Когда нанимали фирму «Корриган, Осборн и Уэллс», эти затруднения чудодейственным образом исчезали.

Советник комиссии Хью Фултон составил список поставщиков военно-морских сил, которые находили выгодным пользоваться услугами фирмы «Корриган». Наибольшая сумма денег — 104,8 тысячи долларов — поступила от фирмы «Карл Норден», разработчика и изготовителя бомбардировочного прицела «Норден».

Фирма «Дэнли специалисте компани» из Чикаго уплатила в виде гонораров за консультации фирме «Корриган» 84,2 тысячи долларов, фирма «Дж. С. Торн и компани» — 18 306 долларов, фирма «Белл и Хауэлл» —

29 115 долларов, фирма «Фэрранд оптикал компани» — 15 705 долларов, фирма «Америкэн цистоскоп мейкер» — 30 690 долларов, фирма «Эджмур айрон уоркс» — 12 150 долларов и фирма «Даунингтон мэнуфекчуриг компани» — 24 405 долларов.

В ходе слушания этого дела было установлено, что, когда началась война, Корриган и Уэллс находились в резерве военно-морских сил. Они основали фирму в 1941 году, и, хотя к названию фирмы была добавлена фамилия Осборн, в действительности всеми делами вершили только двое. Фирма стала процветать с момента возвращения Корригана на действительную службу в 1942 году.

Хотя Уэллс в своих показаниях 26 мая 1944 года говорил, что капитан 2 ранга Корриган не являлся членом фирмы с момента его добровольного вступления в военно-морские силы, следствием было установлено, что, находясь на действительной службе, Корриган получал от фирмы зарплату в размере тысяча долларов в месяц.

Как показал представитель фирмы «Америкэн цистоскоп» Ф. Уопплер, Корриган инспектировал завод фирмы и угрожал ему конфискацией продукции, если он не прибегнет к услугам фирмы «Корриган, Осборн и Уэллс».

Корриган признал, что направлял своей фирме секретные документы ВМС, чтобы облегчить подыскивание подлежащих обработке поставщиков. В письме от 13 сентября 1942 года к Дэвиду Армору, служащему фирмы «Корриган, Осборн и Уэллс», капитан 2 ранга Корриган писал: «После того как просмотрите этот перечень и возьмете интересующие вас данные, проследите, пожалуйста, за тем, чтобы он был уничтожен путем сожжения. Обратите внимание — в верхней части гриф «Для служебного пользования». Это означает, что перечень не предназначается для обычной рассылки».

Во время слушания дела, в мае 1944 года, председатель комиссии Трумэн и член комиссии Фергюсон потребовали предать Корригана суду военного трибунала военно-морских сил, и поэтому протокол сенатского расследования был послан в министерства ВМС и юстиции.

19 декабря 1944 года капитану 2 ранга Корригану и двум служащим фирмы «Карл Норден» — Теодору

Барту и Уорду Марвиелу было предъявлено обвинение в «сговоре с целью обмана правительства» путем ограничения производства фирмой «Норден» исключительно важного бомбардировочного прицела «Норден». Еще одно обвинение было выдвинуто в тот же день против Корригана и Уэллса. Утверждалось, что они вступили в сговор с целью обмана правительства и личной наживы.

Дело против Корригана и Уэллса начали разбирать в суде лишь в ноябре 1946 года. Важными были показания бывших служащих фирмы «Корриган, Осборн и Уэллс». Джеймс Ф. Гоф показал, что он покинул фирму в марте 1944 года, потому что «дела там совершались с черного хода». Он видел тома контрактов военно-морских сил в конторских помещениях фирмы в Нью-Йорке. На них стоял гриф «Для служебного пользования» и «Собственность военно-морских сил». Ведущий сотрудник фирмы Армор заявил, что полученное им инструктивное письмо с указанием сжечь его послужило для него поводом принять решение об уходе с работы.

Ряд должностных лиц с предприятий, которые нанимали фирму «Корриган, Осборн и Уэллс», показали, что Корриган оказывал на них давление, чтобы они прибегли к услугам этой фирмы. Ревизор федерального бюро расследований Уильям Ф. Гамильтон показал, что Корриган получил 35 232 доллара наличными от фирмы «Корриган, Осборн и Уэллс» в период между 8 июня 1942 года и весной 1944 года, когда находился на службе в военно-морских силах. Бухгалтер ФБР показал также, что имелась прибыль в сумме 75 606 долларов, которую можно отнести за счет влияния Корригана.

Основное внимание уделялось показаниям капитана 1 ранга Уильяма У. Джувенала, одного из бывших одноклассников Корригана по училищу в Аннаполисе. Джувенал опознал рапорт, который он представил, рекомендуя продвинуть Корригана, и защита подчеркивала, что в рапорте Корригану приписывалась экономия для государства «миллионов долларов на издержках производства».

Первое судебное разбирательство не позволило присяжным принять решение.

Второй суд оказался повторением в основном тех же самых показаний, которые давались в мае и июне 1947 года, но теперь появились некоторые дополнительные серьезные свидетельские показания. Как показал адмирал Т. Д. Реддок, в то время, когда Корриган получал назначение на должность, связанную с поставками и инспектированием, ему было сказано, что он должен порвать связи со своей фирмой, ибо в противном случае рискует быть обвиненным в заинтересованности фирмы в его служебной деятельности. Корриган отрицал, что назначение было связано с таким условием, но тем не менее присяжные признали его виновным. Корригана приговорили к заключению в федеральную тюрьму на восемнадцать месяцев и штрафу в 5 тысяч долларов, а Уэллса — к тюремному заключению на один год и один день. На фирму наложили штраф в размере 10 тысяч долларов. И Корриган и Уэллс отсидели в тюрьме только часть срока, так как их апелляция была удовлетворена.

28 мая 1948 года апелляционный суд в Нью-Йорке отменил приговор в отношении Корригана и Уэллса на том основании, что имелись технические ошибки в приобщении некоторых свидетельских показаний в качестве доказательств. По возвращении дела на новое судебное рассмотрение апелляционный суд указал, что имеется достаточно улик для подтверждения обвинения, однако некоторые дополнительные улики были представлены присяжным с нарушением правил.

Корриган и Уэллс уже отбыли значительную часть своего тюремного срока, поэтому министерство юстиции не направило это дело в суд на рассмотрение в третий раз. Остальные обвинения против Корригана, Уэллса и представителей фирмы «Карл Норден» были сняты. Прекращению дела против Корригана и Уэллса немало способствовал тот факт, что органы министерства юстиции были буквально завалены другими судебными делами, связанными с нарушениями закона при оформлении военных закупок.

6. БЕННИ МЕЙЕРС — ГЕНЕРАЛ-ЛОВКАЧ

Если и был человек, который по-настоящему заблаговременно готовился ко второй мировой войне, так им являлся генерал-майор Беннет Мейерс, возглавлявший управление материально-технического обеспечения военно-воздушных сил. Еще в 1939—1940 годах Бенни Мейерс решил сделать ряд капиталовложений, которые должны были приносить ему доход, пока он отдавал себя делу служения военным усилиям США.

Даже в бытность свою майором и подполковником Бенни Мейерс жил далеко не по средствам. В 1940 году помощнику начальника отдела снабжения авиабазы Райт у Дейтона, в штате Огайо, генерал-майору Эколсу донесли, что Бенни Мейерс связан с фирмой «Авиэйшн электрик корпорейшн».

Мейерс, работавший в отделе снабжения базы, доложил тогда Эколсу, что он всего-навсего одолжил небольшую сумму своему другу из «Авиэйшн электрик». На этом дело и кончилось. Ни управление генерального инспектора армии, ни следственные органы военно-воздушного корпуса разбирательства не производили.

В 1940 году Мейерс уговорил своего старого знакомого Блерио Ламарра уволиться с работы на авиационном заводе на западном побережье и перебраться в Дейтон, чтобы занять должность казначея фирмы «Авиэйшн электрик». Одним из условий этой договоренности являлось поступление жены Ламарра, ранее являвшейся секретарем Мейерса, на работу в управление авиабазы в Дейтоне.

Ламарра привлекла перспектива работы в «Авиэйшн электрик», поскольку на 1940 год фирма получила контракт на 20 тысяч долларов, а Мейерс был знаком со многими руководителями крупных авиационных корпораций, которых можно было уговорить предоставить субконтракты фирме «Авиэйшн электрик». 1940 год ознаменовался для Мейерса финансовой катастрофой, однако он легко оправился от убытка в 30 тысяч долларов и на следующий год добился контракта с «Белл эркрафт» на сумму 164 тысячи долларов, а контракт этот принес доход 95 тысяч долларов.

В то время как страна начала усиленно готовиться к войне, Мейерс, теперь уже полковник, был переведен в Вашингтон и стал руководителем программы по военным закупкам на общую сумму 2 миллиарда долларов. Процветающая фирма «Авиэйшн электрик» обеспечила полковнику Мейерсу средства для такого образа жизни, к которому он всегда стремился.

Полковник с женой перебрался в квартиру на 16-й стрит, израсходовал 10 тысяч долларов на мебель и прочее. Все счета Мейерса оплатила фирма «Авиэйшн электрик». Фирма заплатила также 825 долларов за кондиционер в квартире Мейерсов и 700 долларов за радиоприемник последней модели.

Внезапный налет на Пирл-Харбор означал для Мейерса, что он должен ускорить подготовку к войне. По решению правительства с 1 января вводился новый порядок продажи автомашин, предусматривавший получение специального разрешения. Полковник Мейерс приобрел новенький «кадиллак» в последнюю неделю декабря 1941 года, и, поскольку расходы оплатила фирма «Авиэйшн электрик», оставил себе и старую машину. В результате Мейерс стал владельцем двух автомобилей. В то время как американцы испытывали большие трудности в получении бензина для личных автомашин, Мейерс и его жена бесплатно получали его на авиабазе Боллинг. Страна еще только готовилась к длительной войне, а дальновидный Бенни Мейерс был уже отлично подготовлен.

Деятельность Мейерса, его расточительность и высокие доходы не оставались незамеченными, но ни у военно-воздушного корпуса, ни у контрольных органов не было желания проводить расследование, которое

могло бы пролить свет на операции Бенни Мейерса в первые же годы войны.

Во второй половине 1942 года распространились слухи о спекуляции акциями, в которой были замешаны высокопоставленные офицеры органов снабжения военно-воздушного корпуса и руководители предприятий авиационной промышленности. Когда эти слухи дошли до высших начальников военно-воздушного корпуса, они поняли, что перед ними трудный вопрос, но разобраться в его существе не смогли. Начальник управления общественной информации полковник Уильям Никольс считал, что проблема связана с общественной информацией и нужно прежде всего добиться, чтобы слухи не наносили ущерба репутации личного состава военно-воздушного корпуса. В связи с этим Никольс предложил обязать офицеров, занимающих ответственные посты в отделах по закупкам, доносить по команде о приобретении акций авиационных компаний.

Это был первый шаг, но он мог решить проблему, если бы подкреплялся действенным контролем, а контроля-то не существовало. Нескольким офицерам по закупкам, в том числе и Мейерсу, ставшему к тому времени генералом, было приказано доложить о своих приобретениях акций начальнику штаба военно-воздушного корпуса. Но в штабе военно-воздушного корпуса просто приняли от этих офицеров рапорта и подшили их в дело. Ни управление общественной информации, ни высшие руководители военно-воздушного корпуса не удосужились допросить Мейерса и других офицеров в связи с распространившимися слухами. Никакого доклада не было представлено инспекции военно-воздушного корпуса или каким-либо другим контрольным органам. Даже поверхностное расследование в то время вскрыло бы, что представленные генералом Мейерсом сведения о принадлежащих ему акциях были ложными. Мейерсу принадлежали акции во многих самолетостроительных фирмах, имевших деловые связи с военно-воздушным корпусом, но Мейерс, вопреки приказу, не сообщил об этом в своем рапорте. Он представил ложные сведения, а свои акции перевел на девичью фамилию жены.

Несмотря на трудности военного времени, Мейерс жил на широкую ногу и удивил своих коллег приобре-

тением облигаций военного займа на сумму 50 тысяч долларов. На счету его жены появились крупные денежные суммы. Был случай, когда Мейерс имел в своем сейфе 43 тысячи долларов наличными. Однако ни канцелярия военно-воздушного корпуса, ни генеральная инспекция не задумывались о проведении столь необходимого расследования. Этим занялись много месяцев спустя, уже после того, как генерал Мейерс летом 1945 года вышел в отставку по болезни и получил солидную пенсию.

В раскрытии деятельности Бенни Мейерса советник комиссии Уильям Роджерс и помощник советника Френсис Фланаган опирались на помощь двух людей, в карьере которых это был первый опыт следственной работы по поручению сената и которым суждено было стать легендарными фигурами во многих следственных процессах по аналогичным служебным преступлениям. Сенатор Джон Уильямс, республиканец от штата Делавар, был в то время впервые избран в сенат, а Кармин Беллино, бывший бухгалтер федерального бюро расследований, только начинал свою блистательную карьеру следователя-ревизора.

Уильямс и Беллино сыграли ведущую роль в раскрытии того факта, что Мейерс с 1940 по 1946 год получил от «Авиэйшн электрик» 190 970 долларов, перечисленных на имя его тестя, его жены, а также в виде оплаты счетов за мебель и прочее.

Наиболее разоблачительный характер носили показания Блерио Ламарра, который был сначала казначеем, а затем президентом «Авиэйшн электрик». Он рассказал, что Мейерс был владельцем фирмы, что ему, Ламарру, приходилось скрывать истинную роль Мейерса, что по указанию Мейерса он дал ложные показания на предварительном следствии.

Генерал Мейерс признал, что содействовал созданию фирмы «Авиэйшн электрик», но отрицал оказание помощи Ламарру и его жене, которая, по словам Мейерса, была его любовницей с вдова Ламарра. Мейерс заявил, что Ламарра и его жены не было в Дейтоне, когда создавалась фирма «Авиэйшн электрик».

На следующий день свидетельские показания давал Ламарр. Он снова утверждал, что фирма «Авиэйшн электрик» принадлежала Мейерсу.

Весьма расстроенным выглядел генерал армии Генри Арнольд, выступавший на заседании сенатской комиссии 22 ноября 1947 года. Он пытался объяснить обстоятельства, которые позволили Мейерсу оставаться вне подозрений в течение шести лет.

Как заявил генерал Арнольд, Мейерс и другие офицеры дали ему слово, что их вклады точно соответствуют представленным сведениям и используются без каких-либо нарушений существующих правил.

«Так или иначе, после этих заверений у меня сложилось мнение, что Мейерс и остальные офицеры не используют своего служебного положения в личных целях», — заявил Арнольд, но затем он подверг резкой критике признания Мейерса на заседаниях сенатской комиссии: — «Генерал Мейерс имел наглость заявить комиссии, что помимо письменного рапорта он докладывал мне и генералу Стратемейеру устно обо всех деталях своих личных дел. По его утверждению, генерал Стратемейер и я одобрили его деятельность и якобы заявили ему, что история с приобретением акций является его личным делом. Эти заявления насквозь лживы».

Как признал генерал Арнольд, командование военно-воздушного корпуса не придало должного значения анонимному письму, в котором утверждалось, что Мейерс занимается незаконными делами.

«В таких крупных организациях, какими являются армия, флот и военно-воздушные силы, ошибки неизбежны, — заявил генерал Арнольд. — Но мы должны извлекать уроки из этих ошибок и не допускать их повторения».

Член комиссии Фергюсон прервал выступление генерала Арнольда, указав, что в интересах сохранения чести военнослужащих и вооруженных сил в целом «паршивую овцу необходимо убрать из отары как можно скорее, чтобы не пострадали здоровые овцы».

В своем заключительном выступлении на заседании комиссии Фергюсон подчеркнул необходимость беспристрастного и решительного расследования каждого служебного преступления. Одновременно он отметил, что даже под присягой вызванные на заседания комиссии свидетели давали противоречивые показания, а это уже само по себе является преступлением. «Ни один суд, ни одна комиссия, ни одно государство не смогут вы-

полнять своих функций, если будут терпимо относиться к ложным показаниям», — заявил сенатор.

Протоколы показаний генерала Мейерса было решено передать министерству юстиции для возможного возбуждения судебного дела.

Мейерсу предъявили обвинение в принуждении Ламарра давать ложные показания, а Ламарра обвинили в даче ложных показаний.

12 марта 1948 года, признав Мейерса виновным по всем пунктам обвинения, суд приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Приговор в отношении Ламарра был условным: учли, что он признался в даче ложных показаний и в дальнейшем своими искренними показаниями помог суду выяснить истинные факты.

В докладе сенатской комиссии от 14 апреля 1948 года содержался вывод о «полном отсутствии координации деятельности различных органов военного министерства, которым поручалось расследование служебных преступлений военнослужащих».

«По этой причине, — указывалось в докладе, — расследования проводились наспех и неорганизованно. Командование военно-воздушного корпуса неоднократно получало информацию о преступной деятельности генерала Мейерса. Совершенно очевидной была необходимость немедленного принятия самых решительных мер».

Комиссия подчеркивала, что «расследование служебных преступлений военнослужащих должно проводиться специальными независимыми контрольными органами вооруженных сил».

«Офицеры по закупкам и члены их семей обязаны периодически в письменной форме представлять сведения о своих доходах, капиталовложениях и других финансовых интересах», — говорилось в выводах комиссии.

Комиссия в резкой форме выразила неудовлетворение существующей практикой, при которой, «если речь идет о высокопоставленных лицах, то не принимается никаких мер и не придаются гласности факты служебного преступления по той причине, что это якобы отрицательно влияет на моральный дух войск».

Комиссия указала, что «чем выше звание офицера и чем ответственнее занимаемая им должность, тем решительнее должно проводиться расследование совер-

шенного им проступка и тем шире должно быть предано гласности все то, что обнаруживается в ходе расследования. Любой другой подход к этому вопросу приведет к потере доверия со стороны общественности. Допустить халатное отношение офицеров по закупкам к своим обязанностям или оставить без внимания случаи служебного преступления — значит обречь дело военных закупок на полную дезорганизацию... Все, кто ведает военными закупками, должны знать, что любые преступные или бесчестные действия будут предметом решительного расследования, а виновных постигнет суровое наказание, независимо от звания и занимаемой должности».

Как отметила комиссия, командование военно-воздушного корпуса еще в 1940 году «получило информацию о личной заинтересованности Мейерса в делах фирмы, которая производила электрооборудование для самолетов, приобретаемых федеральными властями. Совершенно непростительно, что в этих условиях не было проведено никакого расследования».

«Вопиющие недостатки» системы расследований были вскрыты в показаниях генерального инспектора военно-воздушного корпуса генерал-майора Джуниуса Джонса. В протоколе заседания комиссии указывалось: «Он (Джонс) заявил, что во время войны один из генералов в частной беседе рассказывал ему о слухах, касающихся противозаконной деятельности Мейерса. Джонс не принял никаких мер, потому что рассказавший ему об этом генерал был личным врагом Мейерса и мог дать неправильные сведения. Джонс не смог объяснить, почему он не выяснил всех обстоятельств дела».

О недостатках системы расследований, существовавшей в военно-воздушном корпусе, свидетельствует и то, как обошлись с анонимным письмом, в котором говорилось о противозаконной деятельности Мейерса. Это письмо, датированное 22 июня 1945 года, было адресовано в федеральное бюро расследований. В нем указывалось, что генерал Мейерс является владельцем акций фирм, с которыми он вел дела как правительственный чиновник, и занимается другой противозаконной деятельностью. Федеральное бюро расследований тотчас же направило письмо в военное министерство для принятия надлежащих мер. Письмо попало к генералу Ар-

нольду и по его указанию было подшито к делу без дальнейшего расследования изложенных в нем фактов. Командование военно-воздушного корпуса не представило комиссии сколько-нибудь удовлетворительного объяснения причин, по которым никаких мер принято не было. Только в мае 1947 года, узнав, что комиссия ведет расследование деятельности генерала Мейерса, командование военно-воздушного корпуса проявило интерес к тем фактам, которые сообщались в анонимном письме.

Генерал Джонс, пытаясь снять ответственность с командования военно-воздушного корпуса за бездействие, заявил, что он считал изложенные в письме данные фальсификацией, не заслуживавшей внимания. Начальник отдела военных преступлений управления по уголовным делам министерства юстиции на заседании комиссии показал, что в письме приводилось достаточное количество конкретных фактов, заслуживавших расследования. Добросовестное расследование обвинений, изложенных в анонимном письме, вскрыло бы финансовые махинации генерала Мейерса летом 1945 года, то есть раньше, чем он ушел в отставку.

В своих выводах комиссия обвинила командование военно-воздушного корпуса в попытке скрыть письмо от следователей, поскольку неоднократно заявлялось, что такого письма не существует. Комиссия сослалась на памятную записку полковника Прайса на имя генерала Джонса от 7 мая 1947 года.

«Сегодня из центрального архива получена копия анонимного письма с резолюцией «Генеральному инспектору. В дело». Виза в нижнем углу письма свидетельствует о том, что оно докладывалось командованию. Каких-либо указаний о принятии мер в резолюции нет.

Анонимное письмо, по-видимому, имеет отношение к расследуемому делу, но я не считаю целесообразным знакомить с ним комиссию Брюстера или докладывать генералу Осборну, поскольку командование никаких мер не приняло. Конечно, вполне возможно, что комиссия Брюстера проверяет именно данный факт. В то же время не исключено, что комиссия ничего не знает о существовании письма и черпает информацию из другого источника».

Комиссия заявила, что «офицеры, виновные в сокрытии информации от конгресса, оказали военно-воздушным силам медвежью услугу. Их действия свидетельствуют о нежелании командования военно-воздушных сил навести порядок в собственном доме».

В 1942 году командование военно-воздушного корпуса создало следственную комиссию во главе с демократом из Нью-Йорка О'Дуайером. Ему присвоили звание бригадного генерала и вместе с генералом Эколсом поручили расследовать процедуру военных закупок. Комиссия эта не удосужилась заняться расследованием слухов о деятельности Мейерса и в июне 1944 года была распущена.

Единственным официальным лицом, которого комиссия удостоила похвалы, был Стюарт Саймингтон, в то время занимавший пост министра военно-воздушных сил. Он сразу же изменил порядок проведения расследований в военно-воздушных силах и распорядился, чтобы все нарушения, связанные с незаконными действиями военнослужащих, расследовались не командными инстанциями, а специальными следственными органами.

Комиссия указала, что при существовавшей в годы войны системе расследований руководство следствием осуществлялось по командным инстанциям. Получалось так, что контролировал следствие офицер, который сам мог быть замешан в нарушениях или играть какую-то неблагоприятную роль в отношении нарушителей.

«Система, при которой руководство следствием осуществляется по командным инстанциям, существует не только в военно-воздушных силах, но и в других видах вооруженных сил, — указывала комиссия. — Такая система способствует тому, что преступления остаются без последствий, особенно когда речь идет о начальниках и других высокопоставленных лицах».

Министр ВВС Саймингтон, позднее избранный в сенат, пригласил бывшего агента ФБР Джозефа Кэрола, добился присвоения ему звания генерал-лейтенанта и назначил его начальником отдела расследований с подчинением непосредственно министру.

Это была одна из многих реформ, произведенных в вооруженных силах в результате расследований, вскры-

ших организационные недостатки, которые приводили к ошибкам, невыполнению задач и правонарушениям в годы второй мировой войны. Самой главной реформой явился закон о национальной безопасности, принятый в 1947 году. Этот закон послужил шагом к объединению вооруженных сил.

7. ПЯТИПРОЦЕНТНИКИ

Резкое сокращение военных расходов в конце второй мировой войны не только не устранило проблемы борьбы с финансовыми махинациями и политическим нажимом при выдаче военных заказов, но и обострило конкурентную борьбу. Фирмам, которые в 1944 году без труда получали заказ в условиях ежегодного ассигнования 80 миллиардов долларов на военные нужды, в 1948 году приходилось выдерживать сильную конкуренцию, чтобы получить свою долю из ассигнований, составлявших только 10,9 миллиарда долларов.

Эта конкурентная борьба проявилась в междуусобице, которая характеризовала отношения между видами вооруженных сил в послевоенный период, когда авиационные, кораблестроительные компании и компании по производству вооружения искали связей среди руководителей вооруженных сил и влиятельных членов конгресса, чтобы получить из военного бюджета долю покрупнее. В авиационной промышленности происходила борьба между крупными фирмами, которые не брезговали никакими средствами, пытаясь одержать победу в смертельной, как они считали, схватке.

Особые трудности выпали на долю «малого бизнеса». Фактические расходы на военные нужды оставались на уровне 11,5 миллиарда долларов в 1949 году и 11,9 миллиарда долларов в 1950 году, пока в 1951 году не возросли до 19,7 миллиарда долларов. Многие представители «малого бизнеса» зависели от получения субконтрактов от промышленных гигантов или полагались на

получение контрактов в тех областях, за которые разбогатевшие на войне крупные фирмы не брались. В сумятице послевоенного времени мелкие фирмы никак не могли разобраться в процедуре получения военных заказов и, как правило, не имели своих представителей в Вашингтоне. В панике они отыскивали людей, которые, по их сведениям, располагали информацией о вашингтонских делах и могли добиться получения правительственного заказа за вознаграждение в размере 5—10 процентов от суммы контракта.

Совет по военному снаряжению сообщил, что мелкие фирмы получили только 27,2 процента от общей суммы военных заказов за период с 1 июля 1948 года по 30 июня 1949 года. Хотя эта цифра включала только основные контракты, подкомиссия сената признала ее весьма показательной, поскольку 50 процентов всего производства в долларовом выражении приходится на долю мелких фирм. Подкомиссия по мелким предприятиям сенатской комиссии по банковскому делу отметила, что мелкие фирмы не получают той доли военных заказов, которой они заслуживают, и сообщила, что разрабатываются меры, предусматривающие устранение этого недостатка.

В течение многих лет основная масса правительственных закупок осуществлялась на конкурентной основе с целью избежать злоупотреблений, стимулировать конкуренцию поставщиков и обеспечить справедливые цены. Однако опыт второй мировой войны показал, что в некоторых случаях было бы рациональнее осуществлять сделки без объявления торгов. Поэтому в решениях конгресса по вопросам о правительственных закупках была сохранена ограниченная возможность закупки необходимой продукции без торгов.

Несмотря на указание конгресса большинство военных закупок производить на конкурентной основе, Пентагон за период с 1947 по 1949 год в основном придерживался практики выдачи контрактов без торгов. Исследования показали, что в 91 проценте случаев контракты выдавались не на конкурентной основе. Из числа остальных 72,3 процента составляли контракты на сумму менее тысячи долларов. В стоимостном выражении 70,2 процента общей суммы военных закупок в 1949 году производилось не на конкурентной основе. Мелкие

фирмы фактически вытеснялись из сферы военных закупок.

В такой обстановке в Вашингтоне появилась темная компания людей, которые рекламировали перед бизнесменами свои возможности повлиять на решение правительственных закупочных органов. Эти люди действовали различными способами, но у всех было общее — они фактически торговали своим умением вести сделки с правительственными официальными лицами.

В конце 1948 — начале 1949 года деятельность дельцов-толкачей достигла расцвета. Постоянной сенатской подкомиссии по расследованиям было поручено разобраться в сообщениях о том, что некоторые темные личности, в том числе и якобы близкие к Белому дому, занимаются аферами, в основе которых лежат так называемые «консультации по организации дела».

Министр обороны Джонсон одним из первых выступил против пятипроцентников. В своей речи в мае 1949 года он предупредил, что «кое-кто простиитурует на профессии торговца, пытаясь убедить владельцев мелких фирм, что только через него они могут получить правительственный заказ. Нет никакой необходимости в маклерах — ни в пятнадцатипроцентниках, ни в десятипроцентниках, ни в пятипроцентниках. Никакой маклер между мелкими фирмами и правительством в деле размещения правительственных контрактов не нужен».

Несколько недель спустя после этого выступления Джонсона в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» была опубликована серия статей о деятельности самозванного «консультанта по организации дела» Джеймса Ханта. В статьях говорилось, что даже после предупреждения министра обороны Хант вступил в письменное соглашение с одной из средних фирм и должен был получить за услуги тысячу долларов единовременно, 500 долларов в месяц и 5 процентов от общей суммы заказов.

Предупреждения результатов не дали, и постоянная подкомиссия по расследованиям пришла к выводу, что необходим публичный судебный процесс по делу таких дельцов-толкачей, чтобы показать опасность и масштабы их деятельности, а также установить, какие новые законоположения необходимы для борьбы с ними.

Подкомиссию по расследованиям возглавлял сена-

тор Клайд Хои (демократ из Северной Каролины). Членами подкомиссии являлись еще десять сенаторов, представлявших различные штаты.

Сенатор Хои во вступительной речи на первом заседании подкомиссии заявил: «Цель работы нашей подкомиссии состоит в рассмотрении вопроса о мерах, которые может принять конгресс, чтобы свести к минимуму нездоровые явления».

Приступив к работе в августе 1949 года, подкомиссия сразу поняла, что основная проблема — найти способ различать добропорядочных представителей фирм от дельцов-толкачей. Министр обороны Джонсон, выступавший первым из свидетелей, согласился с этим мнением и обещал полную поддержку вооруженным силам в деле ликвидации ненужного посредничества пятипроцентников. На следующий день после своего выступления на заседании подкомиссии Джонсон распорядился создать в рамках министерства обороны объединенный комитет по закупкам, в который представители деловых кругов могли обращаться с предложениями.

Необходимость строго проводить различие между подлинными и мнимыми представителями бизнеса выявилась при расследовании по делу Джеймса Ханта, являвшегося консультантом администрации по военным излишкам и получавшего зарплату в размере 50 долларов в день; секретаря одного из сенаторов Альберта Льюитта; внештатного консультанта министерства обороны Джона Марагона и порученца Белого дома по военным вопросам генерал-майора Гарри Вогана.

Подкомиссия установила, что Хант, являясь юрисконсультом администрации по военным излишкам, вступал в сделки и за определенное вознаграждение помогал своим клиентам покупать материалы, принадлежавшие администрации по военным излишкам. Показания Ханта расходились с показаниями его начальника генерал-майора Грегори. Хант пытался оправдать свою деятельность ссылкой на то, что генерал Грегори дал ему на это письменное разрешение. Грегори заявил, что никакого разрешения Ханту он не давал и что если бы ему было известно о сделках, в которые Хант вступал в период своей работы в администрации, то последний был бы немедленно уволен.

Подкомиссия сочла, что вопрос о договоренности

между генералом Грегори и Хантом существенного значения не имел, поскольку в любом случае действия Ханта были неправильными.

«Нарушения действующих законов не было, и тем не менее поведение Ханта заслуживает порицания. Сотрудник правительственного учреждения, независимо от того, что говорится в законе, не должен заниматься личными делами, подрывающими его репутацию», — указывалось в выводах подкомиссии.

Сделка Ханта с начальником военно-химической службы генерал-майором Оденем Уэйттом была приведена подкомиссией в качестве примера того, как высокопоставленные лица активно помогали пятипроцентникам.

Научно-исследовательская организация по текстильным изделиям «Дирек Милликен рисерч траст» из Гринвича выплачивала Ханту вознаграждение за помощь в получении правительственных научно-исследовательских контрактов, в частности контрактов с военными ведомствами. Хант установил связь с военно-химической службой и несколько раз обращался лично к генерал-майору Уэйтту.

Расследование показало, что в марте 1949 года генерал Уэйтт вмешался в переговоры, которые вело техническое управление военно-химической службы, и распорядился выдать контракт «Дирек Милликен».

Майор Джон Гей из штаба военно-химической службы показал, что генерал Уэйтт приказал ему отправиться в Эджвуд, где рассматривался вопрос о выдаче контракта, и заявить, что «он (Уэйтт) заинтересован в получении контракта организацией «Дирек Милликен».

Как объяснил Гей, генерал Уэйтт тогда сказал ему, что «эта организация имеет влиятельные связи в Белом доме, которые могут пригодиться ему в будущем».

Подкомиссия сочла ложными показания генерала Уэйтта, который, признав, что говорил Гею о влиятельных связях организации в Вашингтоне, отрицал какую-либо личную заинтересованность в выдаче контракта этой организации.

В ходе слушания дела выяснилось следующее: генерал Уэйтт лично информировал Ханта, что контракт будет выдан «Дирек Милликен». Хант, в свою очередь, написал своим клиентам письмо с заверением, что они

получат контракт. Эти факты подтверждались записями в дневниках, которые были обнаружены в кабинете Хан-та следователями подкомиссии.

Подкомиссия отметила, что действия генерала Уэйт-та в интересах «Дирек Милликен» следует оценивать в свете других планов, которые он строил, пытаясь сохранить пост начальника военно-химической службы, хотя эту должность должен был занять другой человек. Подкомиссия обнаружила в кабинете Хан-та памятную записку, которая не требовала дальнейших разъяснений. Генерал Уэйтт побывал у Хан-та и подготовил памятную записку в Белый дом. В этой записке превозносились его личные качества. Генерал Уэйтт признал, что составил эту записку для вручения порученцу президента — генералу Вогану. Она предназначалась для доклада Трумэну в тот день, когда он будет решать вопрос о назначении нового начальника военно-химической службы.

Подкомиссия неодобрительно отнеслась к низкому поступку генерала Уэйтта, «который во имя своей военной карьеры прибег к помощи Хан-та для воздействия на якобы знакомых ему высокопоставленных лиц».

Было отмечено, что Уэйтт в своих рапортах высоко оценивал многих офицеров-сослуживцев, но в памятной записке, продиктованной в кабинете Хан-та, оклеветал этих людей, «чтобы возвысить самого себя».

Этот поступок Уэйтта «мог нанести серьезный и непоправимый ущерб карьере многих способных офицеров американской армии, если бы Уэйтта не разоблачили, — отмечала подкомиссия. — Такие действия не к лицу генералу».

16 июля 1949 года, в самый разгар слушания дела, министр армии Гордон Грей освободил генерала Уэйтта от исполнения обязанностей до завершения расследования. 10 сентября того же года министр армии удовлетворил просьбу генерала Уэйтта об отставке.

«Дальнейшее пребывание генерала Уэйтта на посту начальника военно-химической службы не в интересах службы», — заявил министр армии.

К другому из военных «контактов» Хан-та судьба была благосклоннее. Начальник квартирмейстерской службы генерал Фельдман подружился с Хан-том, когда последний проходил службу в армии. Близкие отноше-

ния сохранились и после того, как Хант вышел в отставку и открыл в Вашингтоне свое «консультативное» бюро.

Генерал Фельдман был обвинен в фаворитизме по отношению к Ханту и предоставлении ему сведений, касающихся программы закупок обмундирования и снаряжения на 1948 год. В письме Ханту генерал Фельдман писал: «...хотя информация не считается секретной, по моему мнению, мы должны считать ее доверительной».

Как отметила подкомиссия, переданная Ханту информация, по сообщению командования армии, не имела грифа секретности, однако разглашение этих сведений Фельдманом являлось нарушением элементарной этики.

Отмечались случаи, когда деятельность генерала Фельдмана и Ханта носила подозрительный характер. Однажды Хант получил от компании «Сайклик кэмикл» 5 тысяч долларов всего за несколько часов работы, оказав фирме помощь в возвращении администрации военных излишков — 800 тысяч нереализованных выливных авиационных приборов. «Сейклик кэмикл» приобрела эти приборы и затем в течение многих месяцев безуспешно пыталась аннулировать сделку, пока на помощь не пришел Хант. Он связался с генералом Фельдманом и с руководством администрации военных излишков. Подкомиссия не ставила вопроса о целесообразности решения Фельдмана, но поинтересовалась, почему сделка не была аннулирована, пока в дело не вмешался Хант.

На заседании подкомиссии было зачитано письмо генерала Фельдмана ответственному сотруднику администрации военных излишков бригадному генералу Аллену. Как явствовало из этого письма, Фельдман знал, что Хант использует свои политические связи в корыстных целях.

Генералу Фельдману было предъявлено обвинение в «неблагоразумности действий, которые он предпринял, зная, что Хант фактически ведет торговлю своими политическими связями». Подкомиссия выразила уверенность в том, что результаты расследования послужат Фельдману уроком и он полнее осознает ту высокую ответственность, которая на него возложена. За «неблагоразумные действия» приказом министра армии Фельдман был временно отстранен от исполнения обязанностей, однако затем его восстановили в должности, учитывая «бесспорную службу в течение 42 лет».

Альберт Люитт, работая секретарем сенатора Хокса, в 1945 году вел переговоры с бывшими владельцами гостиницы в Лидо Бич (Нью-Йорк) относительно возвращения их собственности, реквизированной для нужд военно-морского флота в годы войны.

Люитт связал владельцев гостиницы с Хантом, а сам побывал у некоторых правительственных чиновников, действуя от имени владельцев гостиницы. После длительных переговоров владельцы гостиницы получили свою собственность обратно, а Хант заработал на этом деле 100 тысяч долларов.

«Люитт, к этому времени оставивший государственную службу, получил от Ханта 5 тысяч долларов — свою долю вознаграждения. При этом была сделана попытка представить полученную сумму как вознаграждение за консультацию», — отмечалось в протоколе заседаний подкомиссии.

Люитт отрицал, что получил 5 тысяч долларов за содействие владельцам гостиницы в возвращении их собственности. Однако, как явствовало из дневника Ханта, Люитту причиталась доля вознаграждения, полученного Хантом за эту услугу.

Тот факт, что Люитт начал свою противозаконную деятельность после увольнения с работы в качестве секретаря сенатора Хокса, не помешал подкомиссии прийти к выводу, что полученные им деньги явились фактически вознаграждением за услугу, оказанную во время работы в правительственном учреждении.

После увольнения с государственной службы Люитт взял на себя роль лоббиста и представлял одну из фирм кожевенной промышленности, добиваясь в правительственных кругах отмены дополнительного налога на изделия из кожи. Однако до начала следствия Люитт так и не зарегистрировался в качестве лоббиста, хотя своим клиентам пытался выдать себя за активного поборника их интересов.

Под присягой Люитт показал, что он никогда не обсуждал с членами конгресса вопросов о налоге на изделия из кожи, а предоставлял клиентам информацию, которую легко получить из общедоступных источников. При этом информация преподносилась в такой форме, чтобы клиенты были удовлетворены.

Джон Марагон, которого генерал Воган однажды

охарактеризовал как «хорошего парня», слыл своим человеком в Белом доме, когда сенат разоблачил его. Благодаря своим связям в Белом доме Марагон, бывший самогонщик из Канзаса, стал одним из наиболее ловких толкачей.

В 1945 году по рекомендации своего давнего приятеля генерал-майора Вогана, являвшегося порученцем президента Трумэна, Марагон был назначен административным помощником главы американской миссии по наблюдению за выборами в Греции. С помощью Вогана Марагон получил мандат, в котором говорилось, что он выполняет особое поручение президента. В своих показаниях перед подкомиссией сената Воган признал, что «президент никаких поручений Марагону не давал и вообще не знал о нем».

Находясь на государственной службе, Марагон одновременно получал тысячу долларов в месяц от фирмы «Верли перфюм компани» и вел активную деятельность в ее интересах во время своей командировки в Европу. Помимо ежемесячной зарплаты Марагон получал от фирмы компенсацию за дорожные расходы (около 10 тысяч долларов), хотя в действительности эти расходы оплачивало государство.

«Этот поступок настолько отвратителен, что не требует комментариев», — отметила подкомиссия.

Возвращаясь из правительственной командировки, Марагон был задержан при попытке контрабандного ввоза эфирных масел, используемых для производства парфюмерных изделий.

Подкомиссия установила, «что Марагон действительно находился в тесной дружбе с генералом Воганом, имел связи в Белом доме и использовал их в своих личных корыстных целях». В нескольких случаях «генерал Воган или его подчиненные лично обращались в правительственные органы от имени тех, кого Марагон представлял», — отметила подкомиссия.

На вечере в честь генерала Вогана, состоявшемся в Милуоки в октябре 1946 года, Марагона встретил Митон Полланд. Будучи наслышан о связях последнего в Вашингтоне, Полланд нанял его в качестве представителя фирмы «Аллайд молласис энд фуд индастриз», принадлежавшей племяннику Полланда Гарольду Россу.

Во время войны, когда были введены строгие ограничения на продажу сахара, министерство сельского хозяйства запретило фирме заниматься паточным производством и возбудило против нее судебное преследование за серьезные нарушения режима распределения сахаропродуктов. Россу нужен был человек, который бы мог уладить дела фирмы в правительственных учреждениях. Вскоре после того как Марагон стал представителем фирмы Росса, генерал Воган из своего кабинета в Белом доме позвонил в министерство сельского хозяйства и попросил снять наложенные на фирму ограничения. Бывший начальник отдела министерства Хэторн на заседании подкомиссии заявил: «Генерал Воган сказал, что он обсуждал дело с министром сельского хозяйства, и просил меня оказать возможное содействие. В заключение, — продолжал Хэторн, — Воган заявил, что он близок президенту и что друг в Белом доме может оказаться для меня весьма полезным. Воган сказал также, что он мог бы содействовать моей карьере, а в случае неповиновения — серьезно повредить ей».

На заседании подкомиссии генерал Воган не смог объяснить, почему он ходатайствовал за фирму, которую представлял Марагон, и не отрицал, что фирма и в дальнейшем могла нарушать установленные правительством нормы использования сахаропродуктов.

Как установила подкомиссия, Марагону и в ряде других случаев удавалось добиваться в правительственных учреждениях положительного решения интересовавших его вопросов благодаря дружбе и тесному сотрудничеству с генералом Воганом. Марагону не раз удавалось убедить правительственных чиновников, что он имеет официальные связи в Белом доме, и по просьбе Марагона эти чиновники являлись к нему домой для обсуждения интересовавших его вопросов. Иногда Марагон пользовался телефоном в кабинете генерала Вогана для переговоров по личным делам.

Следователи подкомиссии утверждали, что Марагон играл немаловажную роль в деятельности генерала Вогана, носившей явно подозрительный характер. Являясь координатором по делам ветеранов в правительстве Трумэна, генерал Воган предпринял попытку передать дефицитные строительные материалы владельцам авто-трека фирмы «Тандоран». Воган знал, что материалы

эти пришлось бы взять из фонда, предназначавшегося для строительства домов ветеранов войны.

Как установило следствие, Марагон и его клиент — фирма «Верли перфюм компани» преподносили подарки ряду правительственных чиновников, в том числе генералу Вогану и семье Трумэна (комиссия сочла, что семья Трумэна никаких нарушений этики не допустила, поскольку издавна существует традиция преподношения подарков президенту).

Когда сенат впервые заинтересовался деятельностью Марагона, его показания слушались на закрытом заседании. В ходе расследования стало ясно, что показания эти идут вразрез с многими установленными фактами. Тогда подкомиссия вызвала Марагона для дачи показаний на открытом заседании. На этот раз по рекомендации своего адвоката Марагон отказался отвечать на вопросы, касающиеся источника его доходов.

3 января 1950 года Джону Марагону было предъявлено обвинение в лжесвидетельстве, и дело его рассматривалось судом присяжных округа Колумбия.

Передав дело по обвинению Марагона в лжесвидетельстве в суд, подкомиссия больше не возвращалась к этому вопросу. «У многих официальных лиц правительственных учреждений, — отмечалось в докладе подкомиссии, — существовало мнение, что, когда генерал Воган обращался к ним, он представлял президента. Поэтому они уделяли его просьбам такое большое внимание». Генерал Воган утверждал, что обращался в правительственные учреждения по собственной инициативе и президент ничего не знал об этом.

В докладе подкомиссии был сделан следующий вывод: деятельность Вогана позволила Марагону «использовать престиж Белого дома в своих личных интересах». Подкомиссия выразила удивление, что Марагону удавалось безнаказанно использовать авторитет Белого дома в течение ряда лет.

26 апреля 1950 года Джона Марагона признали виновным по двум из четырех пунктов обвинительного заключения. Ревизор Кармин Беллино был главным свидетелем в установлении того факта, что Марагон дал ложные показания, отрицая наличие у него счета в тexasском банке. Он внес на этот счет 100 тысяч долларов за те четыре года, в течение которых, по его же

словам, имел доход лишь в 30 тысяч долларов. Как удалось доказать, Марагон обманул следствие, когда отрицал, что получал постоянный оклад от фирмы «Верли перфюм» во время правительственной командировки в Европу.

Обвинение в том, что Марагон дал ложные показания, когда рассказывал об источнике получения отдельных сумм, было снято судом. Суд не подтвердил также обвинения в том, что Марагон скрыл получение вознаграждений от различных клиентов в период своей работы в правительственном учреждении.

По утверждению адвоката Марагона, его подзащитный оказался козлом отпущения. Генерал Воган не был вызван в суд для дачи свидетельских показаний, хотя именно его показания могли сыграть важную роль. Воган подвергся суровой критике подкомиссии, но оставался порученцем Трумэна до избрания нового президента.

Апелляцию Марагона отклонили, и 25 мая 1951 года он был заключен в тюрьму на срок до двух лет за дачу ложных показаний.

8. ПОМНИТЕ ГАРРИ ЛЕВА ПО КЛИЧКЕ ШЛЯПНИК?

Первые сведения о бесчестных действиях Гарри Лева по кличке Шляпник поступили в сенатскую подкомиссию по расследованиям осенью 1954 года. Речь шла о нарушениях, касающихся контрактов на военное обмундирование. Утверждалось, что, будучи владельцем одной из крупнейших компаний по производству головных уборов, Гарри Лев пользовался особой благосклонностью руководящих сотрудников управления по закупке обмундирования и снаряжения для вооруженных сил.

В полученных подкомиссией сведениях многое было неясно, и все же дело передали для расследования старшему следователю Балабану и ревизору Пулу из центрального финансового управления.

Несколько недель кропотливой работы дали лишь поверхностные доказательства бесчестности Лева. Только случайная беседа с бизнесменом из Бруклина Леоном Леви положила начало настоящему потоку сведений, которые уличали преступников в подкупе, подлоге, продаже контрактов на военное обмундирование.

Центральное финансовое управление откомандировало Балабана и Пула в распоряжение сенатской подкомиссии, и вместе с видным следователем — ревизором Кармином Беллино они начали готовить дело к публичному разбирательству.

«Ежегодно миллионы долларов расходуются на закупку и пошив обмундирования и снаряжения для вооруженных сил, — отмечал сенатор Макклелан, харак-

теризуя значение разбирательства. — Одна из задач подкомиссии состоит в изучении коммерческих операций правительственных учреждений и предупреждении случаев расточительного расходования средств и бесхозяйственного отношения к делу... В данном случае речь идет не о расточительности или бесхозяйственности. Перед нами настоящая афера, имевшая место в одном из закупочных органов министерства обороны. Важно, чтобы у нас было экономное правительство, чтобы народ верил в честность тех, кто управляет хозяйством страны. Цель данного разбирательства состоит не только в том, чтобы вскрыть правонарушения, но и предупредить тех, кто занимается подобными делами, что преступления не останутся безнаказанными.

Гарри Лев очень умело вел себя на заседании подкомиссии, которая характеризовала его как «мастера уловок и уходов».

К тому времени, когда Лев предстал перед сенатской подкомиссией, он являлся владельцем крупнейшей фирмы по производству головных уборов для вооруженных сил.

В ходе разбирательства выяснилось, что Гарри Лев упорно добивался расположения официальных лиц в закупочных органах, охотно нанимал на работу в фирме отставных офицеров и преподносил богатые подарки тем, в ком был заинтересован. Лев оплачивал счета за гостиницу официальных лиц закупочных органов, принимал этих людей у себя дома, дарил роскошные платья и другие предметы одежды женщинам — сотрудницам закупочных органов министерства обороны.

Как удалось установить, Гарри Лев вступил в деловые отношения с правительственными чиновниками, которые ведали выдачей интересовавших его контрактов. Следствие вскрыло случаи прямого подкупа или попыток подкупа, а также показало, что часто Лев имел незаконный доступ к информации о контрактах на миллионные суммы.

Один из контрактов, документы по которому были изучены подкомиссией Макклелана, предусматривал изготовление белых шапочек для рядового состава ВМС на сумму 2 040 204 доллара. От так называемого «представителя поставщика» Марвина Рубина за определенное вознаграждение Лев получил секретную информа-

цию об этом контракте. Командование ВМС намеревалось выдать этот контракт нескольким фирмам, однако благодаря содействию капитана 1 ранга Вуда, являвшегося офицером по контрактам, контракт полностью достался Гарри Леву.

Финансовые операции Лева раскрыть было труднее, поскольку в своих расчетах он часто прибегал к выплатам наличными. Потребовалось проследить движение суммы в 1 403 745 долларов, которая прошла через руки Лева за период с 1952 по 1953 год включительно. Только тогда выяснилось, что Лев не может объяснить, почему он взял со своего счета 213 924 доллара наличными. По утверждению подкомиссии Макклелана, «даты изъятия наличных денег со счета Лева могут помочь определить даты, когда Лев выплачивал вознаграждение офицерам закупочных органов».

«Гарри Лев путем подкупа офицеров по контрактам и других сотрудников закупочных органов получал неоправданные привилегии, сдавал государству недоброкачественную продукцию и получал незаконные доходы в ущерб государственным интересам,—говорилось в выводах подкомиссии.—В своих показаниях Лев был неоткровенен, уклончив и иногда даже явно лгал. Он вовлекал в незаконные сделки правительственных чиновников, заставляя их пренебрегать служебным долгом. Аморальное поведение Лева лишает его права в будущем получать какие-либо заказы от правительственных учреждений».

Главного свидетеля по делу Лева—Марвина Рубина—подкомиссия Макклелана охарактеризовала как «толкача, имевшего влияние среди руководящих лиц закупочных органов и широко использовавшего в своей деятельности подкуп и взятки». Сам Рубин считал себя бизнесменом, специалистом «по получению правительственных заказов».

Деятельность Рубина отличалась от деятельности пятипроцентников в том отношении, что он брал значительно большие гонорары за услуги в получении контрактов от министерства обороны. Согласно данным подкомиссии, «Рубин требовал вознаграждения в размере 25—35 процентов от доходов, которые получала фирма, выполняя работу по правительственному контракту». Крупнейшие контракты Рубин получил от квартирмей-

стерской службы армии США и управления по закупке обмундирования и снаряжения для вооруженных сил.

В 1952 году Рубин стал представителем Леона Леви и Мориса Эйдса — владельцев двух фирм по производству одежды. Год спустя Рубин взялся представлять Гарри Лева и стал вице-президентом одной из дочерних фирм, принадлежащих Леви и занимавшихся выпуском головных уборов для рядового состава ВМС.

Фирма Леона Леви в 1952 году оказалась в трудном финансовом положении, и по совету своего бухгалтера Леви обратился за содействием к Рубину, который, как он слышал, имел «полезные связи». Рубин потребовал от Леви 30 процентов дохода и все же получил согласие. В результате фирме Леви были выданы три контракта на производство армейских фуражек на сумму 122 626 долларов. На следующий день после вручения контракта Рубин потребовал тысячу долларов для уплаты офицеру, который, по его словам, много сделал, чтобы фирма Леви получила контракты.

Леви на заседании подкомиссии показал, что Рубин посоветовал ему оформить эту тысячу долларов в бухгалтерских книгах как представительские расходы. Рубин порекомендовал также завести особый учет выплачиваемых вознаграждений, поскольку они будут постоянными, — во избежание двухкратных выплат. Сумма выплачиваемых вознаграждений должна была составлять 7 процентов от общей стоимости контракта. Вознаграждения шли на расходы, связанные с получением контракта и выплату гонораров приемщикам, которые допускали отклонение сдаваемой продукции от требуемого по контракту стандарта.

Леви заявил, что в целях сохранения тайны он вел записи о своих сделках с Рубином на арабском языке. На арабском языке записывалось также содержание телефонных разговоров с Рубином, Гарри Левом и другими.

Как показал Леви, его партнер Эйдс сомневался в том, что Рубин в действительности выплачивал вознаграждение каким-то третьим лицам. Об этих сомнениях Эйдса Леви рассказал Рубину, и тот пригласил Эйдса присутствовать при выплате вознаграждения Дэвиду Поллаку, который являлся тогда начальником группы в отделе анализа цен управления по закупке обмун-

дирования и снаряжения для вооруженных сил. Задача этой группы состояла в том, чтобы определять, с каким из поставщиков экономически выгоднее заключать контракт. Группа Поллака ведала также изменением спецификаций в контрактах, пересмотром цен и стандартов. Леви показал, что Рубин в его присутствии вручил Поллаку 500 долларов наличными.

В дневнике Леви имелись записи еще о трех выплатах вознаграждений главному инспектору отдела обмундирования квартирмейстерской службы Джозефу Порекке. Одна из записей свидетельствовала о том, что в порядке вознаграждения Рубин преподнес Порекке холодильник стоимостью 215 долларов, а также 25—30 фунтов мяса и белье жене. Порекка признал, что дал ложные показания на одном из заседаний подкомиссии, когда отрицал, что знает, кто подарил ему холодильник. Именно Порекка, получавший от Рубина подарки, был тем человеком, который распорядился принять без осмотра партию товара с предприятий Леви.

Как установила подкомиссия Макклелана, все операции по закупке обмундирования были противозаконными. Особое внимание она уделила участию в этих сделках Реймонда Вуда.

Реймонд Вуд, как офицер по контрактам, ведал всеми контрактами, которые выдавались Леви управлением по закупке обмундирования и снаряжения для вооруженных сил. Следствием было установлено, что капитан 1 ранга Вуд с 1951 по 1953 год имел в своем распоряжении крупные суммы наличными. Наибольшие из этих сумм относятся к моментам, когда он выдавал контракты Леви. На эти деньги Вуд приобрел дом и отремонтировал его.

По утверждению Вуда, 14 тысяч долларов наличными, которые он израсходовал в 1953 году, были его сбережениями и он хранил их в сейфе у себя дома. Подкомиссия усомнилась в правдивости этих показаний Вуда, и тогда он сказал, что значительную долю из указанной суммы взял взаймы. На вопрос об источнике займа Вуд ответил сначала так: 9 тысяч долларов он получил от бывшего владельца приобретенного им дома Петси Лучиано. Позже Вуд сказал, что взял займы у Лучиано только 5 тысяч долларов. Вызванный для свидетельских показаний Лучиано заявил, что ни 9 тысяч

ни 5 тысяч долларов он никогда не давал займы ни Вуду, ни его супруге. Как указал Лучиано, Вуд должен ему определенную сумму за аренду помещения для магазина.

Вуд не смог дать объяснений своим расходам, и подкомиссия пришла к выводу, что он «должен признаться либо в получении взяток, либо в фальсификации сведений о своих доходах при оформлении подоходного налога».

«Он (Вуд) решил признаться в одном преступлении — в представлении неправильных сведений для начисления подоходного налога — и, соответственно, пытался объяснить наличие у него крупных сумм изъятием денег со счета жены, которой в течение ряда лет принадлежал магазин готового платья», — говорилось в докладе подкомиссии. Но и это объяснение оказалось ложным: два продавца из магазина готового платья заявили, что доход магазина даже не позволял выплачивать арендную плату — 250 долларов в месяц. Очень быстро наступил финансовый крах магазина, и его закрыли. Как выяснилось, Вуд субсидировал магазин, принадлежавший его жене, а это означало, что он имел еще более крупные суммы наличными, чем было установлено следствием в начале разбирательства.

Под давлением этих показаний Леон Леви решил признаться, что слышал телефонный разговор между Реймондом Вудом и Рубиным о правительственных контрактах. Кроме того, Леви показал, что, по словам Рубина, Лев выплатил Вуду 50 тысяч долларов за помощь в получении контракта на поставку головных уборов для рядового состава ВМС и за другие услуги.

В распоряжении подкомиссии были материалы о нарушениях, связанных с выдачей многих контрактов на обмундирование, однако в своем докладе она особое место отвела изложению противозаконных действий при выдаче контракта на головные уборы для моряков, при контроле за выполнением этого контракта, а также при приемке готовой продукции.

Подкомиссия отметила:

1. В апреле 1953 года две крупные заявки на головные уборы для рядового состава ВМС были объединены в одну, и фирма Лева получила контракт на всю

сумму, хотя командование ВМС предполагало разделить заказ между несколькими поставщиками.

2. Результаты проверки, произведенной инспектором Люисом Альперштейном перед выдачей контракта фирме Лева, были поставлены под сомнение контрольными органами ВМС, но капитан Вуд сумел отстоять интересы фирмы и убеждал всех, что она справится с заказом. В действительности же Вуд принял меры, чтобы фирма Лева могла не соблюдать установленных сроков выполнения заказа.

3. Фирма Лева потребовала изменить покррой головных уборов, но ВМС отказались удовлетворить это требование, вопреки ходатайству Вуда. Лейтенант ВМС показал, что капитан Вуд критиковал его за отказ изменить покррой. В результате самовольных изменений, произведенных фирмой Лева, ВМС получили 250 тысяч негодных головных уборов, что нанесло большой убыток. Только настойчивые требования ВМС заставили фирму Лева выполнить контракт по обусловленным в нем спецификациям.

4. Вуд выдал разрешение фирме Лева отклониться от условий контракта, что фактически означало дополнительный доход в размере 49 406 долларов.

5. Вуд разрешил фирме Лева поставлять готовую продукцию в более дешевой упаковке, чем было предусмотрено контрактом, несмотря на возражения приемщика. Это уменьшило фактические затраты фирмы на 37 тысяч долларов.

Таковы были немногие из тех уловок, которые позволили Леву получить контракт, поставлять некондиционную продукцию, не соблюдать условий контракта и, таким образом, получить незаконную прибыль.

Поняв, что ему грозит суд военного трибунала, Реймонд Вуд 6 июня 1955 года подал в отставку. Его уволили без права пользования привилегиями по закону о ветеранах. Позднее Вуд был осужден за неуплату подоходного налога и приговорен к тюремному заключению.

В докладе подкомиссии Макклелана указаны десятки фамилий официальных должностных лиц — офицеров, гражданских служащих и инспекторов, которые были замешаны в противозаконных сделках, связанных с выдачей контрактов на производство обмундирования.

Подкомиссия пришла к следующему выводу: Гарри Лев и связанные с ним фирмы «получили скрытые доходы на сумму в несколько сот тысяч долларов из-за различных отклонений от условий контрактов». Помимо Рубина и его «друзжков» в закупочных органах Лев привлекал к участию в своих махинациях тех отставных офицеров и бывших сотрудников закупочных организаций вооруженных сил, которых прельщали высокооплачиваемые должности в управлении фирмы Лева. Среди этих людей были генерал-майор, три полковника и майор.

Следствие установило, что министерство обороны имеет право предъявить Леvu и связанным с ним фирмам претензию на сумму 454 тысячи долларов за нарушение условий контрактов и поставку некондиционной продукции.

26 апреля 1957 года Леvu и еще трем подсудимым было предъявлено обвинение в сговоре с государственными служащими с целью обмана государства при выполнении двух контрактов на поставку головных уборов для армии и флота. Помимо Лева суду были преданы Марвин Рубин, Морис Эйдс и Мелла Хорт — сотрудница управления по закупке обмундирования и снаряжения для вооруженных сил, содействовавшая Леvu в его операциях.

Лев был приговорен к девяти месяцам тюремного заключения и штрафу в размере 5 тысяч долларов. Вуда приговорили к восемнадцати месяцам тюремного заключения и штрафу в размере тысяча долларов. Рубина оштрафовали на тысячу долларов и приговорили к пятнадцати месяцам тюремного заключения. Госпожа Хорт и Эйдс были оштрафованы на 1500 долларов каждый и условно приговорены к тюремному заключению с испытательным сроком 2 года. Более десятка официальных лиц были уволены или вынуждены выйти в отставку за косвенное содействие противозаконным сделкам, выявленным в ходе слушания дела Гарри Лева.

Протоколы расследования по делу о закупках обмундирования и снаряжения для вооруженных сил составили материал объемом 1150 страниц и буквально потрясли министерство обороны. Доклад подкомиссии Макклелана занял всего сорок шесть страниц, но по своему

содержанию заслуживал того, чтобы с ним в принудительном порядке были ознакомлены все высшие должностные лица Пентагона. Тем более что через несколько месяцев еще один случай с контрактами министерства обороны на поставку обмундирования привел к отставке помощника министра обороны.

Роберт Росс, конгрессмен-республиканец от Нью-Йорка, потерпел поражение на выборах 1952 года, но в марте 1954 года был назначен заместителем помощника министра обороны по юридическим вопросам. На этой должности он оставался до марта 1956 года, когда его выдвинули на пост помощника министра обороны по юридическим вопросам и общественной информации.

В конце 1956 года подкомиссия по военным операциям комиссии по правительственным операциям палаты представителей получила сведения о том, что квартирмейстерская служба армии США выдала контракт на поставку хлопчатобумажных брюк на сумму 834 тысячи долларов фирме, принадлежащей Клэр Росс. Заявка на контракт была представлена Германом Уинном, братом госпожи Росс, от имени фирмы «Уинн энтерпрайсис инкорпорейтед». Как раз перед получением контракта президентом правления фирмы вместо Уинна стала госпожа Росс.

В прессе сразу же появились заметки, в которых высказывалось подозрение, что Росс использовал служебное положение в личных целях, но несколько недель спустя подкомиссия пришла к выводу, что этот факт имеет гораздо меньшее значение, чем весь комплекс правительственных закупочных операций, с которыми была связана фирма Уиннов. Комиссия по деятельности правительства установила, что Росс не совершил никаких нарушений, связанных с выдачей контракта фирме «Уинн энтерпрайсис», однако в докладе, подписанном единогласно, указывалось, что выдача контракта фирме, принадлежащей супруге высокопоставленного лица в правительстве, является «неприглядным актом». Такого же мнения придерживался начальник центрального финансового управления.

Комиссия пришла к выводу, что Росс «допустил ошибку», не осознав, что его жене неудобно вступать

в деловые отношения с министерством обороны, где он сам занимал пост помощника министра. В середине февраля 1957 года Росс подал в отставку, которую приняли в марте того же года.

Еще не успели высохнуть чернила в докладе подкомиссии палаты представителей по делу фирмы «Уинн энтерпрайсис», как еще одно расследование привело к отставке министра ВВС Гарольда Тэлботта.

9. ИСПОЛЬЗОВАЛ ЛИ ТЭЛБОТТ СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ?

Вопрос об использовании официальными лицами служебного положения в личных целях стал предметом споров и дискуссий с первых дней пребывания у власти правительства Эйзенхауэра. Первоначально всеобщее внимание привлек вопрос, придется ли Чарльзу Вильсону продать принадлежащие ему акции корпорации «Дженерал моторс», прежде чем он получит пост министра обороны. Тогда никто фактически не поинтересовался личными делами Гарольда Тэлботта, который должен был занять должность министра ВВС.

На заседаниях сенатской комиссии по вооруженным силам в январе и феврале 1953 года Тэлботту задавали вопрос относительно его вкладов в различных фирмах, имеющих деловые связи с министерством обороны. Тэлботт сказал тогда, что имеет акции компаний «Электрик аутолайт», «Болдуин-Лима-Гамильтон корпорейшн» и «Крайслер корпорейшн».

— Порвали ли вы свои связи со всеми этими компаниями? — спросил Тэлботта председатель комиссии сенатор Солтонстол.

— Да, — решительно ответил Тэлботт и добавил: — У меня было еще одно предприятие. Мне принадлежит фирма, в которой я сейчас играю роль специального партнера.

— Как она называется?

— «Маллиган энд компани».

— Какого рода деятельностью она занимается?

— Вопросами организации производства.

Тэлботт заявил, что юристы по его просьбе подготовили соглашение между ним и его партнером Маллиганом о том, что на время работы Тэлботта в правительстве фирма не будет вести какой-либо деятельности, существенным образом связанной с военным производством.

— Фирма может выполнять заказы предприятий Форда, но, по существу, это не явится выполнением военного контракта. По возможности фирма будет воздерживаться от деловых связей с самолетостроительными предприятиями, — пояснил Тэлботт.

— Другими словами, вы отстранились от всякой деловой деятельности или сделаете это, как только будете назначены на пост министра ВВС? — спросил Солтон-стол, как бы забыв, что Тэлботт сохранил за собой руководство фирмой, занимающейся вопросами организации производства.

— Абсолютно точно, сэр, — ответил Тэлботт.

В марте 1955 года постоянная комиссия по расследованиям получила информацию, свидетельствовавшую о том, что министр ВВС Тэлботт активно содействует деятельности фирмы «Маллиган энд компани», являясь ее официальным партнером. Как показали факты, Тэлботт установил связь с некоторыми фирмами, выполняющими военные заказы, и использовал свои официальные бланки при написании писем, содействовавших деловой деятельности фирмы «Маллиган». Советник подкомиссии Роберт Кеннеди сообщил об этом председателю подкомиссии Макклелану, но огласки эти факты не получили, пока в печати не были опубликованы статьи вашингтонского корреспондента газеты «Чаттануга таймс» Чарльза Барлетта и корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Уильяма Лоренса.

18 июля 1955 года сенатор Макклелан пригласил Тэлботта на заседание подкомиссии. Материалы, опубликованные в печати, вынудили Тэлботта просить о проведении открытого заседания подкомиссии 21 июля 1955 года, чтобы реабилитировать себя в глазах общественности.

Тэлботт, как министр ВВС, отрицал какие-либо незаконные действия со своей стороны. Он представил подкомиссии письмо, написанное Маллигану 8 января 1955 года, в котором объяснял причины, вызывающие

необходимость изменения его положения в фирме на время работы в правительстве.

«Я назначен министром ВВС в новом правительстве и буду ведать вопросами закупки самолетов и другой техники и имущества для ВВС США, — писал Тэлботт. — Я подал в отставку с постов директоров фирм и других ответственных должностей в промышленности».

Затем Тэлботт отметил, что Маллиган «мог находить клиентов, имеющих деловые связи с министерством ВВС, и получать от них компенсацию за оказанные услуги».

«Поскольку возможна критика по поводу использования мною служебного положения и поскольку в дальнейшем на мне будут лежать новые обязанности, хотелось бы сейчас сформулировать свою точку зрения на наши расчеты по работам, в какой-то мере связанным с военными контрактами, — писал Тэлботт Маллигану. — По-моему, нет причин разрывать наши деловые отношения, но существует необходимость изменить мою роль в деле».

Далее Тэлботт указывал: «На время моего пребывания на официальном посту я хотел бы считаться специальным партнером, чтобы вся ответственность за продолжение деловых операций возлагалась на вас с правом принимать любые решения без консультаций со мной».

Если фирма вступит в деловые отношения с клиентом, который, с вашей точки зрения, занимается деятельностью, связанной с выполнением заказов на самолеты или авиационную технику для ВВС, то по этим операциям следует вести отдельные счета, полностью отделенные от остальных операций фирмы. Я отказываюсь от каких-либо доходов по этим специальным счетам».

Письмо Тэлботта Маллигану свидетельствовало о том, что Тэлботт хорошо представлял себе возможность обвинения его в использовании служебного положения в личных целях.

Однако давая показания, Тэлботт признал, что договоренность о его специальном партнерстве практически в жизнь не проводилась и он получал свою долю доходов фирмы в течение всего времени пребывания на посту министра ВВС, хотя Маллиган имел деловые

отношения со многими фирмами, выполнявшими заказы министерства обороны. Министр ВВС пытался оправдать это тем, что фирмы, являвшиеся клиентами Маллигана, выполняли военные заказы очень редко и на небольшие суммы.

Проверка финансового состояния фирмы «Маллиган» показала, что дела у нее шли хорошо и что на счет Тэлботта систематически поступали значительные суммы: 42 163 доллара — в 1953 году, 65 379 долларов — в 1954 году, 66 653 доллара — в 1955 году. Общий доход фирмы в 1952 году составил 321 тысячу долларов, в 1953 году — 285 тысяч долларов, в 1954 году — 405 300 долларов и в 1955 году — 411 850 долларов.

Фирма, как видно, процветала, и это не могло не отражаться на финансовом положении министра ВВС. Вначале Тэлботт уверял, что сделки с фирмами, выполнявшими военные заказы, были незначительными по своим масштабам, но позднее признал, что около 50 процентов контрактов одного из клиентов фирмы «Маллиган» являлись военными контрактами. Тэлботт заявил при этом, что первоначально он имел в виду только контракты этой фирмы с ВВС, составлявшие 6 процентов деловой деятельности фирмы.

Тогда Тэлботту предъявили письма, написанные им от имени Маллигана фирмам, выполнявшим военные заказы.

Когда некоторые члены подкомиссии Макклелана усомнились в том, что именно Тэлботт писал эти письма, Макклелан заявил, что имеются также данные о личных беседах Тэлботта с руководителями «Рэдио корпорейшн оф Америка», в ходе которых он действовал от имени фирмы «Маллиган».

На первом заседании подкомиссии Тэлботт показал, что руководители «Рэдио корпорейшн оф Америка» ставили перед ним вопрос о возможности сотрудничать с фирмой «Маллиган», поскольку Тэлботт являлся партнером ее владельца, и предложили ему получить соответствующее разрешение генерального прокурора. Советник подкомиссии Роберт Кеннеди спросил у Тэлботта, как он реагировал на предложение «Рэдио корпорейшн оф Америка».

— Я сказал тогда, что все подозрения излишни. При такой постановке вопроса мы не возьмемся за контракт.

— И на этом дело кончилось? — спросил Кеннеди.

— Да, насколько мне известно.

— Пытался ли Маллиган сам договориться с «Рэдио корпорейшн оф Америка»?

— Мне известно, что Маллиган еще раз беседовал с руководителями этой корпорации, но с кем и о чем — не знаю.

Тэлботт под присягой далее показал, что никому из руководителей ВВС он не говорил о своем недовольстве отказом «Рэдио корпорейшн оф Америка» вступить в деловые связи с фирмой «Маллиган».

Тогда Кеннеди поинтересовался, не говорил ли Тэлботт на эту тему с генеральным юрисконсультом ВВС Джоном Джонсоном.

— Да, я говорил с ним, но ни о чем не просил.

— Разве вы не просили Джонсона связаться с господином Эвингом из «Рэдио корпорейшн оф Америка»?

— Возможно.

— Я спрашиваю вас, просили ли вы об этом Джонсона?

— Не знаю, — ответил Тэлботт. — Я действительно не знаю.

— А сами вы не разговаривали с Эвингом?

— Не знаю. Во всяком случае, не помню.

— О чем вы говорили с Джонсоном?

— Я сказал, что очень обеспокоен тем, что могут ставить под сомнение деятельность фирмы «Маллиган», и намереваюсь обратиться к генеральному прокурору.

— Что ответил вам Джонсон?

— Не помню.

— Какова была цель вашего разговора с Джонсоном?

— Никакой. Он просто зашел ко мне в кабинет, как это обычно бывало. Я ему доверяю больше, чем многим другим сотрудникам министерства. Насколько помнится, ни с кем другим в министерстве о делах фирмы «Маллиган» я не говорил.

— Так, значит, вы не помните о своем разговоре по телефону с Эвингом?

— Нет.

— Вы сказали ему тогда, что, по вашему мнению, позиция, которую заняла «Рэдио корпорейшн оф Америка», неправильна. Не так ли?

— Не помню.

— Разве вы не называли Эвингу фирмы, с которыми сотрудничает фирма «Маллиган», и в том числе фирмы, выполняющие военные заказы?

— Нет.

— Разве Эвинг не ответил вам, что он беседовал с вашим юристом, которому вы поручили вести переговоры, и что вы в свою очередь сказали тогда: «Вести дело поручено Джонсону»?

— Нет.

— Значит, все, о чем я говорил, неверно? — спросил Кеннеди, располагавший достоверной информацией, на основе которой он и задавал Тэлботту вопросы.

— Насколько я помню, таких заявлений я не делал, — настаивал Тэлботт.

Кеннеди отметил, что телефонные разговоры, о которых он спрашивал Тэлботта, очень важны и Тэлботт должен был бы помнить о них. И тем не менее министр ВВС продолжал утверждать, что ничего подобного не помнит.

Тэлботт оказался в трудном положении и сознавал это. На следующее утро, пытаясь поправить дело, он написал записку Макклелану.

«Сегодня утром я разговаривал с Джоном Джонсоном. Он напомнил мне о моем разговоре с Эвингом. Заявление Кеннеди о том, что я разговаривал с Эвингом, правильно. Мне изменила память».

Три дня спустя, 25 июля 1955 года, показания давал Сэм Эвинг. Он заявил, что вопрос о законности и правомерности вступления в деловые отношения с фирмой «Маллиган» был поднят руководством «Рэдио корпорейшн оф Америка» из-за личной заинтересованности Тэлботта в этой фирме.

Как пояснил Эвинг, это произошло, когда Тэлботт позвонил председателю правления «Рэдио корпорейшн оф Америка» Дэвиду Сарнофу в ноябре 1953 года и сказал, что его партнер, Маллиган, испытывает затруднения в установлении деловых контактов с корпорацией. Как министр ВВС, Тэлботт просил Сарнофа помочь устранить недоразумение.

Поскольку юридический отдел «Рэдио корпорейшн оф Америка» усомнился в законности установления деловых связей с фирмой «Маллиган», Эвинг, по его сло-

вам, информировал Маллигана, что сделка может состояться только при условии получения фирмой письменного разрешения генерального прокурора США.

Как показал Эвинг, позднее ему позвонил Маллиган и сказал следующее: Тэлботт очень недоволен тем, что фактически поставлен вопрос об использовании им служебного положения в личных целях.

«В тот же день, только несколько позже, мне позвонил из Вашингтона человек, назвавшийся генеральным юрисконсультom министерства ВВС Джоном Джонсоном, — заявил Эвинг. — Он сказал, что, насколько ему известно, «Рэдио корпорейшн оф Америка» считает неправомерным заключать контракт с фирмой «Маллиган» и что он готов написать нужный документ, хотя не видит в этом необходимости».

— Что вы ответили Джонсону? — спросил Кеннеди.

— Наш разговор принял характер спора двух юристов. Мне показалось, что Джонсон не разделяет наших сомнений и вообще не разобрался в деле.

— Что произошло дальше?

— Затем трубку взял Тэлботт. Он говорил очень быстро и перечислил названия нескольких фирм, которые выполняли заказы ВВС и в то же время имели контракты с фирмой «Маллиган».

— Он говорил о фирмах, которые выполняли заказы министерства обороны или только ВВС?

— Насколько я помню, речь шла о ВВС, но, возможно, я ошибаюсь.

— Не помните ли вы тех слов, которые сказал тогда Тэлботт?

— Нет, не помню.

— Напомню вам, что вы говорили во время нашей первой беседы. По вашим словам, Тэлботт спросил тогда: «Почему корпорация ведет себя так высокомерно?»

— Совершенно верно. Он сказал, что если многие фирмы заключают контракты с фирмой «Маллиган», то ему неясно, почему «Рэдио корпорейшн оф Америка» заняла такую высокомерную позицию.

Согласно показаниям Эвинга, Тэлботт говорил раздраженным тоном, проявлял настойчивость и хотел, чтобы ему повиновались. Доложив о разговоре с Тэлботтом своему руководству, он, Эвинг, получил указание не вступать больше в переговоры с Джонсоном и

другими лицами из Вашингтона о контракте с фирмой «Маллиган». Эвинг позвонил Джонсону и сказал, что в дальнейшем по данному делу ему следует обращаться в нью-йоркское отделение «Рэдио корпорейшн оф Америка».

Джонсон в своих показаниях подтвердил все, что сказал Эвинг относительно их телефонного разговора и разговора между Эвингом и Тэлботтом, а также относительно переадресования дела в Нью-Йорк. Как заявил Джонсон, некоторое время спустя после телефонного разговора с Эвингом он получил от вашингтонского отделения корпорации уведомление о необходимости иметь разрешение генерального прокурора на контракт между «Рэдио корпорейшн оф Америка» и фирмой «Маллиган». По словам Джонсона, 6 января Тэлботт беседовал с генеральным прокурором Браунеллом и просил его подписать подготовленный текст разрешительного письма. Генеральный прокурор на первых порах никаких возражений не высказал и обещал рассмотреть вопрос, однако через несколько дней Тэлботт сообщил ему, что вопрос снимается, поскольку контракт между «Рэдио корпорейшн оф Америка» и фирмой «Маллиган» заключен не будет.

Начальник юридического отдела министерства ВВС отказался высказать свое мнение о правомерности действий Тэлботта. Он сказал, что выполнял служебные обязанности, когда давал Тэлботту консультации относительно его ходатайств за фирму «Маллиган».

26 июля 1955 года с показаниями на заседании подкомиссии Макклелана выступил Тэлботт. Он признал неправильными ранее данные им показания и подтвердил все сказанное Эвингом и Джонсоном. Генеральный прокурор, вспомнил Тэлботт, однажды сказал ему, что не смог бы разрешить заключение контракта между «Рэдио корпорейшн оф Америка» и фирмой «Маллиган».

«Оглядываясь назад, я вижу, что совершил ошибку, вмешавшись в дела фирмы «Маллиган», — заявил Тэлботт. — Несколько минут, потраченные мною на дела фирмы «Маллиган», были лишь крупицей того времени, которое я затрачивал на служебные дела. Я искренне сомневаюсь, что уделил фирме «Маллиган» и вообще

личным делам более двух дней из двух с половиной лет, проведенных в Вашингтоне. Моя заинтересованность в фирме «Маллиган» ни в коей мере не влияла на выполнение обязанностей министра ВВС, и я надеюсь, вы все согласитесь с этим. Я сам просил провести публичное разбирательство и честно ответил на все вопросы. Если иногда мне изменяла память, то в дальнейшем я всегда исправлял свои показания».

Пытаясь сохранить за собой пост министра ВВС, Тэлботт написал Маллигану письмо, в котором извещал его, что отказывается от дальнейшего участия в делах фирмы и с 31 июля 1955 года не считает себя партнером Маллигана. Однако этот шаг Тэлботта был запоздалой реакцией: он уже успел совершить не один неправомерный поступок.

27 июля 1955 года президент Эйзенхауэр заявил, что лично познакомится с протоколом заседаний подкомиссии. Вскоре министру Тэлботту было предложено подать в отставку, и 1 августа 1955 года Тэлботт вручил президенту свою просьбу об отставке. Президент Эйзенхауэр принял ее в тот же день и сказал, что это правильное решение, однако одновременно высоко оценил деятельность Тэлботта как министра.

В официальном докладе подкомиссии Макклелана был сделан следующий вывод: Тэлботт «допустил ошибку и действовал нечестно, находясь на посту министра ВВС». Комиссия одобрила отставку Тэлботта и отметила, что эта мера вполне оправдана при сложившихся обстоятельствах.

Сенатор Карл Мундт отозвался положительно об уходе Тэлботта в отставку, а некоторые представители демократической партии выступили с критикой в адрес Эйзенхауэра.

Председатель национального совета демократической партии Батлер заявил, что «дружеское принятие отставки Эйзенхауэром является пародией на его (президента) обещания честно вести дело управления страной».

В тот день, когда Тэлботт покидал свой пост, он был награжден медалью «За выдающуюся общественную деятельность» и высшей наградой министерства обороны для гражданских служащих — «Медалью свободы».

Расследование дела Тэлботта явилось первым государственным поручением Роберта Кеннеди, в то время никому не известного советника подкомиссии Макклелана. Расследование это показало, как низко пал высший руководитель военно-воздушных сил. Этот урок следовало запомнить всем руководителям министерства обороны, но они этого не сделали.

10. АДМИНИСТРАТИВНО-ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАКЕТОСТРОЕНИЯ

Разработка программ строительства ракет и космических аппаратов поставила Пентагон перед лицом новых проблем. В некоторых случаях Пентагон старался удерживать эти программы, предусматривавшие расходование многомиллиардных сумм, под довольно жестким контролем военных и гражданских технических специалистов и штатных финансовых ревизоров министерства обороны. На всех этих людей распространялось действие законов, грозящих суровым наказанием за использование служебного положения в корыстных целях.

Программы ракетостроения и создания космических аппаратов приобрели слишком большие масштабы и стали слишком сложными, чтобы министерство обороны могло осуществлять опытно-конструкторские и другие работы собственными силами и средствами. Для министерства обороны стало нецелесообразным пытаться решить задачу самостоятельно в условиях, когда крупные частные фирмы располагали значительными техническими возможностями и необходимыми специалистами. Крупные концерны, не испытывая бюджетных ограничений (а с ними приходилось считаться министерству обороны при найме гражданских специалистов и использовании военных специалистов), должны были по логике вещей стать тем рычагом, с помощью которого министерство обороны могло бы решать вставшую перед ним проблему. Помимо всего прочего, частные фирмы не были скованы той строгой системой подчиненности ин-

станций и бюрократической системой, которая часто губительно сказывалась на развитии новых полезных идей в Пентагоне.

Так было найдено приемлемое решение, при котором к выполнению задачи привлекались частные промышленные предприятия или университетские научно-исследовательские группы. Это позволило в ряде случаев добиться блестящих результатов. Однако при подобной практике встала новая и еще более сложная проблема — как избежать использования должностными лицами министерства обороны своего служебного положения в личных целях, что могло поставить под угрозу всю работу.

Конечно, привлечение частных фирм, организаций и предприятий для выполнения программ ракетостроения и создания космических аппаратов в значительной степени облегчило работу министерства обороны, министерств армии, ВМС и ВВС, но в то же время ослабило у их сотрудников чувство ответственности за порученное дело. Кроме того, участились случаи, когда фирмам, получившим контракты, открывался доступ к информации не только по конкретным решаемым ими вопросам, но и по ряду смежных областей. Даже тогда, когда не было прямого нарушения законов, предупреждавших использование должностными лицами военных ведомств служебного положения в личных целях, очень часто имела место утечка информации из военных ведомств. Все это отрицательно влияло на взаимоотношения Пентагона с частными организациями и вело к дезориентации общественного мнения о состоянии дел в Пентагоне.

Как только министерство обороны начало выдачу многомиллионных контрактов, которые перелагали на частные фирмы ответственность за осуществление программ ракетостроения и создания космических аппаратов, сразу стало очевидным, что мягкие условия контрактов несут с собой серьезные опасности. Министерство обороны выплачивало миллионы долларов частным промышленным фирмам, не получая строгого отчета о том, как расходуются средства на создание новой техники, описать которую в контракте не представлялось возможным из-за новизны вопроса. Установившийся порядок грозил такими же опасностями, с какими воен-

ное министерство столкнулось во время гражданской войны, когда вручило капитану Фремонту чек на оплату военных расходов в Западном округе и в итоге получило некондиционные предметы снабжения, плохо оборудованные форты, в то время как затраты составили крупную сумму.

Конгресс сознавал потенциальную возможность коррупции в министерстве обороны в связи с выдачей частным фирмам контрактов на миллионные суммы и фактической безотчетностью фирм в расходовании средств на разработку современных видов оружия и космических систем.

«Мы можем предположить, что честность и ответственное отношение к делу со стороны сотрудников фирмы, выполняющей правительственный контракт, столь же важны для правительства с точки зрения решения задачи и рационального расходования средств, как и честность государственных служащих, — указывалось в решении комиссии палаты представителей по деятельности правительства 22 января 1963 года. — Однако на служащих частных фирм не распространяются те предупреждающие использование служебного положения в личных целях законы, которыми регулируются действия государственных служащих».

Характер взаимоотношений между фирмами и правительственными учреждениями поставил вопрос о том, в какой мере и как фирмы должны соблюдать законы, предупреждающие использование государственными служащими служебного положения в личных целях. Даже после всестороннего изучения этого вопроса оказалось невозможным найти какой-то один рецепт, но было очевидно, что требования о неиспользовании служебного положения в личных целях должны распространяться и на служащих фирм, выполняющих правительственные заказы, в тех случаях, когда между фирмой и правительственными учреждениями существуют постоянные деловые отношения.

Конгресс сознавал, что крупные фирмы, строящие свою деятельность в расчете на получение прибыли, имеют обязательства перед держателями акций и ведут конкурентную борьбу за получение военных контрактов на наибольшую сумму и достижение максимальной прибыли. Это не способствует развитию высокой объектив-

ности во взаимоотношениях фирм с правительственными учреждениями и между собой.

«Жизнь заставляет фирмы, выполняющие военные заказы, подозрительно относиться к тем конкурентам, которые неоправданно получают преимущества путем установления личных связей в правительственных учреждениях, что влияет на размещение контрактов, — отмечалось в заявлении комиссии палаты представителей по деятельности правительства. — Неоправданное получение преимуществ отдельными конкурирующими фирмами не только обостряет отношения в деловых кругах, но и наносит ущерб государственным интересам. Следствием часто является разглашение планов и программ правительства, а также производственных секретов других фирм, сотрудничающих с правительственными учреждениями. Но самая главная опасность состоит в следующем: пользующаяся привилегиями фирма получает возможность представить дело так, что только имеющееся в ее распоряжении оборудование может обеспечить разработку того или иного вида техники.

В своей попытке устранить все перечисленные выше трудности министерство обороны располагало тремя вариантами действий. Во-первых, оно могло шире использовать свои собственные возможности или добиваться их увеличения, чтобы выполнять необходимые технические задачи. Этот путь осложнялся лимитированием фондов на зарплату и штатными ограничениями в рамках военных ведомств. Кроме того, возникала вероятность создания средств, которые давно уже существуют в частной промышленности.

Во-вторых, министерство обороны попыталось не допустить, чтобы частные промышленные фирмы получали научно-исследовательские контракты. Выдача контрактов на производство тех или иных видов техники не разрешалась, если фирма выполняла функции технического консультанта или привлекалась для технического контроля над выполнением заказов другими фирмами.

В-третьих, министерство обороны поощряло создание бесприбыльных корпораций, которые обладали присущей частным фирмам гибкостью, но не стремились к прибылям.

Эти меры не являлись мерами борьбы с прибылями, но служили обеспечению государственных интересов и

интересов частных фирм в условиях, когда правительственные учреждения прибегали к услугам частных предпринимателей при анализе военных проблем, организации производства и разработке новых видов техники».

Первым и признанным примером бесприбыльной организации, занимающейся анализом военных проблем, явилась корпорация РЭНД. Эта корпорация была создана первоначально в качестве вспомогательного органа фирмы «Дуглас эркрафт корпорейшн» в 1945 году. В 1948 году она отделилась от фирмы «Дуглас», поскольку стало очевидно, что, в прежнем положении, она никогда не завоюет себе должной репутации (имелась в виду полная объективность при анализе военных проблем). Всегда возникало подозрение, что выводы корпорации РЭНД были пристрастными и делались в интересах фирмы «Дуглас».

Утверждение корпорации РЭНД в качестве бесприбыльной независимой организации открыло путь к появлению корпорации АНСЕР — бесприбыльной организации, имеющей постоянный контракт с министерством ВВС на проведение работы по анализу систем оружия ВВС и способам его применения. Кроме того, были созданы институт военных исследований — бесприбыльная корпорация по анализу систем оружия и другой техники для комитета начальников штабов, а также агентство по научно-исследовательским проектам, выполнявшее аналогичную аналитическую работу.

Вскоре после создания агентства по научно-исследовательским проектам оно стало объектом острой критики, так как оказалось в зависимости от промышленности и «черпало кадры научных и технических специалистов из числа служащих промышленных компаний». Рой Джонсон, ставший первым директором агентства, пришел на эту должность с поста вице-президента фирмы «Дженерал электрик». Как отметила комиссия палаты представителей по деятельности правительства, Джонсон поощрял предоставление промышленными фирмами услуг агентству в виде выполнения бесприбыльных научно-исследовательских контрактов. Комиссия палаты представителей порекомендовала не назначать директором агентства ученого-исследователя, который намеревался сохранить свои связи с промышленной фирмой и

даже получать оклад 40 тысяч долларов в год. Если бы этот человек был назначен директором агентства, то оно оказалось бы в зависимости от промышленности и тем самым был бы нарушен основной принцип, ради которого создавались бесприбыльные организации.

В 1954 году ВВС заключили контракт с фирмой «Рамо-Вулдридж корпорейшн» на разработку программ производства баллистических ракет и техническое руководство ими. Благодаря получению правительственных контрактов и займов от компании «Томпсон продактс», фирма быстро выросла и дела ее шли успешно. Заключая с «Рамо» контракт, ВВС внесли в его условия оговорку, запрещающую фирме получать контракты на производство разрабатываемой ею техники. В контракте, в частности, говорилось:

«Фирма соглашается, что ввиду своего особого положения в руководстве предусмотренной выше программой «Рамо-Вулдридж» не будет заниматься разработкой и производством каких-либо компонентов создаваемой ракеты без специального разрешения помощника министра ВВС по материально-техническому обеспечению или уполномоченного им представителя ВВС».

После слияния фирмы «Рамо» с компанией «Томпсон продактс» в 1958 году это ограничение было распространено и на вновь созданную корпорацию «Томпсон, Рамо-Вулдридж», а также на существовавшую при ней лабораторию по космической технике (ЛКТ). С созданием лаборатории ЛКТ, которая вела разработку систем и осуществляла техническое руководство их производством, положения контракта с ВВС были несколько изменены. Корпорация «Томпсон, Рамо-Вулдридж» получила право участвовать в конкурсе на контракты ВВС, не вытекающие из результатов работы лаборатории.

Хотя корпорация «Томпсон, Рамо-Вулдридж» по-прежнему сохраняла финансовую заинтересованность в делах лаборатории ЛКТ, всемерно подчеркивалась независимость лаборатории в выполнении заказов ВВС. Корпорация «Томпсон, Рамо-Вулдридж» вложила 20 миллионов долларов в лабораторию ЛКТ и одновременно отметила, что очень важно, чтобы корпорация и лаборатория вели свои операции раздельно.

31 января 1959 года руководители корпорации «Томпсон, Рамо-Вулдридж» обратились к совету директоров лаборатории ЛКТ со следующим письмом:

«Кроме упомянутых выше финансовых сведений никакой информации не должно предоставляться сотрудникам или руководителям нашей корпорации относительно осуществляемых или планируемых ВВС проектов, проходящих через ЛКТ, без специального разрешения командования ВВС. Подобным же образом следует поступать, если ЛКТ когда-либо будет оказывать ВВС помощь в оценке проекта, в конкурсе на получение которого участвует корпорация. Услуги корпорации ЛКТ должна оказывать на равных правах с другими фирмами. Мы считаем важным, чтобы совет директоров ЛКТ выработал и проводил в жизнь процедуру, в результате которой наша корпорация не могла бы пользоваться никакими привилегиями в конкурсе на получение контракта ВВС как следствие наших капиталовложений в ЛКТ».

Упомянутое распоряжение свидетельствует о стремлении руководителей корпорации «Томпсон, Рамо-Вулдридж» обеспечить полную автономию лаборатории ЛКТ. Но даже эта мера не устранила подозрений других фирм, и они отказывались предоставлять лаборатории информацию, которая помогла бы ей лучше решать свои задачи.

В докладе подкомиссии по военным вопросам комиссии палаты представителей по деятельности правительства рекомендовалось функции технического руководства поручать бесприбыльным корпорациям, и с этой рекомендацией согласилась специально созданная министерством ВВС исследовательская группа.

Исследовательская группа и подкомиссия палаты представителей пришли к заключению, что в отношениях между конкурирующими фирмами всегда будет существовать атмосфера подозрительности, если контроль над техническим руководством программой ВВС будет доверен организации, работающей на прибыль. Предлагалось, в частности, сделать лабораторию ЛКТ «бесприбыльной организацией, выполняющей исключительно заказы правительства». Руководители лаборатории отвергли это предложение, и министерству ВВС пришлось

создать новую неприбыльную организацию «Аэроспейс корпорейшн».

В феврале 1960 года под председательством начальника командования систем ВВС генерала Шривера состоялось заседание учредительного комитета новой неприбыльной корпорации, которая должна была заменить лабораторию ЛКТ. Министр ВВС Дадли Шарп утвердил устав корпорации и состав попечительского совета. Росуэлл Гилпатрик был назначен председателем попечительского совета. Ранее, с 1951 по 1953 год, Гилпатрик являлся министром ВВС, а затем стал заместителем министра обороны.

Корпорация «Аэроспейс» была юридически оформлена по законам штата Калифорния 3 июня 1960 года. Гилпатрик явился одним из тех, по чьей инициативе президентом корпорации стал Айван Геттинг, вице-президент фирмы «Рейтеон». Именно Гилпатрик 30 июня 1960 года предложил установить Геттингу годовой оклад в размере 75 тысяч долларов.

В протоколе заседания попечительского совета говорилось, что, предлагая установить Геттингу оклад в 75 тысяч долларов, Гилпатрик отметил, что «корпорация не может подписать с ним (Геттингом) соглашение о найме, не может обеспечить ему выплату прогрессивных или преимущественные права на покупку и продажу акций». В протоколе отмечалось, что «Геттинг будет считаться во временном отпуске с поста вице-президента фирмы «Рейтеон», что позволит сохранить за ним в дальнейшем право на получение пенсии за службу фирме». При этом не упоминалось, что в фирме «Рейтеон» Геттинг получал только 45 тысяч долларов в год.

Бесприбыльная корпорация «Аэроспейс» начала свою деятельность с получения 5 миллионов долларов в счет субсидий, причитающихся ей по контракту с ВВС, подписанному 22 июня 1960 года. На корпорацию возлагалась обязанность под общим контролем ВВС «вести анализ систем, опытно-конструкторскую и экспериментальную работу, осуществлять начальную разработку систем и техническое руководство их производством и выполнять функции по общему техническому руководству программами ВВС в области ракетостроения и создания космических аппаратов».

Чтобы избежать срыва программы создания ракет

«Атлас», «Титан» и «Минитмен», ВВС сохранили за лабораторией ЛКТ разработку этих систем и техническое руководство их производством. Однако при этом имелось в виду, что ЛКТ других контрактов уже не получит и постепенно будет освобождена от выполнения заказов ВВС.

Через шесть месяцев после создания корпорации «Аэроспейс» 250 специалистов из ЛКТ были переведены в новую корпорацию. Помимо них сюда же перешло свыше тысячи служащих административно-хозяйственных органов ЛКТ.

Учтя опыт прошлого, министерство ВВС подготовило меморандум о взаимоотношениях с субсидируемыми неприбыльными организациями, в котором помимо корпорации «Аэроспейс» были упомянуты и другие аналогичные корпорации.

«Эти субсидируемые ВВС неприбыльные корпорации имеют постоянные связи с ВВС, что ставит их в особое положение по отношению к другим прибыльным и неприбыльным организациям, — указывалось в меморандуме. — С учетом этой особенности и должны строиться наши взаимоотношения».

Меморандум показал, что в ВВС понимали все те проблемы, которые необходимо было решить, чтобы добиться использования лучших научных и технических кадров для выполнения сложных программ ракетостроения и создания космических аппаратов.

«Через эти неприбыльные корпорации мы привлекли лучшие кадры научных и технических специалистов для решения особых по важности и сложности задач, — говорилось также в меморандуме. — Неприбыльные корпорации не должны выполнять тех работ, которые могут быть осуществлены промышленностью. Какое-либо отвлечение научных и технических экспертов этих корпораций на выполнение второстепенных задач лишь помешало бы им решать важнейшие проблемы для ВВС. Необходимо установить такой порядок, при котором неприбыльные корпорации выполняли бы поручения других правительственных или частных организаций только с ведома ВВС.

Отсюда следует, что финансово-административная деятельность этих корпораций должна быть подконтрольна ВВС. Нетерпимым явлением должно считаться

участие корпораций в выполнении каких-либо мелких частных работ».

В меморандуме были предусмотрены меры предупреждения использования сотрудниками бесприбыльных корпораций служебного положения в личных целях:

«Следует особо подчеркнуть необходимость безукоризненного поведения сотрудников корпораций. Не должно быть никакой связи между общественными интересами, ради которых созданы корпорации, и частными интересами членов попечительского совета, руководящих работников, технических специалистов и других служащих корпораций. Каждая корпорация должна иметь на этот счет конкретные правила. Корпорациям рекомендуется использовать опыт, приобретенный в этом отношении некоторыми частными фирмами, при которых созданы попечительские советы. Правила, например, могут запрещать разглашение членом попечительского совета частной информации, полученной им в служебных целях, предусматривать отстранение виновных в нарушении правил от выполнения определенных обязанностей и ограничение пользования информацией».

В меморандуме содержалось предупреждение, что в силу своего особого положения бесприбыльные корпорации «могут получать обширную техническую информацию о деятельности других организаций, учреждений и предприятий, выполняющих заказы ВВС».

Отмечалось также, что «субсидии, получаемые этими бесприбыльными корпорациями, должны соответствовать их особому статусу. Хотя размеры субсидий в каждом конкретном случае могут изменяться, совершенно очевидно, что для корпорации неприемлема обычная для частных компаний практика», поскольку корпорации освобождены от подоходного налога.

По рекомендации министерства ВВС бесприбыльные корпорации размещались в зданиях, принадлежащих государству. Министерство считало недопустимым затрату средств на приобретение дополнительных помещений или аренду по высоким ставкам.

Еще при создании корпорации «Аэроспейс» было ясно, что одной из трудных проблем явится установление определенного максимума в размере окладов для сотрудников корпораций.

«Поскольку на корпорации возлагаются трудные и

разнообразные задачи, необходимо привлечь для работы специалистов высшего класса, — указывалось в меморандуме ВВС. — И все же необходимо придерживаться разумных рамок в установлении условий найма. Корпорациям не следует пытаться конкурировать в окладах с частными фирмами. Вместе с тем ВВС должны следить за тем, чтобы оклады сотрудников корпораций не занижались. Это может быть достигнуто постоянным контролем над шкалой окладов и гибкостью установленной шкалы».

Корпорацию «Аэроспейс» обязали использовать получаемые субсидии в соответствии с указаниями ВВС, избегать установления чрезмерно высоких окладов и отвлечения сил корпорации на разного рода необычные работы частного порядка.

Министерство ВВС взяло на себя обязанность тщательно контролировать финансовую деятельность корпорации «Аэроспейс».

Однако Геттинг, освоившись на посту президента корпорации, внес совсем иные идеи в отношении размеров окладов и других вознаграждений для руководящего состава корпорации, а также в отношении методов деятельности корпорации вообще. Геттинг был против тех ограничений, которые регулировали размеры субсидий, получаемых корпорацией от ВВС. Он чинил препятствия ревизорам из ВВС и центрального финансового управления в проверке отчетных документов и повсюду твердил, что правительство должно быть «щедрым», чтобы способствовать созданию авторитета корпорации как «независимого и объективного» органа.

Геттинг ввел «поощрительные премии» для руководящего состава «Аэроспейс», составлявшие 20 процентов годового оклада. Благодаря этому доход самого Геттинга вырос до 90 тысяч долларов в год, т. е. стал выше дохода руководителя любой другой субсидируемой правительством неприбыльной организации. Кроме того, Геттинг получил страховых полисов на сумму 350 тысяч долларов, что обходилось корпорации «Аэроспейс» по 1800 долларов в год. В пенсионный фонд Геттинга отчислялось еще по 9 тысяч долларов в год.

Трудно сказать, решило ли создание корпорации «Аэроспейс» проблемы, с которыми столкнулись ВВС, но, очевидно, появление этой корпорации решило финан-

совые проблемы Геттинга. Он вел такой же образ жизни, как Фремонт в Сент-Луисе в годы гражданской войны, и демонстрировал не меньшую самостоятельность в расходовании государственных средств. Как и деятельность Фремонта, «работа» Геттинга стала предметом расследования подкомиссии конгресса.

У подкомиссии вызвали недоумение огромные расходы «Аэроспейс» на общественную информацию, и она пришла к выводу, что такие расходы недопустимы со стороны организации, созданной для выполнения правительственных заказов. За четыре года «Аэроспейс» израсходовала более миллиона долларов на зарплату персонала отдела общественной информации и, кроме того, выплачивала по 2 тысячи долларов ежемесячно одной из фирм общественной информации в Нью-Йорке.

«Такая деятельность в области общественной информации противоречит положениям устава корпорации, запрещающим ей вести пропаганду или каким-либо иным способом влиять на работу законодательных органов», — отметила подкомиссия, которую возглавлял член палаты представителей Портер Харди.

Критику подкомиссии вызвал также огромный рекламный фонд корпорации — 200 тысяч долларов в год. Эти средства использовались для найма специалистов. «Таким образом, на высокооплачиваемые должности нанимались люди, уже работавшие над военными проблемами в других организациях, субсидируемых правительством, — указывала подкомиссия Харди. — Фактически люди переходили из одного учреждения, оплачиваемого правительством, в другое, но все это делалось за счет увеличения расхода государственных средств».

Беспечность, с которой расходовались средства в корпорации, характеризовала также и отношение руководителей «Аэроспейс» к сохранению государственной тайны. «Аэроспейс» не только исключительно беспечно относилась к набору кадров, но и не заботилась о сохранении государственной тайны», — отметила подкомиссия.

Многие выполняемые корпорацией «Аэроспейс» заказы носили секретный характер, но, как выяснила подкомиссия Харди, руководители корпорации либо игнорировали тот факт, что один из научных работников, получавший оклад 15 тысяч долларов в год, триж-

ды арестовывался за аморальное поведение, либо не знали об этом.

Об аресте стало известно лишь тогда, когда этого человека задержали во время служебной командировки. Подкомиссия Харди критически отметила:

«Получив от полиции сообщение об аресте своего сотрудника, руководители «Аэроспейс» не передали дело для разбирательства в отдел безопасности, а просто послали одного из юристов, чтобы взять документы, отобранные у задержанного при аресте. Министерству ВВС тогда было заявлено, что никаких секретных документов арестованный при себе не имел».

Как отметила подкомиссия Харди, маловероятно, чтобы руководители «Аэроспейс» и министерства ВВС ничего не знали о моральном облике этого сотрудника, который за четыре года работы в корпорации был уличен еще в пяти различных преступлениях аморального характера и был условно приговорен к тюремному заключению.

Когда упомянутые факты получили огласку, Геттинг распорядился отстранить этого сотрудника от работы (с сохранением содержания) до выяснения обстоятельств. Позже сотруднику предоставили оплаченный отпуск по болезни для лечения у психиатра. Через 3 месяца врач сообщил, что больной здоров и может быть допущен к работе. Ни органы безопасности «Аэроспейс», ни министерство ВВС не возражали против его восстановления на службе в корпорации.

Только в апреле 1965 года, за несколько дней до начала слушания дела в подкомиссии, Геттинг, предчувствуя, что все равно факты станут достоянием гласности, доложил министру ВВС о поведении этого сотрудника.

Дело поручили отделу специальных расследований министерства ВВС, и в результате выяснилось, что подследственный уже дважды был арестован и скрыл это от руководства «Аэроспейс».

Только когда началось слушание дела на заседании подкомиссии Харди, руководители «Аэроспейс» приняли меры к тому, чтобы лишить провинившегося сотрудника доступа к секретным материалам. Следственные органы ВВС пришли к выводу, что никакого разглашения секретных сведений не было, но подкомиссия Харди усомнилась в тщательности расследования. «При столь

ограниченном времени на расследование вряд ли можно было что-нибудь обнаружить».

Подкомиссия Харди не пыталась оценить техническую компетентность сотрудников корпорации или успеха «Аэроспейс» в выполнении заданий ВВС. В докладе подкомиссии указывалось, что «как представляется, руководители «Аэроспейс» хотели получать такие же выгоды и привилегии, как и частные предприниматели, но без риска, безгранично пользуясь безопасностью правительственной организации».

«ВВС также должны нести ответственность за отсутствие надлежащего контроля, — указывала подкомиссия. — До самого начала работы подкомиссии ВВС не сделали ничего, чтобы «Аэроспейс» действовала в рамках установленных законом норм и правил».

Позицию «Аэроспейс» во время слушания дела в подкомиссии защищал генерал Шривер. Он заявил: «Деятельность корпорации принесла гораздо больше, чем можно было бы ожидать при данной сумме затрат». Подкомиссия сочла это заявление не относящимся к существу рассматриваемого вопроса.

«Речь идет о моральной ответственности за организацию контроля над расходом государственных средств, какую бы сумму они ни составляли и какие успехи при этом ни были достигнуты. Никакие технические достижения не могут служить оправданием разбазаривания средств. Если считается неправильным расходовать деньги на ненужное оборудование, то никакие достижения в технике этого не изменят».

Подкомиссия Харди отметила, что признает важность обеспечения надлежащих условий работы, в том числе достаточно высокие размеры окладов для привлечения в корпорацию «Аэроспейс» лучших специалистов. Подкомиссия признала также важность объективности мнений по вопросам, которые призвана решать корпорация «Аэроспейс».

Харди и другие члены подкомиссии не могли поверить, что объективность мнений «Аэроспейс» в какой-то мере зависит от того, кому принадлежит занимаемое корпорацией здание, или от того, в каком размере будут выплачиваться оклады ее сотрудникам.

«Военно-морские силы ведут ядерные исследования и разработки своими средствами, и очень успешно, о чем

свидетельствует создание подводных лодок с ядерными энергетическими установками и ракет «Поларис», — указывалось в докладе подкомиссии. — Необходимо пересмотреть постановку дела в ВВС с тем, чтобы определить возможность уменьшения объема работ, выполняемых по контракту».

Подкомиссия сочла необоснованным предположение руководителей «Аэроспейс», что затраты на содержание корпорации в итоге будут меньше, чем выплаты частным фирмам по контрактам.

Подкомиссия Харди обратила внимание на необходимость постоянного изучения роли неприбыльных организаций в выполнении заданий правительственных учреждений. Рост числа неприбыльных организаций за последние годы вызвал у подкомиссии определенную озабоченность, и поэтому в своем докладе она отметила:

«Создание неприбыльной корпорации не освобождает министерство обороны, другие правительственные учреждения и конгресс от моральной ответственности за обеспечение контроля над расходованием государственных средств этой корпорацией».

Особое предостережение касалось вопросов оплаты сотрудников неприбыльных корпораций.

Одной из причин создания неприбыльных организаций, с точки зрения подкомиссии, явилось стремление обойти те ограничения по зарплате государственных служащих, которые были изложены президентом Джонсоном в речи 12 мая 1965 года, когда он коснулся вопроса о неоправданном росте окладов в правительственных учреждениях.

«По-видимому, мы имеем дело с заколдованным кругом, — указала подкомиссия. — Государственные средства используются для создания неприбыльных корпораций, где сотрудникам можно было бы выплачивать более высокие оклады, чем государственным служащим. Следующим шагом является повышение окладов государственным служащим, чтобы уравнивать их в окладах с сотрудниками неприбыльных корпораций».

Комиссия палаты представителей по вооруженным силам пришла к единодушному мнению, что оклады сотрудников корпорации «Аэроспейс» завышены, и указала на необходимость постоянного контроля за деятельностью неприбыльных организаций.

11. МАКНАМАРА

В последние годы пребывания на посту президента Дуайт Эйзенхауэр подвергался резкой критике. Он едко заметил, что в его неприятностях сыграли свою роль «политические и финансовые соображения», и добавил, что во многих попытках со стороны военных оспаривать его решения было «кое-что помимо чисто военной необходимости». Результатом явилось расследование деятельности так называемого «лобби военного снаряжения», проводившееся подкомиссией палаты представителей по вооруженным силам под председательством члена палаты представителей Ф. Эдварда Эбера.

В ходе расследования было установлено, что многие отставные военные, в том числе адмиралы и генералы, занимали в военной промышленности высокооплачиваемые должности; что производители конкурирующих типов ракет для сухопутных войск и военно-воздушных сил тратили крупные суммы на рекламные кампании; что высокопоставленных должностных лиц военно-воздушных сил щедро угощали во время уикэндов на Багамских островах.

Через много месяцев, в январе 1961 года, в своем прощальном обращении президент Эйзенхауэр с раздражением говорил о власти тех сил, которые поддерживали необоснованную, по его мнению, критику в адрес его правительства.

«Мы должны остерегаться, чтобы военно-промышленный комплекс не приобрел — преднамеренно или непреднамеренно — необоснованно большое влияние», —

предупреждал уходящий президент. Это заявление неоднократно повторялось и толковалось сотнями исследователей деятельности Пентагона.

Расследование, проведенное подкомиссией Эбера, и замечание президента Эйзенхауэра заострили внимание на многих дилеммах, возникающих в связи с современной военной организацией. Министерству обороны требовались люди, хорошо знакомые с управлением предприятиями большого бизнеса, а крупным военным подрядчикам нужны были навыки и подготовка высокопоставленных военных и гражданских служащих министерства обороны. Такое переkreщивание создавало проблемы, связанные с возможностью использования служебного положения в личных целях, то есть проблемы, которые были слишком сложны, чтобы конгресс мог решить их только с помощью поправок к законам, принятым в 1960 году.

Было бы несправедливым принимать законы, категорически запрещающие высокопоставленным военным и гражданским лицам из Пентагона занимать какие-либо должности в военной промышленности в течение сколько-нибудь продолжительного периода времени. Разумеется, министерство обороны было бы лишено возможности заполучить в свое распоряжение лучших представителей делового мира, если бы существовал законодательный барьер, препятствующий назначению на высшие должности в Пентагоне лиц, имеющих тесные связи с крупными военными подрядчиками.

Член палаты представителей Эбер пытался провести закон, предусматривающий уголовную ответственность и штраф в 10 тысяч долларов за «продажу информации» промышленности в течение двух лет после оставления государственной должности. Комиссия палаты представителей по вооруженным силам исключила из представленного Эбером законопроекта наиболее эффективные меры всего лишь за несколько месяцев до вступления Джона Ф. Кеннеди на пост президента.

Хотя закон мог толковаться довольно широко, президент Кеннеди весьма критически отнесся к беспечному подходу к «столкновениям интересов» со стороны правительства Эйзенхауэра. Он выступал за новый всеобъемлющий кодекс поведения и призывал также использовать лучшие умы страны для повышения эффектив-

ности Пентагона, для наращивания военно-воздушной мощи и одновременно усиления сухопутных войск для использования в ограниченных войнах.

Человеком, которого он избрал для этого, был Роберт Стрейндж Макнамара, назначенный преемником Генри Форда — второго в качестве президента «Форд мотор компани» 9 ноября 1960 года — на следующий день после избрания Джона Ф. Кеннеди президентом Соединенных Штатов. Всего лишь через пять дней после встречи с Кеннеди, 8 декабря 1960 года, 44-летний Макнамара согласился принять назначение. 21 января 1961 года бывший адъюнкт-профессор Гарвардского университета стал боссом организации, насчитывавшей 2,5 миллиона военнослужащих и 1,5 миллиона гражданских служащих.

Казалось, единственной слабостью Макнамары было отсутствие опыта работы в Вашингтоне, и это ярко проявилось в ходе одной из так называемых обзорных пресс-конференций, когда он откровенно говорил о многих щекотливых политических вопросах, включая вопрос об «отставании в ракетах». Не зная, по-видимому, о чувстве огорчения, которое вызвало обвинение в «отставании в ракетах», брошенное Кеннеди в адрес Эйзенхауэра, Макнамара сделал заявление, которое истолковали как его вывод о том, что никакого «отставания в ракетах» не существовало.

Республиканцы потребовали, чтобы президент Кеннеди немедленно принес извинения за то, что республиканцы именовали теперь безответственными и вымышленными обвинениями, выдвинутыми в ходе избирательной кампании. Говорил ли Макнамара об отсутствии «отставания в ракетах» на самом деле или нет, этот случай поставил правительство Кеннеди в неудобное положение. Макнамара утверждал, что он не говорил об отсутствии «отставания в ракетах», но многие журналисты, присутствовавшие на пресс-конференции, разошлись во мнениях о том, что фактически было сказано.

Президент Кеннеди, ветеран политических сражений в палате представителей и сенате, не принес извинений. Хотя разговоры о том, существовало «отставание в ракетах» или нет, продолжались еще некоторое время, президент Кеннеди и Макнамара использовали каждую

возможность выразить мнение, что, говоря вообще, правительство Эйзенхауэра допустило ослабление вооруженной мощи Соединенных Штатов до опасных пределов.

В январе президент Эйзенхауэр представил проект бюджета министерства обороны на 1962 финансовый год в размере 41,8 миллиарда долларов. В течение двух месяцев президент Кеннеди и Макнамара добавили еще почти 2 миллиарда долларов в связи с заявками увеличить ассигнования на подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис», на расширение исследований в области неядерного оружия для ограниченных войн и на увеличение численности личного состава сухопутных войск. Генерал Максвелл Тэйлор стал специальным военным представителем президента и принял участие в подготовке военного бюджета, который вскоре подскочил до 46,7 миллиарда долларов, что почти на 5 миллиардов больше, чем первоначальная заявка президента Эйзенхауэра на 1962 финансовый год.

В то время как основная деятельность была направлена на раздувание бюджета, имело место и некоторое его сокращение. Макнамара закрыл программу создания самолета с ядерным двигателем и ворвался в весьма чувствительную область, рекомендовав снизить фонды на разработку бомбардировщика В-70 с 358 до 220 миллионов долларов.

Разногласия с начальником штаба военно-воздушных сил генералом Кэртисом Лимеем, начавшиеся из-за этого, были лишь предвестником длительного и острого спора вокруг вопроса о том, должны военно-воздушные силы иметь новый пилотируемый бомбардировщик или нет. В первый год царствования Макнамары в качестве министра обороны палата представителей приняла предложение генерала Лимея и увеличила ассигнования на разработку самолета В-70 с 220 до 525 миллионов долларов. И когда конгрессом утверждались общие расходы на оборону, то на программу создания В-70 было выделено 400 миллионов долларов, кроме того, выделялось еще 515 миллионов долларов на программу создания самолетов В-58 и В-52.

Макнамара нанес ответный удар, заявив, что он будет протестовать против решения конгресса и не станет расходовать дополнительные ассигнования; это была

его первая настоящая стычка со сторонниками военно-воздушных сил в конгрессе и генералом Лимеем.

Если Роберту Макнамаре не хватало опыта в политических делах, то этого нельзя было сказать о человеке, которого президент Кеннеди назначил заместителем министра обороны. Им стал Росуэлл Гилпатрик, учтивый нью-йоркский адвокат, имевший многолетний опыт ведения дел с военно-промышленным комплексом. Подобно Макнамаре он получил университетское образование, но в отличие от него имел опыт в политических и государственных делах.

После окончания Йельского колледжа в 1928 году и Йельской юридической школы в 1931 году Гилпатрик стал партнером знаменитой нью-йоркской адвокатской фирмы «Крават де Герсдорфф, Суэйн и Вуд». Он покинул фирму на короткий срок (с 1951 по 1953 год), когда являлся заместителем министра ВВС. В 1953 году он возобновил адвокатскую практику, представлял многих крупных военных подрядчиков, принимал активное участие в деятельности демократической партии и занимал пост председателя совета попечителей корпорации «Аэроспейс», учрежденной ВВС в годы нахождения у власти правительства Эйзенхауэра для проведения исследований в связи с выполнением крупных ракетных программ.

Вашингтонские связи Гилпатрика сослужили ему хорошую службу. В 1958 году один из его прежних вашингтонских знакомых из правительства Трумэна — Фрэнк Пейс — пригласил его заняться довольно обширной адвокатской работой для корпорации «Дженерал дайнэмикс», которую Пейс в то время возглавлял. Пейс был министром армии в правительстве Трумэна и с высокого правительственного поста перешел на выгодную в денежном отношении работу у крупного военного подрядчика. Работа Гилпатрика в качестве адвоката «Дженерал дайнэмикс» была лишь частью его деятельности, которая позволила ему стать влиятельным старшим партнером в адвокатской конторе.

Когда в январе 1961 года Гилпатрик стал вторым человеком в министерстве обороны, его считали превосходящим партнером для Макнамары. Ловкий и хорошо разбирающийся в делах крупных военных подрядчиков,

он знал людей в конгрессе, с которыми надо было считаться, когда речь шла о делах министерства обороны. Пара из Боба (Макнамара) и Роса (Гилпатрик) являлась, по-видимому, одним из самых эффективных сочетаний, созданных правительством Кеннеди. Если Макнамара резко обходился с каким-нибудь заурядным сенатором или конгрессменом, Рос Гилпатрик с присутствующей ему обходительностью мог уладить дело. Он и его жена устраивали замечательные вечеринки, чтобы приобрести друзей из числа членов комиссии сената и палаты представителей по вооруженным силам и по ассигнованиям. Он также старался поддерживать тесные отношения со своим старым другом сенатором из Миссури Стюартом Саймингтоном, который в свое время был министром ВВС и занимал важный пост как член сенатской комиссии по вооруженным силам.

Другими высшими руководителями Пентагона, назначенными президентом Кеннеди, были министр армии Элвис Дж. Стар, министр ВМС Джон Б. Коннелли, министр ВВС Юджин М. Зуккерт, председатель комитета начальников штабов генерал Лаймен Лемнитцер, начальник штаба ВВС генерал Кэртис Лимей и начальник главного морского штаба адмирал Джордж Андерсон. Вероятно, самым важным назначением было назначение генерала Максуэлла Д. Тэйлора на пост специального военного представителя президента в Белом доме — прелюдия к назначению его председателем комитета начальников штабов. Тэйлору, резко возражавшему против теории массированного возмездия, которая выдвигалась правительством Эйзенхауэра, суждено было сыграть важную роль в изменении военной политики.

Стар, ученый и адвокат, отличившийся в пехоте в годы второй мировой войны, вероятно, больше всего соответствовал принципам подбора кадров, которыми руководствовался Кеннеди. Он дослужился до чина полковника в армии, но в то же время обладал всеми данными способных молодых людей, с которыми Кеннеди любил иметь дело. Стар был назван младшей торговой палатой в числе «десяти самых выдающихся молодых людей Америки 1948 года», он являлся деканом юридической школы и президентом университета Западной Виргинии.

Имя Джона Коннелли тесно связывалось с именем вице-президента Линдона Б. Джонсона, и ни у кого не вызывало сомнений, что адвокат из Форт-Уэрта назначением на пост министра военно-морских сил был обязан своим техасским политическим связям с Джонсоном. Этот привлекательный техасец был с самого начала связан с политической судьбой Джонсона, и на съезде демократов в 1960 году он даже пошел на риск разъярить семью Кеннеди, поддерживая с чересчур большим энтузиазмом кандидатуру Джонсона. Затем он вызвал гнев выдвинутого тогда кандидатом Кеннеди, поставив под сомнение состояние его здоровья. Представление интересов крупного техасского миллионера — нефтепромышленника Сиды Ричардсона принесло Коннелли богатство, но он проявил достаточную гибкость, чтобы приспособиться к порядкам «Плющевой лиги» и «Бостонского ирландского клуба».

С самого начала деятельности Макнамары Пентагон был забит людьми Джонсона. Сайрус Ванс, давнишний протеже Джонсона, работал в качестве советника министра обороны по общим вопросам, позже стал министром армии и наконец был назначен заместителем министра обороны. Солис Горвиц, другой приближенный Джонсона, являлся начальником отдела организации и планирования в канцелярии советника министра обороны по общим вопросам, а позже был выдвинут на должность помощника министра обороны по административным вопросам. Помощником министра военно-морских сил был Кеннет Э. Белье, который за несколько лет до этого руководил кадрами в сенатской подкомиссии по подготовленности, возглавляемой Джонсоном.

Когда Коннелли ушел с поста министра военно-морских сил и стал губернатором Техаса, министром военно-морских сил оказался другой протеже Джонсона — Фред Корт, президент банка в Форт-Уэрте, который был заместителем советника и помощником министра армии в последние два года нахождения у власти правительства Трумэна.

Министр ВВС Зуккерт, выпускник Йельской юридической школы, был адъюнкт-профессором и заместителем декана Гарвардской школы деловой администрации, когда Макнамара преподавал там. Зуккерт использовал

свой талант адвоката и специалиста по деловой администрации на ряде правительственных постов, включая пребывание на посту помощника министра ВВС с 1947 по 1952 год и работу в комиссии по атомной энергии с 1952 по 1954 год.

Председатель комитета начальников штабов генерал Лемнитцер и начальник штаба сухопутных войск генерал Деккер были назначены на эти посты еще правительством Эйзенхауэра. Новыми людьми в комитете начальников штабов были генерал Лимей, сменивший генерала Томаса Уайта на посту начальника штаба ВВС, и адмирал Андерсон, сменивший адмирала Арли Берка на посту начальника главного морского штаба. Ожидалось, что генерал Лимей и адмирал Андерсон будут сотрудничать с Макнамарой, задобренные более высокими бюджетами министерства обороны, которые планировались правительством Кеннеди.

Куба, становившаяся все более трудной проблемой в последние месяцы пребывания правительства Эйзенхауэра у власти, стала первым кризисом военной машины Кеннеди всего через несколько месяцев после вступления молодого президента в должность. Президент Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения с правительством Фиделя Кастро 3 января 1961 года — незадолго до того, как Кеннеди стал президентом. Центральное разведывательное управление уже в течение нескольких месяцев готовило группу настроенных против Кастро беженцев для сомнительного вторжения на Кубу.

Приведшая к катастрофе попытка высадить 1500 человек в заливе Кочинос 17 апреля 1961 года не была прямым испытанием военной готовности Соединенных Штатов, поскольку президент Кеннеди запретил любое непосредственное вмешательство американских вооруженных сил. Скорее, это было проверкой разведывательной деятельности ЦРУ, а также благоразумия Пентагона и Белого дома. Военные планы включали авиационное прикрытие как важную часть вторжения антикастровских сил, однако в последний момент авиационное прикрытие было отменено. Президент Кеннеди принял на себя всю ответственность за неверное решение, которое обрекло на провал вторжение в заливе Кочинос, но, хотя он и сделал это, члены правительства

упрекали ЦРУ в том, что оно не представило президенту надлежащей информации, а военных руководителей в Пентагоне — в том, что они недостаточно четко выражали свои взгляды.

Фиаско в заливе Кочинос послужило также ранним предупреждением правительству Кеннеди о той неразберихе, которая может иметь место в таких крупных бюрократических организациях, как Пентагон или ЦРУ. Правительство вдруг осознало, что мнения и выводы руководителей разведки, высших военных и гражданских советников могут оказаться ошибочными, если эти люди опираются лишь на часть имеющихся фактов, недостаточно трудятся над выработкой сбалансированных решений или же действуют, слепо веря в свою собственную непогрешимость. Представители правительства Кеннеди в публичных выступлениях и в частных беседах пытались свалить вину за всю эту неразбериху на печальное положение дел с военной готовностью и планированием при правительстве Эйзенхауэра. В группу, которой президент Кеннеди поручил провести тщательное расследование деятельности ЦРУ, входили Макнамара, генерал Тэйлор и министр юстиции Роберт Кеннеди.

Министра обороны Макнамару нельзя было сколько-нибудь серьезно критиковать в связи с провалом в заливе Кочинос, потому что он незадолго до этого вступил в должность. Если бы и имела место попытка возложить часть вины на него, то ее нейтрализовало бы решение президента Кеннеди взять на себя всю ответственность за принятые решения. Кроме того, Макнамара был членом республиканской партии и уже начал обретать ореол способного руководителя в правительстве, что, как любили считать республиканцы, символизировало их партию. Макнамара не был знаком с Кеннеди во время выборов 1960 года, но позже утверждал, что голосовал за него, когда голоса разделились. Бизнесменам-республиканцам и другим бизнесменам хотелось думать, что созданный службой общественной информации образ Макнамары как энергичного бизнесмена в правительстве оказался бы соответствующим действительности, если бы здравомыслящим деловым людям дали право одержать верх над либералами и политиками. Еще в первый год пребывания Макнамары на посту

министра обороны республиканцы в частных беседах высказывали мнение, что это тот человек, которого они хотели бы привлечь на свою сторону и выдвинуть кандидатом от республиканской партии на президентских выборах 1964 года.

Однако один момент в деятельности Макнамары в министерстве обороны вызвал некоторое раздражение в конгрессе и в прессе в первые месяцы его пребывания на этом посту. Макнамара, привыкший к порядкам крупных деловых корпораций, пытался рассматривать деятельность министерства обороны как свой собственный бизнес. Он считал, что, если он действует эффективно и экономично, его взгляды должны приниматься и политиканы в конгрессе не должны отнимать у него время, задавая ему множество политически мотивированных вопросов.

Первые беспокоящие аспекты взглядов Макнамары появились на свет в показаниях, опубликованных в мае 1961 года сенатской комиссией по вооруженным силам. Макнамара давал показания в апреле 1961 года на закрытом заседании комиссии, посвященном программе разработки противоракеты «Ника-Зевс», и создалось впечатление, что он предпочитал давать общественности поменьше информации, а также прибегал к явной дезинформации, если это соответствовало его целям.

«Зачем нам говорить России, что разработка противоракеты «Зевс» может оказаться неудовлетворительной? — разъяснял Макнамара свою концепцию. — Нам следует говорить, что мы располагаем самой совершенной системой противоракетной обороны, которую только может придумать человеческий разум. А вместо этого полно публичных заявлений, что «Зевс» может оказаться неудовлетворительным, что у него есть недостатки. Я считаю абсурдным публиковать такую информацию».

Стремление министра обороны скрыть американские военные секреты хотя и было похвальным, вызвало недовольство у опытных людей в конгрессе. Макнамара тогда предложил широко питать противника, а заодно и американский народ неверной пропагандистской информацией, из которой следовало, что разработка «Ника-Зевс» является исключительно успешной программой, в то время как в действительности все было наоборот.

Председатель подкомиссии палаты представителей

по правительственной информации Джон Мосс незамедлительно заклеил заявление Макнамары как «весьма плохую услугу» народу Соединенных Штатов и как выступление, противоречащее взглядам, высказанным президентом Кеннеди. Мосс задал вопрос, каким образом можно согласовать заявление Макнамары с торжественным обещанием президента Кеннеди «не скрывать ни от конгресса, ни от народа ни одного факта или сообщения — в прошлом, настоящем или будущем, которые необходимы для неофициальной оценки нашего поведения и угрожающих нам опасностей».

Этот демократ из Калифорнии заявил: «Отстаивать программы неправильной информации — значит оказывать плохую услугу нации, которую уже запутали и которая уже страдает от недостатка информации. Утверждение, что какая-то система оружия является совершенной, создает ложное чувство безопасности; может привести лишь к самодовольству, о чем сожалеют именно те официальные лица, которые и далее будут поддерживать ее».

Хотя Мосс был либеральным демократом, который стремился поддерживать правительство Кеннеди, он без колебаний заявил, что Макнамара «высказал точку зрения, которая хотя и не нова, но тем не менее вызывает крайнюю тревогу».

Лавина критических замечаний заставила Пентагон поспешно опубликовать заявление о том, что Макнамара не имел намерения вводить в заблуждение американский народ, что речь шла только о противнике.

На спешно организованной пресс-конференции 26 мая 1961 года министр обороны предложил следующие четыре принципа политики в отношении информации. «В демократическом обществе, — начал он свое разъяснение, — общественность необходимо информировать по крупным вопросам нашей национальной военной политики». Указав на необходимость избегать раскрытия информации, которая может оказать помощь нашим потенциальным противникам, он заявил, что «в равной мере важно избегать излишней секретности».

«Я предлагаю следовать следующему принципу: если есть сомнения в том, стоит ли засекречивать, то лучше не засекречивать», — заявил Макнамара. Кажется, что в этом заявлении одобряются лучшие принципы полити-

ки в области информации. Министр обороны сказал также, что в публичных заявлениях должна отражаться политика министерства обороны и что сотрудники министерства не должны обсуждать «вопросы внешней политики, поскольку это область, которая находится в ведении президента и государственного секретаря».

Заявление Макнамары получило сдержанную похвалу члена палаты представителей Мосса за то, что в нем «признавалось право народа иметь информацию». Особо он подчеркнул замечание Макнамары о том, что «общественность имеет на плохие известия столько же прав, сколько на хорошие». Мосс оставил за собой право высказать свое собственное мнение об инструкциях относительно замечаний по вопросам политики и просил информировать его о всех директивах и других указаниях, касающихся проведения общей политики в области информации. Из опыта сотрудничества с правительством Эйзенхауэра он знал, что окончательные программные заявления часто могут маскировать наиболее нетерпимые случаи засекречивания информации.

Мосс имел основания быть осторожным. В ближайшие же месяцы стали раздаваться громкие сетования по поводу того, что Макнамара постепенно увеличивает ограничения на выступления военных в печати, а представителям прессы становится все труднее добиваться свободного доступа к сотрудникам Пентагона. Мало кто жаловался на те мероприятия Макнамары, которые, по его словам, сэкономили миллионы долларов, однако появились некоторые недобрые предчувствия относительно тенденции к произвольному установлению секретности. Журнал «Нэйви таймс» писал: «Существует обстановка секретности, цензуры, произвольных постановлений».

Как бы в доказательство этого утверждения министерство обороны попыталось использовать «привилегию исполнительных органов», чтобы не допустить две комиссии — сенатскую подкомиссию по внутренней безопасности и специальную комиссию палаты представителей по контролю над экспортом — к документам при расследовании случаев отправки стратегических материалов в различные страны за «железным занавесом».

Когда министерство обороны, пытаясь применить при данном расследовании «привилегию исполнительных ор-

ганов», обратилось за поддержкой к министерству юстиции, оно нарвалось на неприятности; Роберт Кеннеди официально высказался против сокрытия этих документов от конгресса. Министр юстиции высказался против использования «привилегии исполнительных органов» в данном случае, но это не решило проблему в целом. Использование Макнамарой «привилегии исполнительной власти» и его попытки выявить инакомыслящих в вооруженных силах и заткнуть им рот во все большей мере становились объектом резких споров.

12. ВЫСОКОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВОЕННЫХ В ФОРТ-ЛИ

Министру обороны Роберту Макнамаре легко удалось убедить прессу и общественность в следующем: чтобы держать «военную верхушку» в рамках, нужна жесткая администрация. Дело генерала Бенни Мейерса показало, что были случаи, когда высокопоставленные офицеры, занимающиеся закупками для вооруженных сил, имели возможность нарушать соответствующие правила этики в финансовых вопросах из-за существовавшей тенденции закрывать глаза на неправильные действия высших офицеров. Дело о пятипроцентниках затронуло военнослужащих в генеральских званиях, а расследование подкомиссией Эбера деятельности «лобби военного снаряжения» выявило нездоровую близость между некоторыми крупными военными подрядчиками и высокопоставленными офицерами, принимавшими чересчур щедрые дары во время уикэндов на Багамских островах.

Высказывание президента Эйзенхауэра об опасности военно-промышленного комплекса в правительстве рассматривалось в некоторых кругах как предупреждение о возможности военного переворота с целью захвата власти, поддерживаемого крупной промышленной и политической властью в конгрессе. Было легко высказывать общие критические замечания в адрес «военной верхушки», поскольку имелось несколько конкретных фактов, позволявших утверждать, что некоторые высшие военные руководители небрежны в исполнении обязанностей, расточительны или просто-напросто глупы. Лю-

бое общее обвинение высших военных руководителей было несостоятельным, но многим приходилось нести позорное клеймо из-за бесчестья, глупости или откровенного нахальства тех немногочисленных лиц, которые оказались на высоких постах, требующих ответственности и доверия.

В течение ряда лет общественность много слышала о «дрязгах генералов» в Пентагоне и расточительном дублировании по вине высокопоставленных офицеров, которые, как утверждалось, были больше заинтересованы в увеличении бюджетных ассигнований из-за своей собственной карьеры, чем в создании хорошо сбалансированной и эффективной военной машины. Конечно, иногда междоусобица среди военных действительно вызывалась стремлением урвать побольше от военного бюджета, и армия, ВМС, ВВС и корпус морской пехоты время от времени организовывали кампании с целью доказать, что какой-то один вид вооруженных сил или какая-то одна система оружия имеет первостепенное значение. Часть этих «мелких ссор» между высшими офицерами различных видов вооруженных сил, несомненно, вызывалась излишне сильным подчеркиванием традиций, что часто мешало высшим офицерам одного вида вооруженных сил видеть нужды других видов или страны в целом. Однако было бы трудно провести границу между нормальным проявлением корпоративного духа и просто пагубной и слепой приверженностью к одному виду вооруженных сил.

Чем бы ни оправдывался сложившийся в представлении общественности образ высокомерной, расточительной и драчливой «военной верхушки», такой образ существовал реально. Он был использован в качестве аргумента для проведения различных реорганизаций министерства обороны в 1947, 1949, 1953 и 1958 годах. Хотя большинство высших военных офицеров были по крайней мере такими же компетентными, честными, преданными и энергичными, как и соответствующие им по рангу лица в деловом мире, один из факторов в военном обучении имеет тенденцию порождать высокомерие у офицеров, которые не остерегаются этого. Таким фактором является правило: военный служащий должен беспрекословно подчиняться приказам начальника. Традиция подчинения начальникам крайне важна в крупной

военной организации, без нее перестала бы существовать дисциплина, а это привело бы к анархии. Однако принцип субординации таит в себе опасность произвольных действий, которые перерастают в бесчестье и потворство своим личным прихотям в ущерб интересам вооруженных сил и подчиненных.

Если бы министр обороны захотел наглядно показать опасность высокомерия военных, то трудно было бы найти лучший пример, чем случай в Форт-Ли (штат Виргиния). Здесь ярко проявились худшие аспекты субординации, связанные с преднамеренным неуважением к законам и уставам со стороны старших офицеров. Но что еще хуже, случай в Форт-Ли показал, как младших офицеров инструктировали уничтожать документы, свидетельствующие о нарушении законов, и давать под присягой ложные показания с целью покрыть незаконные действия. Этот случай показал, что еще более высокопоставленные офицеры в Пентагоне или не разобрались в существе дела, или же принимали участие в вынесении решений, в соответствии с которыми, по существу, прощались нарушения законов, уничтожение документов и подлоги. Выяснилось, что «система» в Форт-Ли была налажена достаточно хорошо, так что младшие офицеры считали бесполезным жаловаться на нарушения законов или даже отказываться от выполнения приказов, явно нарушающих закон.

Как заявляли младшие офицеры, они стояли перед необходимостью «приспосабливаться», чтобы избежать плохих служебных аттестаций или назначения на неприятные должности, что зависело от их начальников-правонарушителей. Трудно представить, насколько такая практика и такие взгляды распространены в вооруженных силах, но когда расследование дела о Форт-Ли было закончено, стало ясно, что в данном случае высокомерие некоторых высших офицеров достигло позорного уровня.

Дело в Форт-Ли было связано с сооружением посадочной площадки для самолетов. Впервые правонарушения были раскрыты ревизорами центрального финансового управления, а позже стали объектом расследования со стороны подкомиссии по реорганизации исполнительных и законодательных органов комиссии палаты представителей по деятельности правительства. К моменту

раскрытия правонарушений в Форт-Ли в действие вступил статут об ограничениях, согласно которому уголовное преследование нарушителей запрещалось, и поэтому никто из них в тюрьму не попал. Однако в отчете комиссии палаты представителей это происшествие было названо случаем «фальсификации и обмана... поистине печальным случаем для вооруженных сил и страны в целом».

История эта началась в 1956 году, когда у власти находилось правительство Эйзенхауэра, и продолжалась в первые годы нахождения у власти правительства Кеннеди. Таким образом, скандальный случай в Форт-Ли нельзя приписать республиканцам или демократам. Скорее, он свидетельствует о том, что может произойти, если бюрократии позволить считать, что удовлетворение ее прихотей стоит выше закона.

Форт-Ли — учебный центр квартирмейстерской службы армии США около Питерсберга в штате Виргиния. В учебных целях могли быть использованы аэропорт Питерсберг, в двадцати километрах от Форт-Ли, и аэропорт Кэмп-Пикет Блэкстоун, расположенный в шестидесяти пяти километрах. Высокопоставленные офицеры из Форт-Ли дважды обращались за разрешением построить бетонированную взлетно-посадочную полосу вместо посадочной площадки с травяным покрытием. И дважды министерство обороны отклоняло просьбы, ссылаясь на то, что в бетонированной взлетно-посадочной полосе нет необходимости. Однако начальство Форт-Ли, попирая законы и уставы, решило, что оно получит эту полосу, несмотря на запрещение. Некоторые младшие офицеры заявили, что это незаконный проект, из-за которого они могут попасть в тюрьму, и стали отказываться ставить свои подписи на подложных счетах и отчетах. Однако в конце концов они выполнили приказ, и взлетно-посадочная полоса была построена. Это была не такая уж большая стройка, как многие военные проекты США, но на сооружение незаконной взлетно-посадочной полосы было израсходовано свыше полумиллиона долларов к тому времени, когда ревизоры центрального финансового управления обнаружили подложные счета и фальшивые документы и потребовали прекратить строительство.

Еще в феврале 1956 года командование Форт-Ли

попросило одобрить строительство взлетно-посадочной полосы, которая должна была обойтись примерно в 876 тысяч долларов. После того как Пентагон дважды отклонил эту просьбу, стали искать лазейки в законах, чтобы обойти решение Пентагона. Законы с менее ограничивающими положениями для мелких проектов нашли именно тогда, когда в них существовала «срочная необходимость». В законе ясно говорилось, что в число «срочных» проектов не должны включаться проекты, которые можно внести в программу регулярного военного строительства. И закон особо ограничивал расходы на такие проекты 25 тысячами долларов сверх стоимости материалов и рабочей силы, которые данный военный объект уже имеет в наличии.

В сентябре 1957 года командование Форт-Ли произвело третью попытку получить разрешение на строительство ВПП. Оно добивалось согласия начальника квартирмейстерской службы на сооружение 450-метровой взлетно-посадочной полосы с нежестким покрытием. Расчетная стоимость всего строительства составляла 110 095 долларов, причем из них 73 086 долларов приходилось на стоимость рабочей силы и материалов, которые уже имелись в наличии; новых ассигнований требовалось на сумму в 37 009 долларов. Проект был представлен заместителем командира базы подполковником Луисом Ширли. Однако и эту заявку Вашингтон отклонил по нескольким причинам: она превышала максимум в 25 тысяч долларов, полоса была слишком коротка, а покрытие — слишком тонким.

Через два месяца подполковник Ширли и инженер базы полковник Уильям Джаретт представили пересмотренную смету. Длина полосы увеличивалась на 750 метров, а толщина бетонного покрытия — до пяти сантиметров. Общая стоимость проекта оценивалась в 141 537 долларов, из которых теперь 116 589 долларов приходилось на рабочую силу и имевшиеся в наличии материалы. По чисто случайному совпадению размеры новых ассигнований снижались до 24 948 долларов, т. е. они были чуть меньше потолка в 25 тысяч долларов и достаточно низки, чтобы начать строительство.

Как признал позже полковник Джаретт, смета «была составлена произвольно, с расчетом на то, чтобы сумма новых ассигнований не превышала 25 тысяч

долларов». Подполковник Ширли признал, что он и не пытался установить, реалистичны ли эти цифры. Не возникло у него вопросов и в связи с несоответствием между увеличением объема строительства и уменьшением стоимости материалов.

Необоснованность сметных расчетов становилась очевидной в ходе строительства. Основная стоимость проекта возросла до 508 305 долларов, т. е. превысила утвержденную сумму на 366 тысяч долларов. Фактически общая стоимость строительства была гораздо выше. В частности, 28 тысяч долларов было израсходовано на здание, именовавшееся «складом». В действительности же это был ангар, и расходы на его сооружение покрывались за счет ассигнований на эксплуатацию и ремонт транспортных средств и на оплату труда саперов из Форт-Бельвуара в штате Виргиния.

Когда командование Форт-Ли узнало, что центральное финансовое управление намеревается произвести проверку документации строительства, помощнику инженера базы были даны срочные указания. Он получил приказ уничтожить все материалы в своих досье, которые могли поставить начальство в неудобное положение.

Ревизоры центрального финансового управления стали задавать неприятные вопросы штабу армии США, который только после неоднократных напоминаний наконец подготовил отчет, в котором тщательно избегалось упоминание о фальсификации документов, а также о сокрытии и уничтожении досье.

Как стало известно позже, начальник квартирмейстерской службы генерал-майор Альфред Б. Деннистон ограничился мягкими дисциплинарными взысканиями в отношении своих подчиненных, которые начали строительство взлетно-посадочной полосы. Он подписал приказ, в котором, по существу, только слегка бранил виновных и напоминал им, что в дальнейшем так поступать не следует. Главный юрисконсульт армии США в Вашингтоне, как установили, согласился с этой «дисциплинарной мерой».

Однако центральное финансовое управление настойчиво продолжало расследование, и строительство взлетно-посадочной полосы было прекращено.

Между тем комиссия по деятельности правительства под председательством Уильяма Л. Доусона, демократа

от штата Иллинойс, начала расследовать этот случай и вскрыла всю отвратительность существовавшей «системы». Больше всего членов комиссии возмутили факты, говорившие о том, что офицеров заставляли лгать и выгораживать своих начальников.

Вызванные на заседание комиссии в марте 1962 года офицеры стали давать весьма противоречивые показания относительно уничтожения документов. Бывший помощник инженера Форт-Ли майор Томас С. Суортц к моменту дачи показаний был уже в отставке. Он признал, что изъял документы из досье и уничтожил их. Кроме того, Суортц заявил, что возражал, когда полковник Джаретт приказал ему изъять документы из досье. Однако Джаретт, по словам Суортца, сказал тогда, что получил на то указание свыше. По словам Суортца, полковник Джаретт позже зашел к нему в кабинет, чтобы выяснить, выполнил ли он приказ, т. е. уничтожил ли документы. Суортц заявил, что были изъяты и уничтожены копии заявок на закупки и некоторые рабочие сметные расчеты по проекту.

Полковник Джаретт показал, что он, в свою очередь, приказание «почистить» досье получил от подполковника Ширли. Позже подполковник Ширли спросил его, выполнил ли он распоряжение, на что Джаретт ответил — досье «вычищены» и ревизоры центрального финансового управления никаких следов подложных счетов не найдут.

Полковник Джеймс Коннор в момент уничтожения документов был подчиненным подполковника Ширли. Он показал, что понял распоряжение Ширли как приказ изъять из досье компрометирующие документы. Полковник Коннор заявил также, что через день или два после отдачи этого приказа говорил подполковнику Ширли о своем нежелании быть соучастником изъятия и укрытия документов от центрального финансового управления.

Как признал подполковник Ширли, он вызывал Джаретта и Коннора в свой кабинет, но приказаний изъять и уничтожить документы не давал. Он просто дал указание полковнику Джаретту привести документы в порядок для ревизоров центрального финансового управления. Подполковник Ширли также показал, что он не помнит заявления полковника Коннора об отказе

изъять и уничтожить документы. «Я этого не помню, — сказал Ширли, — но он мог это сделать».

Но на этом противоречивые показания не кончились. Полковник Джеймс Пеннингтон показал, что он информировал подполковника Ширли об отказе Пентагона дать разрешение обойти некоторые требования, предъявляемые к строительству взлетно-посадочной полосы. Ширли же настаивал, что Пеннингтон не говорил ему об этом.

По словам начальника проекта полковника Уолтера Ридлхабера и подполковника Ширли, они информировали генерала Деннистона о том, что затраты на материалы и рабочую силу для строительства аэродрома были подложно приписаны другим проектам. Однако генерал Деннистон отрицал, что кто-либо из этих двух офицеров информировал его о подложных счетах.

Еще одно противоречие обнаружилось благодаря показаниям подполковника Джулиана Пайланта. Как он заявил, полковник Ридлхабер приказал ему приписать расходы на строительство аэродрома к другим проектам. По словам подполковника Пайланта, он ответил Ридлхаберу так: «Я не собираюсь попадать из-за этого в каталажку». Позже Ридлхабер отрицал, что Пайлант говорил это. Тогда председатель комиссии вновь вызвал Пайланта, который повторил свое заявление. При очной ставке с Пайлантом полковник Ридлхабер заявил, что он не напоминает этого случая.

Комиссия палаты представителей объявила, что она не в состоянии определить, кто из офицеров говорит правду, а кто нет. Кроме того, она заявила: «Противоречивость показаний наводит на серьезные размышления о нормах поведения офицерского корпуса армии».

Начальник военного отдела центрального финансового управления Уильям Ньюмен показал, что командование Форт-Ли не только израсходовало 536 373 доллара на незаконное строительство посадочной площадки, но и было готово израсходовать еще миллион долларов, но появился финансовый ревизор, который прекратил строительство.

В ходе двухнедельного рассмотрения дела комиссия палаты представителей документально установила уловку, с помощью которой офицеры в Форт-Ли скрывали стоимость материалов, идущих на строительство аэрод-

рома. Очевидно, досье не «подчистили» в достаточной мере.

В делах была обнаружена инкриминирующая записка, написанная майором Суортцем. На заказе на поставку 2150 тонн камня имелась следующая отметка: «За этим последуют дополнительные заказы, и я должен буду учитывать их. Формально материал этот должен пойти на ремонт дорог, фактически же он будет использован для строительства аэродрома».

Другая подложная заявка на закупку камня для «ремонта дорог» сопровождалась запиской, в которой указывалось: «Фактически этот материал будет использован для строительства аэродромных сооружений 1-й ротой 87-го инженерного батальона».

Запись телефонного разговора между полковником Ридлхабером и полковником Пеннингтоном разъяснила, как можно создать ангар, не называя его ангаром. В записях полковника Ридлхабера указывалось:

«Неотложной проблемой является закупка металлического ангара, который позже будет собран силами военных строителей. Я просил полковника Пеннингтона заверить начальника квартирмейстерской службы, что мы не будем рекомендовать ничего такого, что могло бы поставить его в затруднительное положение. Что же касается ангара, то он будет закуплен, если закупку одобряют и выделяют фонды для авиационного отряда, но не связанные непосредственно с аэродромом.

В случае личной инспекции представителей министерства армии в более поздние сроки можно будет объяснить, что это временное сооружение, которое будет перенесено в другое место для удовлетворения других потребностей в складских помещениях, если не потребуется больше на территории аэродрома».

Наиболее разоблачительный характер носили показания полковника Джаретта. Объясняя, почему он не смог настойчивее возражать против незаконных действий, Джаретт заявил конгрессменам:

— Офицер, разумеется, не должен слепо выполнять приказы. Однако в данном случае я выполнял приказы, поскольку, как мне казалось, вся эта история была известна командованию.

Полковник заявил, что имели место разговоры с начальником инженерной службы, что неоднократно

приезжал заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению и что строительство аэродрома в Форт-Ли обсуждалось в течение продолжительного времени.

— Другими словами, хотя это и было незаконным... каждый принимал в этом участие, — заметил член палаты представителей Джон Андерсон (республиканец от штата Иллинойс).

— Совершенно верно, сэр, — ответил Джаретт.

— Несмотря на уставы, — отметил Андерсон.

— Я думаю, — ответил Джаретт, — если бы комиссия связалась с моими сослуживцами на заморских территориях и в других учебных центрах, где я проходил службу, то выяснилось бы, что я всегда придерживался уставов, и об этом хорошо известно. Однако в Австрии я получил нагоняй за то, что представил чересчур точный отчет. Мне дали устный выговор и предупредили, что немедленно выгонят из армии, если я еще хоть раз напишу подобный отчет. Написанный мною достоверный отчет не понравился командиру базы, и он заново составил документ.

— Представьте, вас отстраняют от должности за то, что вы пожаловались на что-то. Какие предложения вы внесли бы в связи с этим в свете вашего опыта в Зальцбурге? — спросил член палаты представителей Андерсон. — Что, по вашему мнению, может и должен сделать конгресс, чтобы предотвратить подобные случаи?

— С моей точки зрения, позволена слишком большая гибкость в толковании уставов на уровне командования отдельной части, — ответил полковник Джаретт.

— Меня не интересует, насколько гибки эти уставы, — заметил Андерсон. — Их не толкуют по-своему, их просто-напросто нарушают.

— Совершенно верно, сэр, — ответил полковник Джаретт. — Разумеется, после того как мы влипли в это дело, мы поняли, что творили. По крайней мере я понимал, что делал. Мы действовали в обход устава.

Вызванный давать показания по делу о строительстве аэродрома генерал Деннистон, этот ветеран с многочисленными боевыми наградами, терялся, когда ему задавали вопрос, и уклонялся от прямых ответов. В конце концов он разрыдался. Генерал признался, что «не смог обеспечить должного руководства».

Отвечая на вопросы члена палаты представителей Нила Смита (демократа из штата Айова), генерал Деннистон заявил следующее: он не знал, что стоимость проекта превысит 25 тысяч долларов, и во всем полагался на своих подчиненных.

— И... среди этих лиц был в то время подполковник Ширли? — спросил Смит.

— Да, — ответил генерал Деннистон. — Он был моим заместителем, и я знал его лучше, чем всех остальных.

Член палаты представителей Смит в последующих вопросах к Деннистону напомнил, что пользующийся доверием заместитель Деннистона подполковник Ширли несколько лет назад подвергался критике в докладе сенатской постоянной подкомиссии по расследованиям. В то время подкомиссия проводила расследование скандальных случаев при закупке, в которых фигурировали Гарри Лев и другие лица из Нью-Йорка. Расследование привело к обвинению и осуждению ряда официальных лиц. Подполковник Ширли выступал тогда в качестве свидетеля перед сенатской подкомиссией, и его показания не отличались искренностью.

— Ведь вы были начальником Ширли, когда одна из комиссий конгресса расследовала скандальные истории с закупками, не так ли? — спросил Смит.

— Я узнал об этом позже, — ответил Деннистон. — Я внимательно следил за разбирательством этого дела. В то время я не имел абсолютно никакого отношения к закупкам квартирмейстерской службы.

— Но в свете имевших место скандалов при закупках, в которых был замешан подполковник Ширли, не должны ли были вы... проявить некоторое колебание, передавая ему ведение всех или некоторых из финансовых дел, которые мы рассматриваем? — спросил Смит.

— Подполковник Ширли, в свою очередь, в данном случае перепоручил свои полномочия почти в той же мере, что и я, — ответил генерал Деннистон.

Признав, что он «не смог обеспечить должного руководства», генерал заявил членам комиссии, что не заметил нарушения установленного предела в 25 тысяч долларов. Он также признал, что в дела были включены подложные документы с целью обойти закон.

Отвечая на настойчивые вопросы председателя комиссии Доусона и члена палаты представителей Кларен-

са Брауна (республиканцы от штата Огайо), генерал Деннистон признал, что, даже узнав о сговоре с целью уничтожения «компрометирующих» материалов, он ограничился лишь выговорами в приказе.

— Это было крайне огорчительное расследование, — заявил Браун. — В нашей военной системе что-то неладно, если люди, которые... честно служили родине во время войны... приходят сюда и признают, что они докладывали своим начальникам о нежелании подписывать некоторые документы, связанные с прямым нарушением закона. Эти люди докладывали своим начальникам, что не хотят попасть в тюрьму, поставив свою подпись на таком документе, и все же подписывали эти документы... потому что боялись лишиться должности. Все это крайне неприятно. А в общем, меня интересует одно — знали ли обо всем этом вы, генерал?

— Нет, сэр, не знал, — ответил Деннистон. — Но обязан был знать.

Напомнив генералу, что рядового предали бы военному суду за мелкую кражу, Браун потребовал ответа на следующий вопрос:

— Как можем мы, члены конгресса, публично заявить народу, что у нас прекрасная система... что у нас требования в отношении морали, чести и порядочности к офицерам такие же, как к рядовым?

— Окончательное решение в отношении наказания виновных принял не я, — ответил генерал Деннистон.

Он заявил, что оставил на усмотрение министерства армии или министерства юстиции возбуждение уголовного дела, но никаких шагов в этом направлении предпринято не было.

Член палаты представителей Андерсон заявил, что, по его убеждению, комиссия должна прежде всего позаботиться о том, «чтобы не было повторения такой неприличной и грязной цепи событий».

— Мы думаем, — продолжал Андерсон, — является ли выговор... чем-то большим, нежели простой удар по руке, и достаточно ли вдолбить в голову руководству армии и лицам, замешанным в подобных делах, что такого рода вещи поощрять не будут.

— То, что я получил выговор, сильно взволновало меня, — ответил генерал Деннистон. — Сильнее, чем если бы я попал в тюрьму после тридцати девяти лет военной

службы. Но выговор этот я заслужил и именно поэтому так сильно переживаю.

Когда слушание дела было закончено, комиссия палаты представителей по деятельности правительства подготовила уничтожающий официальный доклад. В этом докладе, опубликованном в качестве документа палаты представителей 20 июня 1962 года, говорилось:

«Данный конкретный случай... является почти невероятным примером деятельности военно-бюрократического разума. Изменение в номенклатуре, хитрая уловка или легковверное принятие отговорки не могут изменить какого-либо факта, независимо от того, в какой мере хитрецам с военным званием хотелось бы, чтобы они привели к этому. Вопреки показаниям офицеров и других связанных с этим делом лиц здание на аэродроме Форт-Ли несомненно является ангаром, являлось ангаром, когда сооружалось, и с самого начала было предназначено служить ангаром.

Комиссия поражена не только тем, что законы обходились и нарушались, но и тем, что, провалившись в своей попытке скрыть истинное назначение здания и ввести в заблуждение будущих инспекторов базы, связанные с этим делом лица продолжают упорствовать в своей попытке обмана... Все было задумано в нарушение закона и воинских уставов. Фальсификация и обман имели место на всех стадиях строительства. Когда же попытки скрыть архивы и уничтожить соответствующие документы провалились, действия ответственных офицеров были оправданы их начальниками. Это поистине печальная история для армии и страны в целом.

Сталкиваясь с фактами беззакония, подчиненные офицеры или вообще не протестовали или выражали нерешительные протесты, от которых вскоре сами отказывались. Показания этих офицеров свидетельствуют о том, что они были слишком хорошо знакомы с традиционными методами косвенных репрессий против подчиненного офицера, занимающего принципиальную позицию вопреки желаниям своих начальников, — такими методами, как отрицательные служебные аттестации, задержка в продвижении по службе, назначение на плохие должности, преждевременное увольнение с военной службы и социальный остракизм... Офицеры в Форт-Ли, протестовавшие против незаконных действий,

которые им предлагали предпринимать, были людьми не без отваги и не без убеждений. Комиссия знала об этом. И все же ни один из них, очевидно, не считал, что он не пострадает после попыток вскрыть те незаконные действия, в которых он сам позднее принимал участие».

Далее в докладе указывалось: «Действие этой «системы» проявилось также в неспособности ответственных офицеров возбудить судебное преследование лиц, виновных в правонарушениях, в неспособности расследовать дело без сильного нажима сверху, в нежелании принять дисциплинарные меры, а также в попытках покрыть или оправдать проступки вместо того, чтобы вскрыть существо дела».

К тому времени, когда было закончено расследование и подготовлены доклады, истек трехлетний срок давности, что не позволило возбудить судебное преследование по делу, которое, по заключению комиссии, характеризовалось нарушением восемнадцати различных законов. Министерство обороны лишь объявило виновным выговор с занесением в личное дело. Некоторые лица в правительстве учли на будущее это предупреждение, а другие нет.

Важность происшедшего в Форт-Ли заключается в том, что подобный случай мог иметь место в любом виде вооруженных сил и в любом гражданском управлении, где существует страх вызвать неудовольствие начальника. В официальном докладе комиссии по деятельности правительства эта история увековечена как предупреждение о порядках, характерных для полицейского государства и могущих возникнуть в любой крупной организации, где люди злоупотребляют принципом субординации.

Высокопоставленные должностные лица лгали, противоречили друг другу, противоречили своим собственным заявлениям. После того как центральное финансовое управление раскрыло это преступление, ответственные офицеры уничтожали документы и предпринимали всяческие попытки приуменьшить серьезность проступков и избежать необходимости наказать виновных по закону.

Эта жалкая афера имела мощную поддержку. Ей фактически содействовали канцелярия начальника квартирмейстерской службы и канцелярия главного юрис-

консульта армии США. Начальник квартирмейстерской службы в конце концов объявил начальнику гарнизона генерал-майору Деннистону выговор. Однако подкомиссия установила, что начальник квартирмейстерской службы не обращал внимания на явно незаконные расходы и ложные заявления. Штаб армии США, объясняя незаконные действия простым «избытком служебного рвения», пытался оправдать замешанных в этом деле офицеров.

13. ПИРАМИДА ПРИБЫЛЕЙ

В мае 1961 года постоянная подкомиссия по расследованию при сенатской комиссии по деятельности правительства получила сведения о том, что при выполнении ракетной программы некоторые фирмы получают чрезмерные прибыли. Председатель подкомиссии Джон Маккклеллан, демократ от штата Арканзас, назначил группу расследования в составе главного советника Джерома Эдлермена, помощника советника Роберта Э. Данна и ревизора Томаса Наннелли.

Крупными ракетными программами распоряжались штабы армии и военно-воздушных сил, и имелись сведения, что некоторые генеральные подрядчики не контролировались надлежащим образом. По сути дела, речь шла о том, что штабы армии и военно-воздушных сил утратили контроль над некоторыми из ракетных программ и что военные представители большей частью зависели от фирм, которые они должны были контролировать.

Эдлермен, Данн и Наннелли привыкли иметь дело с расследованием некомпетентности, расточительства и неправильного управления в правительственных программах, однако степень путаницы и взяточничества, вскрытых при беглом обследовании ракетных программ, потрясла их. Проблема осложнялась необходимостью изучения финансовых дел подрядчика, субподрядчика и даже суб-субподрядчиков и суб-суб-субподрядчиков.

После предварительного расследования для более детального изучения были выбраны три крупные программы закупки ракет: программа закупки ракет «Ни-

ка» — для сухопутных войск, а также программы закупки ракет «Бомарк» и «Атлас» — для военно-воздушных сил.

Поскольку оружие непрерывно усложняется, Пентагон все чаще прибегает к услугам частной промышленности в отношении поставок вооружения. До первой мировой войны бóльшую часть вооружения поставляли армейские арсеналы и военно-морские верфи, однако тенденция к сдвигу в сторону частной промышленности усилилась в годы первой мировой войны и вновь резко проявилась в годы второй мировой войны, войны в Корее и в период напряженности в холодной войне в пятидесятых годах.

Представители Макклеллана вскоре выяснили, что министерство обороны стремится вести переговоры о контрактах на поставку крупных систем оружия с одной фирмой, ответственной за систему оружия. По мнению Пентагона, это самый экономичный способ приобретения сложных систем оружия. Советник комиссии Эдлермен и его сотрудники выслушали утверждения, что такой порядок ведения переговоров о контрактах дает «значительную экономию», однако отметили, что, как только выбиралась головная фирма по поставке данной системы оружия, конкуренция кончалась и Пентагон продолжал сотрудничать с одной этой фирмой, независимо от того, являлись цены чрезмерными или нет.

При крупных и специальных заказах на военную технику трудно, если вообще возможно, быстро решить, что является справедливой ценой. Как отметили следователи, оборудование, необходимое для производства крупных ракетных систем, настолько дорогостоящее, что даже после завершения стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Пентагон не мог строить свою коммерческую политику на конкурентной основе вследствие чрезмерно высокой цены оборудования для нового производителя.

Выяснилось также, что после так называемого «марьяжа» министерства обороны и подрядчика на крупную систему оружия условия, выдвинутые последним, обычно оставались обязательными до завершения программы. Советники комиссии Эдлермен и Данн признали преимущества такого порядка, однако отметили, что он позволяет подрядчику занимать произвольную и

необоснованную позицию в отношении цен и технических данных.

Чем глубже сотрудники подкомиссии Макклеллана знакомились с крупными ракетными программами, тем большей становилась их озабоченность высокими ценами и высоким уровнем прибыли для генерального подрядчика, субподрядчика, суб-субподрядчика и так далее. История с ракетой «Ника» и фирмой «Уэстерн электрик компани» стала классическим случаем в этом расследовании.

Немецкие ученые — специалисты по ракетной технике попали в руки армии Соединенных Штатов, когда вторая мировая война уже близилась к концу. Их исследования выявили возможность замены зенитного снаряда управляемой с земли ракетой. Руководители фирмы «Уэстерн электрик компани» неохотно взялись за реализацию этой возможности. Они были больше заинтересованы в использовании всех наличных станков и рабочей силы для расширения роли фирмы как поставщика телефонного оборудования для своей головной фирмы «Америкэн телефон энд телеграф компани».

В первые годы, с 1945 по 1949, проект развивался медленно, поскольку не был по-настоящему срочным и был связан с ограниченными фондами — правительство Трумэна сильно урезало бюджет министерства обороны. В 1949 году ракета «Ника-Аякс» успешно прошла огневые испытания на полигоне Уайт-Сэндс в штате Нью-Мексико. Ракета, снабженная холостой боевой частью, сблизилась с телеуправляемым бомбардировщиком В-29, пробила ветровое стекло и вышла в хвостовой части.

В связи с войной в Корее резко увеличился бюджет Пентагона и повысилась срочность военных заказов, что привело к увеличению ассигнований на ракету «Ника-Аякс», а затем на ракету «Ника-Геркулес», имеющую большую дальность стрельбы и достигаемость по высоте, чем предыдущие ракеты типа «Ника». Хотя «Ника-Аякс» и «Ника-Геркулес» были в производстве с начала пятидесятых годов, возникла необходимость в разработке ракет «Ника» третьего поколения. В 1957 году фирма «Уэстерн электрик» получила контракт на разработку ракеты «Ника-Зевс» — первой американской противоракеты.

Когда сотрудники Макклеллана в 1961 году начали расследование, ракета «Ника-Зевс» все еще находилась в стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, хотя конгресс уже утвердил ассигнования на производство этой ракеты в ограниченном количестве. По причинам, не известным общественности, министр обороны не принял решения о производстве этой ракеты к моменту начала расследования. Макклеллан и не пытался решать за Пентагон, какое оружие и где требовалось и когда должны производиться его закупки. Он был заинтересован в выяснении фактов, которые, как утверждали его эксперты, свидетельствовали о получении фирмой «Уэстерн электрик» и некоторыми из ее субподрядчиков чрезмерных прибылей.

Как головной поставщик, фирма «Уэстерн электрик» решила в 1945 году сосредоточить свою работу на электронном оборудовании ракет «Ника», а на три другие основные подсистемы выдать субподряды другим фирмам. «Уэстерн электрик» должна была произвести электронные цепи, три радиолокационные системы, электронно-вычислительное устройство и систему наведения ракеты.

Фирма «Дуглас эркрафт компани» была избрана фирмой «Уэстерн электрик» в качестве субподрядчика по производству аэродинамической и механической частей и самодвижущейся установки, что включало также изготовление самого корпуса ракеты.

Поскольку «Дуглас эркрафт» занималась преимущественно авиационным производством, она выдала значительный субконтракт отделению «Консолидейтед уэстерн стил» компании «Юнайтед стейтс стил» на производство стальных механических рельсов и пусковых устройств, которые устанавливают ракету в боевое положение.

Другой субконтракт «Дуглас эркрафт» выдала компания «Фрухауф трейлер» на производство трейлеров и автофургонов для размещения личного состава, радиолокационного и электронно-вычислительного оборудования, что составляет самодвижущуюся часть ракетного комплекса.

Министерство армии и фирма «Уэстерн электрик» из-за характера программы «Ника» не могли договориться сразу о цене, поэтому министерство согласилось

гарантировать фирме «Уэстерн электрик» возмещение всех фактических расходов плюс прибыль в 10 процентов на ее работу и в 6 процентов на стоимость работ ее основного субподрядчика — «Дуглас эркрафт».

«Уэстерн электрик» разрешила фирме «Дуглас» выдавать субконтракты только при условии эффективной координации. Когда сотрудники Маккелллана ознакомились с контрактом, они обнаружили, что между министерством армии и фирмой «Дуглас» не существует взаимной осведомленности о контракте и что, следовательно, министерство мало что могло сказать о работе фирмы «Дуглас». Оно вынуждено было полагаться на фирму «Уэстерн электрик» в отношении технических условий и условий контракта с двумя суб-субподрядчиками — «Консолидейтед уэстерн стил» и «Фрухауф трейлер».

Следователи из сенатской комиссии признали, что на стадиях научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ цены и прибыли могут быть необычными, поэтому при анализе программы «Ника» они не включили примерно миллиард долларов, выплаченных фирме «Уэстерн электрик» в связи с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими проектами в течение ряда лет. Эдлермен, Данн и Наннелли сосредоточили свое расследование на производственных расходах по контракту в сумме 1 545 100 тысяч долларов. Сюда включалась прибыль фирмы «Уэстерн электрик» в размере 112,5 миллиона долларов плюс 1 432 600 тысяч долларов на возмещение расходов «Уэстерн электрик».

Сумма 112,5 миллиона долларов показалась следователям приемлемой величиной прибыли в 7,9 процента, если сопоставлять ее с общими «расходами» в 1,4 миллиарда долларов. Однако они отметили, что из 1,4 миллиарда долларов «расходов» фирмы «Уэстерн электрик» фирма «Дуглас эркрафт» получила контракты на производство ракет «Ника-Аякс» и «Ника-Геркулес» на сумму 644 540 тысяч долларов. Кроме того, другим поставщикам «Уэстерн электрик» было выплачено 428 760 тысяч долларов за различные детали для системы. Следователи не пытались изучить подробности отношений с мелкими подрядчиками и поставщиками, однако почувствовали себя обязанными несколько глубже ознакомиться с расходами «Дуглас эркрафт». Из счета

на 644 540 тысяч долларов, предъявленного «Дугласом» «Уэстерн электрик», 598 960 тысяч долларов приходились на расходы, а 45 580 тысяч долларов — на прибыль фирмы «Дуглас».

Более тщательное расследование показало, что все расходы, произведенные собственно фирмой «Дуглас», включая накладные, общие и административные расходы, составляли всего 102 990 тысяч долларов, или примерно 17,2 процента от общей суммы. 82,8 процента работы «Дугласа» было выполнено суб-субподрядчиками, и сумма этих субконтрактов составляла 495 970 тысяч долларов.

Сотрудники Макклеллана подсчитали, что видимая прибыль «Дугласа» составляла всего 7,6 процента, если ее относить к общей сумме расходов, представленной фирме «Уэстерн электрик». Однако если сравнить прибыль с фактическими расходами «Дугласа», то она выростала до огромных размеров — 44,3 процента. Фирма получила прибыль в 45,5 миллиона долларов за фактически выполненную работу стоимостью менее 103 миллионов долларов.

На этой стадии следователи почувствовали, что они раскрыли расточительную и неэкономную практику, которая дорого обходится налогоплательщику. «Дуглас» получала прибыль на все материалы, поставляемые субподрядчиками, и представляла всю эту кипу прибылей и расходов «Уэстерн электрик», а та рассчитывала свою прибыль на основании общих расходов, накопившихся в трех ярусах субподрядчиков.

Затем сотрудники подкомиссии Макклеллана проверили еще один слой, чтобы подробно изучить расходы двух основных поставщиков «Дугласа» — «Фрухауф трейлер» и отделения «Консолидейтед Уэстерн» корпорации «Юнайтед стейтс стил». «Фрухауф» прибавил прибыль в 4,5 миллиона долларов к общим расходам в 49,3 миллиона долларов и предъявил «Дугласу» счет на 53,8 миллиона долларов. «Консолидейтед уэстерн» произвел механических деталей на 146 223 тысячи долларов, прибавил к этой сумме прибыль в размере 9 285 тысяч долларов и предъявил «Дугласу» счет на 155 508 тысяч долларов.

К тому времени, когда Макклеллан начал слушание дела в апреле 1962 года, сотрудники подкомиссии име-

ли возможность представить данные, свидетельствующие о том, что правительство выплатило 182 182 070 долларов за пусковые установки для ракеты «Ника», произведенные фирмой «Консолидейтед уэстерн», при производственных расходах 146 223 тысячи долларов. Даже после учета прибыли «Консолидейтед уэстерн» в размере 6,3 процента стоимость их для «Дугласа» составляла только 155 508 тысяч долларов. «Дуглас» взял этот счет на 155 508 тысяч долларов от «Консолидейтед уэстерн», прибавил к нему свою прибыль в размере 6,7 процента на сумму 10 354 659 долларов и предъявил «Уэстерн электрик» счет на 165 862 659 долларов.

В свою очередь, фирма «Уэстерн электрик», приняв счет на 165 862 659 долларов, прибавила административные расходы в сумме 6 478 936 долларов плюс 5,7 процента прибыли на 9 840 475 долларов и предъявила Пентагону счет на 182 182 070 долларов. Это на 26 674 070 долларов больше, чем министерству обороны пришлось бы заплатить, если бы оно закупало пусковые устройства для ракет «Ника» непосредственно у «Консолидейтед уэстерн», а не через «пирамиду прибылей» «Уэстерн электрик» и «Дуглас». Это был отнюдь не самый экономичный способ закупок.

То, что происходило с пусковыми устройствами для ракет «Ника», не было единичным случаем. По существу, то же самое было вскрыто при расследовании расходов на трейлеры для ракет «Ника», производство которых обошлось «Фрухауф трейлер» в 49 330 225 долларов и за которые Пентагон заплатил 62 970 846 долларов. Общие прибыли составили 11 469 457 долларов, или более 23 процентов.

Пирамидообразное нагромождение прибылей на трейлеры для ракет «Ника» происходило следующим образом. Производственные расходы «Фрухауфа» составили 46 889 345 долларов, к ним фирма прибавила 2 440 910 долларов на общие и административные расходы и 9,2 процента прибыли на сумму 4 519 072 доллара. Фирме «Дуглас эркрафт» был предъявлен счет на 53 849 327 долларов.

«Дуглас эркрафт» приняла 53-миллионный счет, прибавила 6,8 процента прибыли на 3 674 543 доллара и предъявила «Уэстерн электрик» счет на

57 523 870 долларов. «Уэстерн электрик» приняла 57-миллионный счет, прибавила 2 171 134 доллара на общие и административные расходы, присовокупила к этому 5,9 процента прибыли на 3 275 842 доллара и предъявила Пентагону общий счет на 62 970 846 долларов.

Всего правительство выплатило на 9 121 519 долларов больше, чем было бы в случае прямых закупок у «Фрухауфа». Такая практика закупок показалась бессмысленной Макклеллану и большинству других членов его подкомиссии.

Макклеллан огорчился еще больше, когда узнал, что правительственный финансовый контролер на заводе фирмы «Дуглас» резко критиковал факт получения прибылей фирмой «Дуглас» за транспортно-пусковые установки для ракет «Ника», но начальники его не придали этому значения. Контролер назвал эти прибыли «необоснованными», однако офицер по контрактам из штаба армии США полковник Джон Грэхэм не принял никаких мер, чтобы срезать пирамиду прибылей. В действительности же полковник Грэхэм поставил под сомнение право финансового контролера министерства обороны критиковать прибыли.

При расследовании этого вопроса подкомиссией Макклеллана помощник министра армии Пол Игнашиес критиковал условия, при которых Пентагон был вынужден иметь дело с одним головным поставщиком и не имел возможности объявлять открытые торги или закупать непосредственно такие составные части ракетного комплекса, как транспортно-пусковые установки или трейлеры.

«Когда компании активно стремятся заполнить контракт, как правило, начинают работать карандаши и наблюдается тенденция к снижению цен, — заявил в своих показаниях Игнашиес. — Цена, установленная в условиях конкуренции, является обычно такой ценой, которая требует от компании осуществления тщательного административного руководства, чтобы контракт не оказался убыточным, а это дает выгоду армии. Конкуренция является стимулирующей силой в американской экономике, и нам следует заставить ее действовать в максимально возможных размерах».

Сотрудники Макклеллана вскрыли некоторые из этих же проблем нагромождения прибылей в контракте

на поставку «Бомарка» — другой зенитной системы, подобной «Нике» и предназначенной для перехвата и уничтожения бомбардировщиков и других самолетов противника. Военно-воздушные силы выдали первоначальный контракт на разработку «Бомарка» фирме «Боинг» в 1951 году. С 1951 по 1960 год военно-воздушные силы заключили тринадцать основных контрактов с «Боингом» на поставку перехватчика «Бомарк-А» и его усовершенствованного варианта «Бомарк-В». Общая стоимость составляла примерно 1,6 миллиарда долларов. В эту сумму входили 1,5 миллиарда долларов на покрытие расходов «Боинга» и его субподрядчиков и общая сумма прибыли «Боинга» в 124 миллиона долларов, что составляло примерно 8,2 процента от общей стоимости контракта.

Разбираясь в этом контракте, маккеллановская постоянная подкомиссия по расследованиям изучила расходы трех основных субподрядчиков «Боинга» — «Лир инкорпорейтед», «Вестингауз электрик корпорейшн» и «Аэроджет дженерал корпорейшн».

Фирма «Лир» получила субконтракт на разработку и производство преобразователя координат, являющегося частью системы наведения перехватчика «Бомарк-А». Фирма «Лир» несла ответственность за конструирование и разработку прибора в рамках технических условий, поставленных «Боингом». «Лир» представила «Боингу» счет на 17,3 миллиона долларов с учетом прибыли «Лира» в 1,2 миллиона долларов. Ревизоры подкомиссии Маккеллана подсчитали, что «Боинг» потребовал от военно-воздушных сил 18,7 миллиона долларов. Это означало, что «Боинг» получит на работе «Лира» прибыль в 1,4 миллиона долларов.

«Вестингауз электрик корпорейшн» получила субконтракт на конструирование и разработку подсистемы, известной как координатор цели, и наземной аппаратуры управления как для «Бомарк-А», так и для «Бомарк-В». Подкомиссия установила, что работа «Вестингауза» обошлась «Боингу» в 155,6 миллиона долларов, включая прибыль «Вестингауза» в размере 12,2 миллиона долларов.

«Аэроджет дженерал» получила субконтракт на конструирование, разработку, испытание и производство

ракетного ускорителя для перехватчика «Бомарк-А». По расчетам следователей, работа «Аэроджет дженерал» обошлась «Боингу» в 26,9 миллиона долларов, включая прибыль «Аэроджет» в размере 2,9 миллиона долларов. Представляя окончательный счет Пентагону, «Боинг» накинул на эту сумму еще 1,9 миллиона долларов.

Сотрудники подкомиссии установили, что общие прибыли двенадцати основных субподрядчиков по программе «Бомарк» составили 36,8 миллиона долларов, в то время как фирма «Боинг» на этих субконтрактах получила 41,6 миллиона долларов прибыли. В связи с этим подкомиссия высказала критическое замечание: «Таким образом, фирма «Боинг» получила за работу субподрядчиков, которые фактически конструировали, разрабатывали и производили отдельные подсистемы и компоненты, бóльшую прибыль, чем сами производители».

В ходе слушания дела должностные лица военно-воздушных сил признали, что было бы экономичнее выделить различные подсистемы из контракта на «Бомарк» с тем, чтобы Пентагон имел возможность производить прямые закупки и не выплачивать «Боингу» прибыли на прибыли в пирамиде прибылей.

Начальник отдела авиационных систем на авиабазе ВВС Райт-Паттерсон генерал-майор Дэвис подчеркнул, что в то время, когда ВВС впервые занялись заключением контрактов с частными фирмами, «Бомарк» еще находился в стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и многие важные проблемы еще не были решены. Он заявил, что ВВС просто не имели «своих собственных штатных инженерных и управленческих возможностей», необходимых для осуществления закупок. «Боинг» же располагал такими возможностями, создав их за многие годы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В программе создания «Бомарка» единственным исключением в закупках через фирму «Боинг» был прямоточный воздушно-реактивный двигатель, производившийся корпорацией «Марквардт». Общая стоимость контракта с корпорацией «Марквардт» обошлась правительству в 177 миллионов долларов, и подкомиссия сделала следующий вывод: «Вряд ли подлежит сомне-

нию, что если бы «Марквардт» оставался в 1 категории (как субподрядчик «Боинга»), то прибыли «Боинга» возросли бы более чем на 10 миллионов долларов».

Подкомиссия Макклеллана отмечала: «Данные говорят, что, хотя ВВС закупали прямоточный воздушно-реактивный двигатель непосредственно у «Марквардта», «Боинг» по-прежнему нес ответственность за надлежащую стыковку двигателя с системой оружия в целом. Фактически испытывались значительные трудности с прямоточным воздушно-реактивным двигателем после выделения заказа на него из общего контракта. То обстоятельство, что «Марквардт» не был больше субподрядчиком, не исключило активную помощь ему со стороны «Боинга». ВВС выплатили «Боингу» дополнительную сумму 527 тысяч долларов за убытки, связанные с оказанием этой помощи». Но эти 527 тысяч долларов были гораздо меньшей суммой, чем 10 миллионов долларов, которые «Боинг» получил бы в противном случае.

Расследование подкомиссией Макклеллана программы по созданию ракеты «Атлас» коснулось особого метода закупок, известного под названием метод «присоединенного подрядчика». Подкомиссия хотела установить, не связана ли была эта система «присоединенного подрядчика» с несколькими ярусами субподрядчиков и пирамидой прибылей, как это было раскрыто в программах по созданию ракет «Ника» и «Бомарк».

При методе «присоединенного подрядчика» Пентагон не выбирал одну деловую фирму в качестве головного поставщика, а размещал контракты на различные подсистемы среди отдельных компаний, которые просто объединялись в ассоциации. Начальник отдела баллистических систем командования систем ВВС генерал-майор Томас Джеррити в отношении программы «Атлас» сказал следующее: «Было решено, что ни одна компания не является достаточно компетентной, чтобы выполнить всю работу... Поэтому мы сколотили под эгидой корпорации «Рамо-Вулдридж» группу ученых и инженеров, известную ныне как лаборатория космической техники, для детальной разработки систем и осуществления технического руководства таким крупным проектом. Отдельным промышленным компаниям, — разъяснял далее генерал Джеррити, — мы дали зада-

ние на разработку и производство подсистем. Мы, например, заключили контракт с «Дженерал дайнэмикс» на производство корпуса ракеты, с фирмой «Рокет-дайн» — на разработку и производство ракетных двигателей, с «Дженерал электрик» и другими фирмами — на разработку сложных систем наведения».

Когда следователи Макклеллана разобрались в контракте на производство ракеты «Атлас», они обнаружили, что несколько ярусов субподрядчиков и пирамиды прибылей существовали и здесь.

Фирма «Дженерал дайнэмикс-астронотикс», выступавшая в качестве присоединенного подрядчика на производство корпуса ракеты, получила также контракт на систему управления пуском. С одобрения ВВС «Дженерал дайнэмикс» выдала субконтракт на производство системы управления пуском «Рэдио корпорейшн оф Америка». Затем «Рэдио корпорейшн оф Америка», в свою очередь, выдала суб-субконтракты на производство кабельных цепей и на установку оборудования на базах трем электротехническим фирмам.

Подрядчики третьего яруса — три электротехнические фирмы — выполнили работы общей стоимостью 16 924 261 доллар. К этому они прибавили 4,6 процента прибыли на 751 306 долларов и представили «Рэдио корпорейшн оф Америка» счет на 17 675 568 долларов. В свою очередь, «Рэдио корпорейшн оф Америка», приняв этот счет, прибавила к нему стоимость своих работ в размере 1 150 333 доллара и 5,9 процента прибыли на 1 111 807 долларов и представила «Дженерал дайнэмикс» счет на 19 937 708 долларов.

«Дженерал дайнэмикс» приняла этот счет, прибавила к нему 5,4 процента прибыли на сумму 1 084 800 долларов и представила ВВС общий счет.

Общая сумма прибылей, выплаченных за работу, которую выполнили подрядчики третьего яруса, составила 2 947 914 долларов, тогда как подрядчикам третьего яруса эта работа обошлась всего в 16 924 261 доллар. Хотя метод «присоединенного подрядчика» казался на первый взгляд способом избежать пирамидообразного нагромождения прибылей, расследование выявило существование той же практики бесполезных затрат и «чрезмерных прибылей».

После окончания слушания дела подкомиссия при-

шла к выводу, «что значительная часть ассигнуемых на оборону средств расходуется расточительно и что налогоплательщики могли бы получить большую выгоду, если бы применялись тщательно продуманные процедуры заключения контрактов и надлежащие методы финансового контроля и если бы правительственные служащие уделяли больше внимания предотвращению возможности получения чрезмерных прибылей».

Подкомиссия Макклеллана сочувственно отнеслась к проблеме заключения контрактов на сложные и крупные системы оружия, однако едко заметила, что «правительство отсеклось от своей ответственности за руководство программами и в целом ряде случаев передало эту ответственность самим подрядчикам».

Сенатская подкомиссия указывала: «Даже самый уважаемый и высоконравственный подрядчик ставится в трудное положение, когда вопрос об осуществимости программы, а также технические и экономические вопросы, которые должны решаться заказчиком-правительством, решаются изготовителем-подрядчиком. Отсутствие конкуренции наряду с необходимостью срочно начать выполнение программы лишает возможности принять обычные меры предосторожности против получения больших прибылей и ослабляет позицию правительства при ведении переговоров о заключении контракта».

Подкомиссия отметила, что, несмотря на относительную немногочисленность программ по созданию систем оружия, «на них приходится значительная доля наших ассигнований на оборону».

«Необходимо принять более эффективные меры предосторожности в отношении этой части наших расходов, — заявила подкомиссия. — Программа по созданию ракеты «Ника» является примером преимуществ, выпадающих на долю подрядчика, и с точки зрения непомерно высоких прибылей, а также с точки зрения предоставления ему контроля над программой... За эти годы правительство выплатило десятки миллионов долларов прибылей данной компании («Уэстерн электрик») за работу, выполненную самостоятельно ее субподрядчиками и их субподрядчиками».

Сенатская подкомиссия заявила, что «недостаточность технических и административных возможностей мини-

стерства армии и общепризнанная неспособность этого аппарата руководить закупкой ракетных систем» явилась причиной, по которой не удалось предотвратить получения фирмой «Уэстерн электрик» неоправданно высоких прибылей.

Прибыли «Уэстерн электрик» в размере 112,5 миллиона долларов составили всего 7,9 процента по отношению к общей стоимости контракта на производство ракеты «Ника-Зевс». Однако сенатская подкомиссия указала, что, взятая по отношению к стоимости работ, выполненных собственно фирмой «Уэстерн электрик», — 359 миллионов долларов, — эта прибыль составила 31,3 процента.

В целом подкомиссия Макклеллана установила, что не было «никаких оснований выплачивать обоим производящим верхним ярусам в пирамиде больше прибыли, чем фактическому изготовителю».

В докладе указывалось: «Выплата этих прибылей становится тем более непонятной, если учесть, что фактическая помощь фирме «Консолидейтед уэстерн стил» со стороны фирмы «Уэстерн электрик» заключалась в посылке нескольких инспекторов и одной технической группы за все годы, пока производилась пусковая установка». В доклад были включены столь же критические замечания в адрес официальных лиц Пентагона, ответственных за образование пирамиды прибылей в программах по созданию ракет «Бомарк» и «Атлас».

Мнение двух членов сенатской постоянной подкомиссии разошлось с мнением большинства. Это были сенатор Сэм Эрвин, демократ от штата Северная Каролина, и сенатор Карл Кертис, республиканец, от штата Небраска. Оба они не согласились с утверждением, что прибыли головных поставщиков были «необыкновенными». Сенатор Эрвин сказал, что, с его точки зрения, военные подрядчики отличаются от большинства подрядчиков и что они имеют право на повышенные прибыли, поскольку им «постоянно угрожают экономические опасности, связанные с изменениями в программах и отменой программ».

«Экономические опасности такого рода в основном не касаются тех подрядчиков, которые заняты выполнением частных гражданских заказов», — заявил сенатор Эрвин.

Сенатор Кертис также поставил под сомнение су-
ровость критики в отношении головных поставщиков и
сказал, что головные поставщики возражали против
«расчленения» контрактов из-за «искренней уверенно-
сти в том, что в условиях быстро развивающейся тех-
нологии преждевременное расчленение контрактов мо-
жет поставить под угрозу успех предприятия».

И сенатор Эрвин, и сенатор Кертис согласились с
выводами большинства комиссии — программы созда-
ния систем оружия нуждаются в лучшем надзоре,
а также в усовершенствовании административного ру-
ководства их осуществлением.

14. БЕСПРИБЫЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ „АЭРОСПЕЙС“ – ЧУДОВИЩЕ, ПОЖИРАЮЩЕ СВОЕГО СОЗДАТЕЛЯ

Обязанность Милтона Фогельмана заключалась в ведении контрактов ВВС с «Аэроспейс корпорейшн». Находясь на должности офицера по контрактам с 1960 года по ноябрь 1964 года, Фогельман должен был следить за тем, чтобы «Аэроспейс» экономно расходовала государственные средства в соответствии с указаниями ВВС и вела надлежащую отчетность.

Почти сразу Фогельман столкнулся с неприятностями, пытаясь получить необходимую информацию от «Аэроспейс» в условиях твердой «независимой» политики, проводимой президентом корпорации д-ром Айваном Геттингом. Еще 19 марта 1962 года Фогельман уведомил «Аэроспейс» о том, что некоторые условия контракта на 1963 бюджетный год не соответствуют полностью директивным указаниям ВВС. Фогельман считал, что вознаграждения «Аэроспейс» должны выплачиваться лишь на основе «необходимых потребностей», а в этом случае ревизоры из ВВС должны были изучить расходы по каждому проекту и определить действительные финансовые нужды корпорации «Аэроспейс».

«Аэроспейс» отвергла эту точку зрения и настаивала на принципе «ценности задания» при определении размеров вознаграждения. При таком порядке «Аэроспейс» должна была не представлять отчеты о фактических расходах, а требовать вознаграждение,

исходя из того, какую ценность представляет конкретный проект для ВВС. В результате «Аэроспейс» не должна была бы представлять ВВС какие-либо данные о расходовании средств.

Когда Фогельман стал настаивать на том, чтобы вознаграждения соответствовали принципу «потребностей», как того требовала политика ВВС, д-р Геттинг и другие руководители «Аэроспейс» отказались изменить свою позицию или предоставить доступ к отчетности. Фогельман не получил поддержки у своих начальников, которые готовили новый контракт для «Аэроспейс», и как администратор оказался в положении, о котором позже говорили как о «невероятном положении, когда пытаются определить сумму вознаграждения, не имея возможности получить какую-либо информацию относительно использования средств».

Фогельман продолжал выражать протесты в связи с тем, что «Аэроспейс» не выполняет требования политики ВВС, и неоднократно во время встреч с руководителями корпорации просил их показать ему, как они расходуют выплачиваемые средства. И каждый раз «Аэроспейс» отказывала ему.

Когда член палаты представителей Портер Харди начал расследование «контроля над финансовой политикой и политикой управления» по контракту с корпорацией «Аэроспейс», проблема получения информации, с которой столкнулся Фогельман, стала одним из многих вопросов, расследуемых подкомиссией специальных расследований комиссии палаты представителей по вооруженным силам.

Член палаты представителей Отис Пайк, демократ от штата Нью-Йорк, задал Фогельману вопрос:

— Вы неоднократно обращались к источнику, пытаясь узнать, каким образом «Аэроспейс» расходует выплачиваемые средства, — и каждый раз вам отказывали. Жаловались ли вы своим начальникам по этому поводу?

— Я не жаловался своим начальникам, — ответил Фогельман. — Они знали о моих действиях.

— Предлагали ли вы когда-нибудь своим начальникам предпринять что-нибудь в этом направлении? — спросил Пайк.

— В памятной записке о переговорах относительно

контракта на 1962 год я подробно остановился на этом вопросе, отметив, что общая сумма вознаграждений, выплаченная подрядчику ранее, становится значительной, — ответил Фогельман.

Когда Пайк подчеркнул, что речь идет о «нескольких миллионах долларов», Фогельман продолжил:

— В ходе первоначальных переговоров я считал, что точные цифры были не такими уж существенными, потому что у корпорации должна была возникнуть потребность в известной сумме денег в процессе ее работы, но мы подходили к такой точке, что я пришел к следующему выводу: контрактант должен знать, что мы не превысим этой суммы.

В ответ на вопросы председателя подкомиссии Фогельман сообщил:

— Вплоть до начала расследований в 1964 и 1965 годах «Аэроспейс» продолжала считать, что она имеет привилегию не представлять правительству информацию по некоторым финансовым вопросам.

— Как вы определяли вознаграждение? — спросил Харди.

— Разумеется, это было нелегко, — едко ответил Фогельман.

«Аэроспейс корпорейшн» была создана и полностью финансировалась военно-воздушными силами, и тем не менее ее руководители были непреклонны в своем отказе представить отчет по вопросам о вознаграждении. «На каждый вопрос, задаваемый подрядчику по этим пунктам, следовал ответ, что только совет попечителей «Аэроспейс» несет ответственность за финансовую деятельность корпорации и все решения по этим вопросам будет принимать без консультаций с правительством, без его ведома и без его согласия», — указывалось в докладе подкомиссии Харди.

Подкомиссия отметила, что «нет никаких данных о том, что г-н Фогельман получал какие-либо инструкции со стороны вышестоящих властей».

Как указывалось, Фогельман не критиковал своих начальников, а заявил следующее: по его мнению, то обстоятельство, что ВВС не приняли никаких мер, свидетельствует о доверии к нему, а также об уверенности в его способности решить эту проблему на уровне контрактирования.

Подкомиссия Харди высказала следующую точку зрения: «В условиях отсутствия сотрудничества со стороны «Аэроспейс» и соответствующей поддержки со стороны своих начальников г-н Фогельман пытался определить политику в отношении вознаграждения, руководствуясь лучшими побуждениями».

Это положение подтвердилось позже, когда во время слушания дела он заявил, что в качестве вознаграждения были предусмотрены средства на строительство здания. Его спросили, каким образом он был информирован о том, что предоставление корпорации «Аэроспейс» возможности строить здание за счет выплачиваемых ей средств соответствует политике ВВС.

— По-моему, меня никогда не информировали об этом. Просто я увидел, что на другой стороне улицы выросло здание, — сказал Фогельман.

Член палаты представителей Чарльз Габсер задал следующий вопрос:

— Вы считаете, что это была политика ВВС, потому что никто не возражал против происходящего?

— Вероятно, так, — ответил Фогельман.

Оправданием для системы вознаграждения «Аэроспейс» чаще всего служит потребность в независимых фондах на исследования. Однако результаты расследования заставили подкомиссию Харди поставить под сомнение обоснованность этого утверждения.

При переговорах о контракте на 1963 финансовый год руководители ВВС включили 900 тысяч долларов на «независимые общие исследования», и Фогельман одобрил ассигнование 500 тысяч долларов, исходя из предположения, что они будут израсходованы именно на упомянутые цели, а это не противоречило политике ВВС.

«В действительности «Аэроспейс» сознательно пыталась заставить офицера по контрактам поверить в то, что она намеревается израсходовать крупные суммы из вознаграждения на независимые исследования, — отметила подкомиссия Харди. — Фактически же за период до 30 июня 1964 года корпорация «Аэроспейс» израсходовала на исследования всего 82 548 долларов из общей суммы вознаграждения более чем 12 миллионов долларов... Анализ расхода сумм, выделенных в качестве вознаграждения за период до 30 июня 1964 года,

показывает, что всего в виде вознаграждения было выплачено почти 16 миллионов долларов, а общие расходы на независимые исследования составили только около 411 тысяч долларов».

Подкомиссия Харди признала весь порядок ведения финансовых дел с «Аэроспейс» неудовлетворительным в свете отказа предоставить какую-либо информацию о расходовании так называемого «вознаграждения».

«Порядок выплаты вознаграждения является процессом, наносящим ущерб ВВС не только в плане предотвращения неоправданных расходов по этой статье, но и в плане контроля за возмещаемыми расходами, — отметила подкомиссия Харди. — Специалистам по контрактам слишком хорошо известно, что, если не разрешается израсходовать какую-либо сумму по статье возмещаемых расходов, она вполне может быть оплачена из правительственных фондов, выделенных на вознаграждение».

Подкомиссия привела в качестве примера факт, обнаружившийся, когда постоянный ревизор ВВС г-н Рауль Кристин поставил под сомнение правильность расходов. В отчете Кристина за 1961 год ставилась под сомнение правильность расходования общей суммы 1 623 925 долларов. В числе сомнительных статей были заработная плата, сверхурочные, расходы на питание, выплаты по болезни, страхование жизни, снабжение продуктами питания, приемы, развлечения сотрудников, расходы вашингтонского бюро, транспортные расходы, расходы попечителей, расходы на рекламу, доставка финансовых изданий авиапочтой, гонорары консультантам и заработная плата казначея кассы взаимопомощи.

Потребовалось больше года переговоров, прежде чем «Аэроспейс» согласилась исключить 46 950 долларов из общей суммы расходов в 1 623 925 долларов, которую финансовый контролер поставил под сомнение. Но даже тогда должностные лица «Аэроспейс» заявили, что, поскольку они не могут добиться утверждения этих 46 950 долларов по статье возмещаемых расходов, они просто включают эту сумму в счет накладных расходов для оплаты из сумм «вознаграждения», по которым «Аэроспейс» отказывалась представлять документацию.

«При существующем порядке заключения контрак-

тов у подрядчика нет стимулов быть бережливым в расходах, — сделала вывод подкомиссия. — Из этого следует, что невозможно контролировать такие контракты в соответствии с политикой правительства, если только офицер по контрактам не знает подробностей расходования вознаграждения».

Члены подкомиссии палаты представителей подчеркнули, что Фогельман «был вынужден действовать вслепую» вплоть до момента, когда в 1964 году его сменил полковник Джесс Хэмби.

Советнику комиссии Джону Реддану, следователю Уолтону Вудсу и Джону Форду пришлось вести расследование частным образом, чтобы получить сведения о том, что примерно 6—7 тысяч долларов из «вознаграждения» корпорации «Аэроспейс» было израсходовано на покупку членства в загородных клубах для высокооплачиваемых должностных лиц «Аэроспейс».

Когда Фогельмана спросили, являлась ли политикой ВВС оплата членства должностных лиц «Аэроспейс» в загородных клубах, Фогельман ответил:

— Я узнал об этом только вчера (на заседании подкомиссии).

Полковник Хэмби, принявший дела 1 ноября 1964 года, сообщил подкомиссии палаты представителей в середине 1965 года, что в отчетности «Аэроспейс» не было никаких улучшений.

Он заявил, что пытался получить ответы на вопросы у двух должностных лиц корпорации «Аэроспейс» — помощника казначея Брюса Гарутта и распорядителя контрактов Дона Прайса, но с ним «обращались, как с идиотом».

— Оба эти джентльмена попросту молчали, — заявил полковник подкомиссии, когда ему задали вопросы в связи с сомнительными расходами и чрезмерно высокими окладами. — Я не получил никакого ответа.

По заявлению Хэмби, факт израсходования 15 тысяч долларов на детройтское бюро подтверждает, что правительство платит дважды за одно и то же — один раз в виде вознаграждения и другой — по смете на накладные расходы... Полковник Хэмби объяснил, что это лишь пример того «сопротивления», которое он встретил со стороны «Аэроспейс».

— Я думаю, необходимо что-то предпринять. Мне кажется, что нужны не новые правила или постановления, а люди, честно выполняющие свои обязанности,— сказал полковник Хэмби.— Ни в одном правительственном органе нет такого человека, который заставил бы меня заплатить одному и тому же лицу дважды за одну и ту же работу.

Подкомиссия Харди отметила: «В расследовании, выявившем многие случаи укрывательства и неискренности по отношению к конгрессу, выступление полковника Хэмби было подобно дыханию свежего ветра».

Однако энергичные усилия полковника Хэмби заставить «Аэроспейс» действовать в соответствии с установленными правилами продолжались недолго. 1 июля 1965 года ВВС освободили полковника Хэмби от должности офицера по контрактам с «Аэроспейс» и назначили в отдел контрактов командования систем ВВС.

Хотя ВВС изображали перевод полковника Хэмби на новую должность как «повышение», подкомиссия Харди отнеслась к этому более чем скептически. Полковник Хэмби был отстранен от должности, потому что отказался подчиниться преднамеренному давлению со стороны руководства ВВС. Это «повышение» полковника Хэмби ставит под сомнение искренность руководителей ВВС и их способность справиться с проблемами повседневного руководства военно-космическими программами.

Харди сделал следующее официальное заявление — члены его подкомиссии будут внимательно следить за тем, достигнут ли ВВС и «Аэроспейс» соглашения, предусматривающего «предоставление полной информации» в будущем.

Члены подкомиссии палаты представителей по вооруженным силам заявили, что, с их точки зрения, любая бесприбыльная корпорация согласится действовать в обстановке благоприятствования, и это будет, по-видимому, еще более вероятным в отношении «бесприбыльной корпорации, созданной и финансируемой правительством».

Члены подкомиссии были крайне возмущены позицией Геттинга и корпорации «Аэроспейс», считающих, что использование правительственного «вознаграждения» не является делом общественности, не является

делом правительственных учреждений, на которые они работают и которые оплачивают их счета, и, как это ни невероятно, не является делом конгресса Соединенных Штатов.

Подкомиссия Харди была особенно раздражена замечаниями Геттинга, связавшего «независимость» и «объективность» этой организации с ее отказом предоставить финансовую отчетность. «Оставляя в стороне вопрос о том, нужна ли независимая организационная структура для того, чтобы получить объективное, честное мнение талантливых ученых и специалистов, подкомиссия отмечает, что это стремление к независимости стало почти навязчивой идеей руководителей «Аэроспейс» и поставило их на поистине странные позиции по отношению к правительству, которое создало корпорацию».

Отсутствие духа сотрудничества проявилось и в отношениях между «Аэроспейс» и подкомиссией Харди. И в данном случае «Аэроспейс» считала, что не обязана предъявлять свои конторские книги ревизорам центрального финансового управления.

«Нашим единственным заказчиком является правительство, — заявил Геттинг. — Тем не менее мы являемся частной компанией, действующей в условиях свободного предпринимательства». Этим он обосновал отказ представлять полный финансовый отчет.

Проблема сомнительного использования «вознаграждения» распространилась на покупку корпорацией «Аэроспейс» недвижимости при обстоятельствах, которые представлялись нарушением правила, требовавшего от «Аэроспейс» использовать принадлежащее правительству имущество, когда это было возможно.

Как показало расследование, корпорация «Аэроспейс» израсходовала около 22 миллионов долларов на покупку земельных участков и строительство сооружений в Эль-Сегундо и Сан-Бернардино, причем строительство финансировалось за счет вознаграждения и заемного капитала.

Подкомиссия Харди установила: «Все затраты, включая проценты на заемный капитал, составляющие более 2 миллионов долларов, в конечном счете будет оплачивать правительство. Однако и в Эль-Сегундо и в Сан-Бернардино имелись принадлежащие прави-

тельству здания, которые можно было бы модернизировать и приспособить к нуждам «Аэроспейс».

В докладе также обращалось внимание на покупку «Аэроспейс» земельного участка в Кокоа-Бич за 261 304 доллара «без одобрения ВВС». Как объяснила «Аэроспейс», покупка была совершена с целью строительства сооружений, обеспечивающих выполняемые ею работы на авиабазе ВВС Патрик, однако «начальник авиабазы заявил, что считает нецелесообразным размещать сотрудников корпорации за пределами базы».

В докладе говорилось: «Этот участок, цена на который повысилась вдвое с тех пор, как «Аэроспейс» купила его, так и не был использован». Условия устава корпорации «Аэроспейс» и контрактов, отметила подкомиссия, составлены таким образом, что нет никакой гарантии, что правительство когда-либо получит право на этот земельный участок или на деньги от его продажи, если он будет продан. Он может быть продан, а выручка от его продажи будет разделена между должностными лицами «Аэроспейс» в качестве дополнительной компенсации.

Подкомиссия рекомендовала ВВС принять меры, чтобы получить право на земельный участок, купленный «Аэроспейс», и внесла предложение: «Должно войти в правило признание собственностью правительства сооружений, используемых созданными правительством бесприбыльными корпорациями».

Практика использования кадров корпораций «Аэроспейс» была признана «неэкономичной, нецелесообразной или неоправданной».

На 1 сентября 1964 года в «Аэроспейс» числилось 4306 сотрудников, причем 30 процентов из них имели основной годовой оклад в размере от 15 до 75 тысяч долларов. Еще 19 процентов сотрудников получали от 10 до 15 тысяч долларов в год. Таким образом, 49 процентов сотрудников получали ежегодно свыше 10 тысяч долларов каждый.

Подкомиссия поставила под вопрос повышение заработной платы сотрудникам, поступающим в «Аэроспейс», резкое увеличение заработной платы вскоре после поступления в корпорацию и «поощрительные» премии размером до 20 процентов от годовой заработ-

ной платы для большинства высокооплачиваемых сотрудников.

В некоторых случаях заработная плата вновь поступающих в «Аэроспейс» была на 30—40 процентов больше того, что они получали раньше. Как отметила подкомиссия, «выборочная проверка заработной платы сорока восьми сотрудников, проведенная центральным финансовым управлением, показала, что в среднем заработная плата увеличилась на 18 процентов, а в отдельных случаях и на 100 процентов по сравнению с ранее получаемой зарплатой».

В числе примеров резкого повышения зарплаты упоминались следующие. Профессор физики, зарабатывавший 14 055 долларов в год, был нанят «Аэроспейс» на работу с начальным окладом 28 тысяч долларов в год. Сотрудник национального управления по авиации и исследованию космического пространства, зарабатывавший 17 500 долларов в год, был нанят «Аэроспейс» за 24 тысячи долларов в год. Сотрудник лаборатории космической техники, получавший 22 500 долларов в год, был нанят корпорацией на работу с начальным окладом 30 тысяч долларов в год. Помимо резкого увеличения заработной платы все три вышеупомянутых сотрудника также получали ежегодно «поощрительную» премию в размере 20 процентов годового оклада.

«Поощрительные» премии были установлены Геттингом осенью 1960 года — еще до того, как «Аэроспейс» начала работать по-настоящему. Чтобы получить право на 20-процентную ежегодную премию, сотрудники должны были удовлетворять двум требованиям:

- занимать руководящую должность и участвовать в успешно выполняемой программе;
- проявлять выдающиеся способности, работая в напряженных и трудных условиях.

Подкомиссия скептически отметила: «Трудно понять, каким образом сотрудники могли удовлетворять этим требованиям в октябре 1960 года — всего через четыре месяца после создания корпорации... Расследование показало, что некоторым сотрудникам поощрительная премия предлагалась при найме на работу. Непонятно, каким образом человек может удовлетворять требованиям, установленным для получения поощрительной премии, еще до того, как он начал работать».

За первые четыре года «Аэроспейс» выплатила «поощрительных» премий на 816 816 долларов. Поскольку должностные лица ВВС отказались считать эти премии возмещаемой статьей расхода, они выплачивались за счет «вознаграждения», для которого не существовало должной отчетности. В любом случае счет оплачивался налогоплательщиками. В 1960 году программа «поощрительных» премий распространялась только на двенадцать высокопоставленных лиц, но затем число поощряемых возросло до пятидесяти пяти. «Поощрительные» премии получали все сотрудники с окладом более 30 тысяч долларов в год и 56 процентов сотрудников с окладом свыше 24 тысяч долларов в год.

Как выяснилось в ходе расследования, Геттинг был в числе тех, кто максимально пользовался бесконтрольными и «щедрыми» финансовыми операциями в корпорации «Аэроспейс». В 1964 году Геттинг получил зарплату 76 442 доллара и «поощрительную» премию в размере 15 288 долларов. Таким образом, его прямой денежный доход составил 91 730 долларов, более чем в два раза превысив оклады членов правительства или верховного суда.

«Поощрительные» премии были оправданы как замена преимущественного права на покупку и продажу акций и более высоких окладов в частной промышленности. Однако в корпорации «Рейтеон», вице-президентом которой Геттинг был перед переходом в «Аэроспейс», он имел оклад всего 45 тысяч долларов в год. Подкомиссия установила, что Геттинг воспользовался своим преимущественным правом только в отношении примерно половины акций фирмы «Рейтеон».

Расследование вскрыло также некоторые другие косвенные пособия и привилегии, которыми пользовался Геттинг, включая страховой полис на 350 тысяч долларов и ежегодные вклады по 9 тысяч долларов на пенсионное обеспечение. Подкомиссия Гарди с интересом отметила, что корпорация «Аэроспейс» уплатила 3133 доллара за автомобильную перевозку 12-метрового катера Геттинга из Глостера в Сан-Педро. Это была часть счета в 7840 долларов за транспортные расходы Геттинга и его семьи при переезде к новому месту жительства.

Но ни расследование, проведенное комиссией пала-

ты представителей, ни едкий доклад не заставили Геттинга снизить оклады или отказаться от подвергшегося резкой критике метода «поощрительных» премий.

Расследование деятельности «Аэроспейс корпорейшн» показало, что создание бесприбыльной корпорации для выполнения заданий Пентагона по исследованиям и техническому руководству может привести к некоторым из тех злоупотреблений, которые обнаружились, когда крупным частным корпорациям разрешалось слишком свободно обращаться с деньгами налогоплательщиков.

В то время как некоторые должностные лица ВВС рассматривали «Аэроспейс» как весьма удачную организацию с точки зрения работы, выполненной ею в первые годы существования, проведенное подкомиссией палаты представителей по вооруженным силам расследование показало, что даже так называемые «бесприбыльные» корпорации нуждаются в тщательном надзоре. Независимость, которую предоставили корпорации, чтобы вывести ее из-под бюрократического контроля над программами, явилась той самой независимостью, которая сделала возможными щедрые оклады и премии и даже высокомерный отказ предъявить свою отчетность контролерам центрального финансового управления.

15. БОРЬБА ВОКРУГ TFX

Многомиллиардный заказ на боевой самолет TFX явился самой вожаделенной приманкой, какой Пентагон когда-либо размахивал перед носом у подрядчиков. По расчетам, правительственные расходы должны были превысить 6,5 миллиарда долларов. В программу планировалось включить более 1700 самолетов для флота и военно-воздушных сил. Такой контракт мог бы обеспечить процветание целого штата, и конкуренция была жестокой.

К началу 1962 года круг соперников в борьбе за контракт на TFX сузился до двух фирм. Компания «Боинг» предлагала построить самолет на своем заводе в Уичито, штат Канзас. Отделение «Конвэр» корпорации «Дженерал дайнэмикс» в сотрудничестве с «Грумман энджиниринг компани» планировало строить вариант самолета TFX для военно-воздушных сил в Техасе, вариант для военно-морских сил — в штате Нью-Йорк.

Заказом на TFX неизбежно заинтересовались политические деятели из штатов Вашингтон, Канзас, Техас и Нью-Йорк. Одним из них был сенатор Генри М. Джексон. Его этот контракт интересовал в трех планах: он был сенатором от штата Вашингтон — одного из заинтересованных штатов, был членом сенатской комиссии по вооруженным силам и членом как сенатской комиссии по деятельности правительства, так и ее важной постоянной подкомиссии по расследованиям.

Будучи одним из давнишних сторонников Кеннеди, сенатор Джексон поддерживал личные и политические

отношения с президентом. Однако с практической точки зрения у него были серьезные причины избегать политического «перетягивания каната» из-за заказа на ТФХ. В политическом плане техасско-нью-йоркская группировка, поддерживавшая «Дженерал дайнэмикс» и «Грумман», имела явное преимущество. Голоса выборщиков из Техаса (24) и выборщиков из Нью-Йорка (45) были поданы в 1960 году за Кеннеди, в то время как 9 голосов выборщиков из штата Вашингтон и 8 голосов выборщиков из Канзаса были отданы за кандидата от республиканской партии Ричарда Никсона.

В конце лета 1962 года до сенатора Джексона стали доходить упорные слухи о политической деятельности техасцев в связи с размещением заказа на ТФХ. В беседе с заместителем министра обороны Росуэллом Гилпатриком Джексон заявил следующее: он слышал, что «Дженерал дайнэмикс» наверняка получит этот заказ. Гилпатрик заверил его, что это не соответствует действительности и что решение будет принято в строгом соответствии с конкурсной практикой.

Сенатор Джексон счел слухи ложными и решил довериться Макнамаре в покупке самого лучшего самолета по самой низкой цене, хотя политически сильные техасцы стремились заарканить этот заказ для фирмы из родного штата. Казалось бы, не было никаких оснований делиться своими опасениями с президентом.

Удар был нанесен 24 ноября 1962 года, когда Пентагон объявил, что заказ на ТФХ будет передан «Дженерал дайнэмикс». Сначала сенатор Джексон воспринял неудачу фирмы «Боинг» как следствие честной игры. Однако через несколько дней ему сообщили: в четырех отдельных оценках видов вооруженных сил указывалось, что предложенный фирмой «Боинг» вариант обещал показать более высокие тактико-технические данные. Как ему удалось выяснить, «Боинг» запрашивал значительно более низкую цену, чем его конкурент. Заявка фирмы «Боинг», указывалось в докладах, была на 100 миллионов ниже по первоначальному контракту на разработку, и разность в стоимости программы могла достичь 400 миллионов долларов по всему 6,5-миллиардному заказу.

Джексон отверг утверждения, что Макнамара может купить худший самолет по более высокой цене. Он

попросил председателя постоянной подкомиссии по расследованиям сенатора Джона Макклеллана расследовать дело о контракте на ТФХ.

Представители подкомиссии Макклеллана опросили свидетелей, изучили основные документы и установили следующее:

— четыре оценки видов вооруженных сил действительно были в пользу фирмы «Боинг»;

— цена, предложенная фирмой «Боинг», действительно была на 100 миллионов долларов ниже по первой фазе контракта, а по всему контракту могла быть ниже на 415 миллионов долларов;

— отборочная комиссия Пентагона, состоящая из крупных генералов и адмиралов, единодушно признала, что предложенный «Боингом» самолет будет дешевле и лучше;

— единственным документом в Пентагоне, где предпочтение отдавалось самолету «Дженерал дайнэмикс», оказался оправдательный меморандум на пяти страницах, датированный 21 ноября 1962 года. Он был подписан Макнамарой, министром военно-воздушных сил Юджином Зуккертом и военно-морским министром Фредом Кортон. (Гилпатрик тоже выразил согласие выдать заказ, но его подпись не была необходимой, поскольку документ подписал Макнамара.)

По сведениям сотрудников макклеллановской подкомиссии, этот документ изобиловал ошибками. Томас Наннелли, ревизор подкомиссии с многолетним стажем, находил арифметические ошибки, дававшие расхождения в суммах на 32 и 22 миллиона долларов.

Помимо таких ошибок в меморандуме содержались заявления, которые в свете данных технических экспертов были крайне сомнительными. Технические данные для самолета «Дженерал дайнэмикс» были раздуты и противоречили военным оценкам. Макнамара и министры видов вооруженных сил не одобрили тормозное устройство типа реверсера тяги, предусмотренное в конструкции «Боинга». Они назвали его «рискованным» и предпочли для самолета «Дженерал дайнэмикс» обычные воздушные тормоза. Однако военные инженеры утверждали, что реверсер тяги является крайне желательной частью конструкции самолета «Боинг» и что элемент риска здесь исключен.

Макнамара также утверждал, что применение титана для постройки самолета «Боинг» рискованно и может не позволить фирме поставить самолеты в установленные сроки. По данным сотрудников подкомиссии Макклеллана, министр обороны пренебрег мнением опытных инженеров и металлургов, утверждавших обратное. Эксперты заявили лицам, проводившим расследование, что применение фирмой «Боинг» титана в конструкции крыла является «обычным применением» упомянутого металла. Это позволяло создать более легкий самолет, который требовался военно-морским силам для применения на авианосцах, к тому же использование титана не было связано с особым риском.

Макклеллан и его главный советник Джером Эдлермен по возможности стремились избавить правительство Кеннеди от любых возможных неприятностей. Они считали себя друзьями президента и министра юстиции еще со времен тесного сотрудничества при расследовании «трудового рэкета» в 1957—1960 годах. Макклеллан предпочитал предоставлять правительству Кеннеди все имеющиеся возможности исправить явно неверное решение. Грубые ответы и резкие замечания бывших друзей в правительстве ясно показали Макклеллану и Эдлермену, что Макнамара пользовался поддержкой Белого дома в этом вопросе.

Многие решения Макнамары приводили в бешенство членов конгресса и должностных лиц Пентагона. Вопреки рекомендациям начальника штаба ВВС Лимея он добился отмены программы создания самолета RS-70; несмотря на возражения должностных лиц Пентагона и англичан, отказался от ракеты «Скайбоулт». Затем Макнамара предложил англичанам ракету «Поларис» и не информировал об этом свой собственный комитет начальников штабов до тех пор, пока не закончились переговоры.

И тем не менее из каждой стычки Макнамара выходил еще более сильным. Если с ним не соглашались военные должностные лица, Макнамару приветствовали как человека, ставящего на место военных чиновников. Если он грубо обходился с конгрессом, то оказывался человеком высоких принципов, который намерен до минимума снизить влияние политиканов. Когда бюджет министерства обороны распух с 42 до 52 миллиар-

дов долларов, Макнамару представляли как рачительного хозяина, результаты экономии которого скажутся на бюджете через каких-нибудь три-пять лет.

Даже когда Макнамара передал заказ на TFX «Дженерал дайнэмикс» — раскинувшему во все стороны щупальца гиганту, олицетворяющему мощь военно-промышленного комплекса, — многие рассматривали это как сильный удар по военно-промышленному комплексу, главным образом потому, что он отменил решение высших военных руководителей.

Макнамара хвастался, что этот контракт «сбережет» американским налогоплательщикам миллиард долларов в то самое время, когда к сотрудникам Макклеллана поступали все новые и новые данные о том, что передача заказа на TFX «Дженерал дайнэмикс» явится перерасходом 415 миллионов долларов.

Нервных людей на высоких постах — как гражданских, так и военных — пригласили давать показания на заседании комиссии Макклеллана. Показания их противоречили важному решению министра обороны Макнамары — человека с ярко выраженной неприязнью к инакомыслящим.

Одни твердо сохраняли свои позиции. Другие же колебались и пытались найти компромисс. Несколько человек откровенно признались в своих опасениях, что их карьера пострадает, если они будут последовательно выступать против решения Макнамары. К счастью, большинство важных свидетелей свое мнение относительно 6,5-миллиардной программы создания самолета TFX изложили в письменном виде.

Секретность данных, связанных с характеристиками TFX, потребовала, чтобы слушание дела велось при закрытых дверях. После тщательной проверки Пентагоном и членами комиссии прошедшие цензуру копии протоколов были переданы прессе. В какой-то мере драматизм был утрачен, но общественность взбудоражили сами факты. Потрясло, что решение Макнамары выдать контракт фирме «Дженерал дайнэмикс» может привести к пустой трате 100—415 миллионов долларов за самолет, худший по своим качествам, чем предложенный другой фирмой.

Республиканцы в насмешку дали самолету TFX название LBJ (по инициалам нынешнего президента

Л. Б. Джонсона. — Автор), поскольку он, по всей видимости, был передан на изготовление тexasской фирме после волонтаристского решения Джонсона. Сенатор Кейс, республиканец от штата Нью-Джерси, выступая в сенате, обратил внимание на возможность политического нажима при заключении многомиллиардных военных контрактов.

Кейс предупреждал конгресс, что национальный интерес должен быть единственным основанием для выдачи правительственных контрактов. «Масштабы расходов на оборону и космос требуют необычных мер для сохранения целостности системы заключения контрактов. Это должно обеспечить выдачу контрактов на конкурсной основе, а также исключить влияние политических мотивов, нажима и любых других не имеющих отношения к делу интересов».

Как заявил Кейс, выдача контракта на TFX и заявления высших должностных лиц, включая президента Кеннеди, вызывают сомнение в том, согласуется ли то, что фактически происходит, с официальной политикой заключения контрактов на конкурсной основе. Затем он усилил свои замечания ссылкой на сомнительные обстоятельства выделения средств на проект «Могол» — научное исследование, предусматривавшее бурение скважины на дне океана. Контракт на пятилетний срок по проекту «Могол», заметил сенатор Кейс, был выдан фирме «Браун энд Рут», несмотря на то что комиссия национального научного фонда считала, что в списке претендентов эта фирма занимает третье место.

«Из сообщений о начальном этапе работ по этому проекту, — заявил сенатор, — явствует, что в конечном счете расходы составят 70—85 миллионов долларов — это почти вдвое выше первоначальных оценок (43,6 миллиона долларов) — и что подрядчики не укладываются в график». То, что фирма «Браун энд Рут» принадлежала некоторым из самых сильных политических сторонников вице-президента Линдона Джонсона, было хорошо известно большинству сенаторов, слушавших выступление Кейса, направленное против выдачи этого контракта.

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин написал уничтожающую статью о «мо-

нархии Макнамары» в Пентагоне. Болдуин сосредоточил внимание на контракте на TFX, когда началось слушание дела подкомиссией Макклееллана.

«Возражения, даже основанные на решениях конгресса, заглушаются или, когда это возможно, подавляются, — писал Болдуин. — Макнамара силой заставил членов комитета начальников штабов написать письменные заявления конгрессу о том, что военный бюджет правительства соответствует требованиям обстановки. Он делал купюры и исправления в заявлениях конгрессу, подготовленных начальниками штабов и министрами видов вооруженных сил. Макнамара принижал, игнорировал, обходил или отменял рекомендации комитета начальников штабов».

Болдуин писал, что Макнамара пока еще не заставил виды вооруженных сил говорить в один голос, «но он подошел к этому гораздо ближе, чем кто-либо до него».

Предупреждая об опасности концентрации военно-политической власти в одном министерстве, Болдуин объяснял:

«Такая практика ведет к передаче все большей и большей власти над военно-промышленным комплексом в руки немногих людей в исполнительных органах правительства. Объем военных контрактов составляет более 20 миллиардов долларов в год, причем еще несколько миллиардов долларов приходится на невыполненные заказы. Отдельные виды вооруженных сил не имеют больше права принимать окончательное решение по контрактам... Выдача и отмена заказов в настоящее время полностью контролируется очень небольшим числом людей в высших органах министерства обороны».

К концу марта 1963 года контракт на TFX стал причинять особенно большие неприятности правительству Кеннеди. На пресс-конференции 21 марта 1963 года президенту Кеннеди был задан вопрос:

— Господин президент, контракт на TFX вызывает много споров в конгрессе. Сенатор Саймингтон заявил сегодня в сенате, что расследование влияет на боевой дух войск и должно быть быстро закончено. Что вы думаете по этому поводу?

— Я не вижу ничего плохого в том, что конгресс занимается такими вопросами, — ответил президент Кен-

неди. — Господин Макнамара выбрал самолет (фирмы «Дженерал дайнэмикс»)... потому что считал, что это сэкономит правительству сотни миллионов долларов... Расследование наверняка подтвердит это, и у меня нет никаких претензий к кому-либо из тех, кто интересуется контрактом, пока они считают, что занимаются полезным делом.

— Считаете ли вы, что разбирательство было честным и объективным? — спросили президента.

— Я уверен, что теперь все мы знаем о ТФХ гораздо больше, чем раньше, и это хорошо, — заявил президент.

Другой корреспондент напомнил Кеннеди, что за несколько дней до пресс-конференции сенатор Кейс выступил с критикой в адрес демократов, которые в ходе предвыборной кампании обещали, что, будучи избранными, добьются большего числа правительственных военных заказов для своих родных штатов. Очевидно, это был намек на младшего брата президента, Эдварда Кеннеди, который в 1962 году выставил свою кандидатуру в сенат США, пообещав, что он может сделать для штата Массачусетс больше.

— Создает ли это, по вашему мнению, уверенность в том, что крупные военные контракты распределяются справедливо? — спросили президента Кеннеди.

— Я считаю, что контракты распределяются справедливо, — ответил президент. — Разумеется, имеет место большая конкуренция, и это не удивительно, потому что контракты связаны с обеспечением занятости тысяч людей... Факт остается фактом, что у нас есть министр обороны, который выносит по этим вопросам очень честные решения.

— Господин президент, не могли бы вы описать вашу личную роль в отношении контракта на ТФХ? — задали вопрос Кеннеди. — Конкретно, высказывали ли вы какие-либо предложения относительно того, кто должен получить этот контракт?

— Нет, не высказывал, — последовал ответ. — Все вопросы решало министерство обороны.

Репутация Макнамары как принципиального человека была поставлена под сомнение тщательными расследованиями, проведенными сотрудниками Макклеллана, и во время слушания дела была собрана масса

уничтожающих показаний офицеров ВВС и ВМС. Старший военно-морской представитель в отборочной комиссии адмирал Фредерик Эшуорт показал, что «министр Макнамара скомпрометировал спецификации, настаивая на одном самолете для военно-воздушных и военно-морских сил». Затем, по словам адмирала, Макнамара внес дополнительный элемент риска, передав заказ фирме «Дженерал дайнэмикс».

Как заявил адмирал Эшуорт, военно-морские силы подали свой голос за «Боинг», исходя из предложенных тактико-технических данных и цены. Адмирал выдвинул сильные аргументы в обоснование причин, по которым ВМС предпочли «Боинг»: более низкий общий полетный вес; лучшие летные характеристики на дозвуковых скоростях, что существенно важно при полетах с авианосцев; лучшие характеристики для выполнения боевых задач флота и значительно более низкая цена. Военно-морские силы, сказал адмирал, признавали, что самолет фирмы «Боинг» обладал значительными летно-тактическими преимуществами перед вариантом самолета, предложенного «Дженерал дайнэмикс».

«Произойдет экономическая катастрофа, если мы дойдем до производства самолета, то ли для флота, то ли для военно-воздушных сил, который не будет способен выполнять свои задачи», — заявил адмирал Эшуорт.

Председатель отборочной комиссии генерал-майор Роберт Ругг сказал, что комиссия тщательно рассмотрела вопрос о пригодности самолета для различных видов вооруженных сил. Макнамара в значительной мере опирался на следующее обстоятельство: у самолета фирмы «Дженерал дайнэмикс» было больше деталей, которые могли быть использованы для обдих вариантов самолета — для ВМС и ВВС; по его утверждению, это было важным аргументом в его решении.

По фактору «общности» и наличию идентичных деталей самолет «Дженерал дайнэмикс» буквально «перевешивал» самолет «Боинг», однако Ругг считал это недостатком, а не преимуществом. Он признавал, что в самолете «Дженерал дайнэмикс» было больше идентичных деталей, однако эта «общность» достигалась за счет увеличения на 650 килограммов веса самолета, который в морском варианте и без этого был слишком

тяжел для действий с авианосцев. Иными словами, из-за соблюдения фактора «общности» ВМС должны были получить самолет, который вызвал бы другие проблемы — проблемы его использования. Как разъяснил далее генерал Ругг, конкретные идентичные детали в вариантах самолета «Дженерал дайнэмикс» были «детальями, которые мы обычно не храним на складах и не покупаем в качестве запасных деталей».

— Это были детали, которые редко заменяются, потому что, когда они ломаются, самолет выходит из строя, не так ли? — спросил Макклеллан.

— Вообще говоря, это правильно, — ответил Ругг.

— Вы считаете, что целесообразней было бы приобрести самолет «Боинг»? — спросил Макклеллан.

— Да, сэр, и мои заявления достаточно ясны, — ответил Ругг.

Заместитель начальника штаба ВВС генерал Уильям Макки дал следующие показания:

«По моему мнению, решающим соображением должны быть тактико-технические характеристики (благоприятствующие варианту «Боинг»)».

Он заявил, что ВВС высказались в пользу «ясного и существенного» преимущества самолета «Боинг» перед самолетом «Дженерал дайнэмикс».

Генерал Макки расхотелся с Макнамарой во мнении относительно тормозного устройства типа реверсера тяги и настаивал на том, что оно имеет особые достоинства, поскольку «обеспечивает лучшее торможение как при маневрировании в воздухе, так и при пикировании и посадке».

Командующий тактическим авиационным командованием генерал Суини показал, что он рекомендовал самолет TFX фирмы «Боинг» вследствие «его превосходства по всем важным летно-тактическим характеристикам».

«Самолет «Боинг» — гораздо лучше, значительно лучше для выполнения задач тактического авиационного командования», — заявил генерал Суини.

Джордж Спангенберг, ведущий гражданский авиационный инженер ВМС, также отверг выдвинутый министром обороны аргумент об «общности». Спангенберг ранее заявлял сотрудникам подкомиссии, что вес самолета TFX фирмы «Дженерал дайнэмикс» создает серь-

езные трудности использования машины. Самолет «Дженерал дайнэмикс» был отвергнут при трех предыдущих оценках, но даже при четвертой оценке его вес был гораздо выше того предела, который ВМС считали приемлемым и безопасным для действий с авианосцев. Теперь, характеризуя выдвинутый Макнамарой фактор «общности», Спангенберг сказал: «Все это чепуха. Мы считаем, что «Боинг» представил нам лучшие предложения по лучшей цене. Вы, несомненно, не захотите платить больше денег за худшее изделие только потому, что оно лучше удовлетворяет одному слову — «общность».

Начальник штаба ВВС генерал Кэртис Лимей показал, что Макнамара с ним не консультировался, принимая решение пренебречь рекомендациями отборочной комиссии.

— Я считал, что у нас четкое и единодушное мнение сверху донизу, и поэтому был крайне удивлен этим решением, — заявил начальник штаба ВВС.

— Рекомендовала ли самолет «Дженерал дайнэмикс» какая-либо группа, какое-либо авторитетное лицо? — спросил Макклеллан.

— Нет, сэр, — ответил Лимей. Он не мог припомнить ни одного случая, когда решение отборочных комиссий было бы отклонено гражданским министром.

— Ожидали ли вы... что с вами проконсультируются и что этот вопрос будет обсужден с вами? — нажимал Макклеллан.

— Да, сэр, — ответил Лимей. — Меня удивило, что решение приняли без консультаций.

Заканчивая показания, Лимей решительно заявил, что Макнамара принял неправильное решение, передав контракт фирме «Дженерал дайнэмикс».

Адмирал Джордж Андерсон, занимавший в то время пост начальника главного морского штаба, высказал озабоченность теми последствиями, которые могло иметь для Соединенных Штатов решение Макнамары, и предупредил, что одним из них может явиться утрата преимущества над Россией в воздушной мощи.

Андерсон не касался вопроса о цене, хотя знал, что «Боинг» запрашивал более низкую цену. Его интересовало прежде всего превосходство одного самолета над другим, и он заявил без обиняков, что самолет фирмы

«Боинг» был лучше. Адмирал Андерсон указал, что для вооруженных сил Соединенных Штатов крайне важно получить максимально возможные характеристики в новых видах оружия, чтобы сохранить преимущество над потенциальным противником.

— Если будет выбран самолет фирмы «Дженерал дайнэмикс», — предупредил он, — флот окажется связанным самолетом, слишком тяжелым для того, чтобы действовать с большей части авианосцев. У нас будет самолет, который на 6 тысяч килограммов тяжелее, чем требовали первоначальные спецификации, и на 3800 килограммов тяжелее, чем этого требуют пересмотренные спецификации военно-морских сил, — заявил далее начальник главного морского штаба.

— Были ли у вас какие-либо основания предполагать... что единодушное мнение и рекомендации военных специалистов всех степеней могут быть подвергнуты сомнению или отклонены? — спросил Андерсона Макклеллан.

— Нет, сэр, для меня было крайне неожиданным, что рекомендации отклонили, — ответил адмирал Андерсон.

Самые опасные противоречия в позиции Макнамары еще не были вскрыты. В этот момент Макклеллан почувствовал себя обязанным проверить справедливость утверждения Макнамары об экономии в миллиард долларов. Члены подкомиссии вновь тщательно изучили все расчеты стоимости. Новые данные в еще большей степени ставили под сомнение обоснованность решения Макнамары, включая и его утверждение об экономии в миллиард долларов.

Ревизор Наннелли раскопал убедительные доказательства того, что единственный расчет стоимости, которым мог пользоваться Макнамара, содержал существенные ошибки — ошибки порядка 290 миллионов и 340 миллионов долларов. Любое решение, принятое на основании цифр в этом расчете, не могло быть правильным.

Внимание сотрудников Макклеллана привлекли сведения о лихорадочных попытках Макнамары воссоздать в апреле документацию с целью обоснования своего решения, принятого за шесть месяцев до этого. Уже запротоколированные показания свидетельствовали о

попытках министров видов вооруженных сил нажать на профессиональных военных, чтобы они изменили свои позиции и поддержали Макнамару.

Когда из Пентагона двинулась лавина наспех изготовленных документов и статистических данных, попытки подкомиссии Макклеллана получить единственный подлинный документ, действительно нужный ей, были сорваны. Это была обычная памятная записка, датированная 1 марта 1963 года, ее автор — Альберт Блекберн, ведущий специалист по ТФХ в собственной канцелярии Макнамары.

Многие знали Блекберна как «господина ТФХ». Выпускник военно-морского училища, он был специалистом по аэродинамике и летчиком-испытателем. В 1959 году он занял должность специального помощника в отделе военных исследований и разработок канцелярии министра обороны.

Он являлся, вероятно, самым информированным человеком в Америке по вопросу о ТФХ. В течение двух лет он постоянно был в курсе повседневного развития программы ТФХ. Именно Блекберн поставлял информацию о ТФХ в канцелярию Макнамары.

О его удивлении и замешательстве, когда министр обороны выдал контракт фирме «Дженерал дайнэмикс», свидетельствует написанная им памятная записка, в которой говорилось:

«Фактически нельзя оправдать его (Макнамары) выбор... («Дженерал дайнэмикс») на основании оперативных, технических, управленческих или стоимостных соображений».

Блекберн делал вывод: «Министр (Макнамара) предпочел принять решение на основе информации, отличающейся от информации, полученной по установленным основным правилам».

Когда в мае 1963 года Блекберн появился перед подкомиссией в качестве свидетеля, он показал, что юристы в канцелярии Макнамары расспрашивали его об истории вопроса и технических особенностях, чтобы использовать эти сведения для защиты Макнамары. В ответ на это 1 марта он подготовил памятную записку, которая начисто разбивала все аргументы, выдвинутые министром обороны.

Никогда ранее при рассмотрении вопроса о заключении контракта не производилось четырех оценок, и памятная записка Блекберна свидетельствовала о том, что «Боинг» превосходил «Дженерал дайнэмикс» при каждой из четырех оценок. Блекберн хвалил фирму «Боинг» и показывал трудности использования самолета фирмы «Дженерал дайнэмикс».

«В то время ни у кого не было сомнений в отношении сравнительных достоинств двух конкурирующих компаний, — заявил Блекберн. — Министр Макнамара дал понять, что он не разрешит продолжать программу одному поставщику, и предпочел продолжить ее... выдав дополнительно каждому подрядчику по 2,5 миллиона долларов на дальнейшее усовершенствование проектов и обоснование данных».

Блекберн также рассказал: «В течение девяноста дней, последовавших после трех представлений проектов подрядчиками, в Форт-Уэрте («Дженерал дайнэмикс») и в Сиэттле («Боинг») шли два разных вида деятельности. Инженеры «Дженерал дайнэмикс» отчаянно пытались разработать удовлетворительную конфигурацию самолета, в то время как инженеры фирмы «Боинг» начали тщательные испытания своей конструкции в аэродинамической трубе с целью отработки как дозвукового, так и сверхзвукового режима полета».

«Дженерал дайнэмикс» намного отставала, когда конкурс окончился на четвертом проекте, — сказал Блекберн. — Инженеры «Дженерал дайнэмикс» все еще находились на ранних стадиях разработки конфигурации... в то время как инженеры «Боинг»... явно продвинулись значительно дальше и подошли к решению общих проблем конструкции... Когда объявили, что задание на опытно-конструкторские работы получит «Дженерал дайнэмикс», все, связанные с этим вопросом, поняли, что решение это может быть оправдано лишь на основе политики администрации на высоком уровне и ни в коей мере не может быть связано с достоинствами двух предложений в оперативном, техническом, управленческом и стоимостном планах».

Блекберн высоко оценил «глубину технической разработки проекта «Боинг»... и его такие полные творческой мысли нововведения, как реверсер тяги». Он сопоставил это с печально известным руководством со сто-

роны «Дженерал дайнэмикс» программой создания реактивного транспортного самолета, что привело к убыткам в 400 миллионов долларов.

Даваемая Макнамарой оценка экономии в миллиард долларов, указал Блекберн, является лишь «грубой наметкой», она применима, если один и тот же самолет будет использоваться военно-морскими и военно-воздушными силами. Блекберн сказал, что, по существу, Макнамара не может настаивать на экономии в миллиард долларов, раз он выбрал более дорогостоящий самолет фирмы «Дженерал дайнэмикс».

Однако сомнения в претензиях Макнамары на бережливость основывались не только на показаниях Блекберна. Сенатор Макклеллан начал расследовать другие разработки, касающиеся экономии в миллиард долларов, а также другие оценки стоимости, которыми пользовался министр. 2 апреля 1963 года он попросил генерального ревизора Джозефа Кэмпбелла из центрального финансового управления прислать ему «независимый обзор стоимости стандартов, подготовленных ВВС и используемых министерством обороны при принятии решения о заключении контракта». Макклеллан настоятельно просил центральное финансовое управление проводить «тщательное различие» между цифрами периода до выдачи контракта на TFX фирме «Дженерал дайнэмикс» и разработками для последующего периода.

26 апреля Кэмпбелл ответил Макклеллану: «Мы не обнаружили никаких независимых или дополнительных стоимостных оценок, покрывающих программу TFX в целом, и министры известили нас, что таковых не существует... И министр Макнамара, и министр Зуккерт заявили нам, что сделанные ими выводы основывались скорее на их суждениях, чем на независимых (стоимостных) исследованиях».

Макклеллан счел это невероятным — Макнамара, хваставший глубоким изучением стоимости при принятии каждого решения, не располагал исследованиями стоимости при решении вопроса о многомиллиардной программе.

Начальник военного финансово-контрольного отдела центрального финансового управления Уильям Ньюмен о своей встрече с Макнамарой дал такие показания:

«Мы попросили показать любую информацию относительно оценок стоимости, подготовленную министерством. Когда подошло время ознакомиться с документами, Макнамара заявил, что держит все цифры в голове, дав тем самым понять, что документов у него нет».

После вскрытия факта полного отсутствия документации Макклеллан задал генеральному финансовому инспектору Кэмпбеллу вопрос, какие стандартные цифры могут использоваться для финансовой ревизии подобного рода. Генеральный финансовый инспектор ответил, что он «ожидал бы самой подробной документации» ввиду «колоссальных расходов» и необходимости иметь оправдательные документы для последующих финансовых проверок.

Президент фирмы «Боинг» Уильям Аллен и его ведущие специалисты высмеяли использование министром обороны «грубых оценок» реальных стоимостей и показали, что фирма «Боинг» располагает глубокими исследованиями стоимости, обеспечивающими ее заявку на TFX.

— Макнамара утверждал, что наши стоимостные оценки нереалистичны, что мы, значит, недооцениваем сложности разработки, — сказал Аллен. — Правительство заключило контракт (с «Дженерал дайнэмикс») на производство испытательной серии из 23 самолетов, и урегулированная стоимость работ по этому контракту предельно должна составить около 630 миллионов долларов. Предельная цена нашего контракта... тоже рассчитанная на 23 самолета, равнялась бы примерно 482 миллионам долларов, т. е. была бы на 148 миллионов долларов меньше цены, предложенной нашим конкурентом... И все же нам сказали, что мы проиграли конкурс. У нас даже сложилось впечатление, что низкая цена, предложенная нами, явилась одной из основных причин, которыми объясняют выдачу контракта нашему конкуренту.

Фирма «Боинг», по утверждению Аллена, основывала свою заявку на тщательных расчетах, а не на «грубой оценке». Аллен подчеркнул, что эти цифры никогда не подвергались сомнению в министерстве обороны. Выдача контракта на производство самолета TFX его компании сэкономила бы правительству 148 миллионов долларов на одной только испытательной программе.

Аллен утверждал, что фирма «Боинг» была полностью готова выполнить свои обязательства по указанной цене.

При таком положении, заявил Аллен подкомиссии, когда считают, что у тебя лучший самолет и самая низкая цена, и тем не менее лишают контракта, наступает «расхолаживание и разочарование». Особенно горько терять контракт из-за грубых оценок или, как сказал сенатор Макклеллан, из-за «произвольного суждения» министра обороны Макнамары.

Хотя Макнамара отрицал наличие каких-либо политических мотивов при выдаче заказа тexasско-нью-йоркской группировке, по-прежнему оставался открытым весьма важный вопрос: почему Макнамара выдал заказ стоимостью во много миллиардов долларов на основе явно произвольной оценки и без сколько-нибудь беспристрастного изучения вопросов стоимости? Сенатор Макклеллан и его подкомиссия сосредоточили свое внимание на двух главных советниках Макнамары — Росуэлле Гилпатрике и Фреде Корте.

16. РОС ГИЛПАТРИК И ФЕРД КОРТ

Демократы резко критиковали министра ВВС Гарольда Тэлботта в правительстве Эйзенхауэра за использование служебного положения в личных целях, и некоторые из них напоминали президенту об использовании своего положения одним из консультантов бюджетного бюро, до тех пор пока Эйзенхауэр не аннулировал так называемый проект развития энергетики Диксона — Ийтса.

К проблеме возможного использования служебного положения в Пентагоне внимание общественности было привлечено вновь, когда член палаты представителей Эдвар Эбер расследовал дело о «лобби военного снаряжения» и выявил большое количество высокопоставленных военнослужащих, которые работали на крупных военных подрядчиков. В отчете «О найме офицеров в отставке подрядчиками министерства обороны» комиссия под председательством Эбера поместила список 726 офицеров в отставке в звании выше полковника и капитана 1 ранга, которые находились на работе у крупнейших военных подрядчиков.

Председатель Эбер не говорил о nepозволительности для офицеров в отставке идти на работу к крупнейшим военным подрядчикам, но, по его мнению, существовала постоянная опасность, что отставные адмиралы и генералы смогут использовать свою осведомленность и связи для того, чтобы добиться благоприятного отношения к военным подрядчикам, которые берут их к себе на работу.

«Совпадение» контрактов и личных контактов с фирмами, представляемыми отставными офицерами и вышедшими в отставку гражданскими должностными лицами, иногда служит поводом для возникновения серьезных сомнений в отношении полной объективности некоторых решений в министерстве обороны», — указывала подкомиссия Эбера.

Подкомиссия заявила, что проблема использования служебного положения затрагивает не только отставных офицеров, но и гражданских служащих министерства обороны, политических деятелей на государственных постах. В связи с этим возник целый ряд трудностей, поскольку сегодня эти люди представляют крупного военного подрядчика, а через несколько дней могут занять высокий политический пост.

В своем отчете подкомиссия Эбера привела высказывание сенатора Огастеса Бэкона, демократа от штата Джорджия, относящееся к тому времени (1896 год), когда принимался один из первых законов по вопросу о так называемом «столкновении интересов»¹. Сенатор Бэкон заметил, что «самоу честному и прямому человеку, когда-либо жившему на свете, не разрешат сесть в кресло судьи при слушании дела, в котором он заинтересован, — и не потому, что он нечестен или непатриотичен, а потому, что он не может быть беспристрастным и честным судьей».

Именно этим руководствовался в своих действиях президент Кеннеди в начале 1961 года, когда заявил, что его правительство введет строгий всеобъемлющий кодекс поведения, предназначенный для того, чтобы исключить любые обстоятельства, которые могли бы создать подозрение в использовании должностными лицами своего служебного положения.

В Пентагоне внедрение нового строгого кодекса поведения было поручено заместителю министра обороны Росуэллу Гилпатрику. Гилпатрик подписал приказ, строго предупреждавший всех военных и гражданских служащих не допускать ни в коей мере какой-либо связи между личными интересами и интересами дела службы. Это указание должно было послужить напоминанием

¹ Имеется в виду возможность использования служебного положения в целях наживы. — *Прим. ред.*

для «лобби военного снаряжения», военно-промышленного комплекса и каждого политического деятеля на государственном посту, а также каждого кадрового правительственного служащего. Правительство Кеннеди не хотело терпеть даже видимости связи между личными и служебными интересами.

По иронии судьбы заместитель министра обороны Гилпатрик оказался первым высокопоставленным должностным лицом в правительстве, которое попало под острую критику в конгрессе в связи с новым кодексом поведения. Расследования в связи с заказом на боевой самолет TFХ поставили вопрос об использовании служебного положения Гилпатриком и военно-морским министром Фредом Кортон.

Гилпатрик с перерывами служил в министерстве обороны в период с 1951 по 1953 год, когда занимал пост заместителя министра военно-воздушных сил. В 1953 году Гилпатрик возвратился к юридической практике и сочетал представление интересов большого бизнеса в военной промышленности с активной политической деятельностью в демократической партии.

С 1958 года по январь 1961 года Гилпатрик был юридическим представителем «Дженерал дайнэмикс» — громадного военно-промышленного комплекса, среди 91 700 служащих которого насчитывалось 186 отставных высокопоставленных военных. В отчетах подкомиссии Эбера указывалось, что «Дженерал дайнэмикс» является второй фирмой в стране по общей сумме военных контрактов.

Военным подрядчиком номер один была фирма «Боинг», среди 89 981 служащего которой был 61 отставной высокопоставленный военный. Однако упор фирмы «Боинг» на отставных высокопоставленных военных был небольшим по сравнению с «Дженерал дайнэмикс». Последняя не только нанимала в три раза больше отставных военных, но и платила зарплату более чем в пять раз большему количеству генералов и адмиралов, чем «Боинг». В категории генералов и адмиралов соотношение составляло 27 к 5.

Даже являясь крупным военным подрядчиком, возглавляемая бывшим министром армии Фрэнком Пейсом «Дженерал дайнэмикс» в 1958 году испытывала серьезные финансовые затруднения после катастрофического

убытка в отделении «Конвэр», который оценивался примерно в 400 миллионов долларов. Для поддержки «Дженерал дайнэмикс» требовались новые деньги, и Росуэлл Гилпатрик сыграл важную роль в объединении «Дженерал дайнэмикс» и «Материал сервисез корпорейшн» — чикагской строительной фирмы, контролируемой полковником Генри Крауном, влиятельной политической фигурой в демократической партии. Фрэнк Пейс и другие руководители «Дженерал дайнэмикс» были личными друзьями Гилпатрика: нью-йоркский адвокат имел свой кабинет в правлении «Дженерал дайнэмикс». Адвокатская контора Гилпатрика не являлась юридическим представителем корпорации «Дженерал дайнэмикс», однако его работа была значительной, и гонорары за услуги Гилпатрика превысили 100 тысяч долларов.

Став в январе 1961 года заместителем министра обороны, Гилпатрик покинул адвокатскую контору «Крават, Суэйн и Мур», которая дала ему обязательство выплачивать ежегодно по 20 тысяч долларов в течение нескольких лет, что, по объяснениям Гилпатрика, было своего рода выходным пособием. Разумеется, Гилпатрик перестал работать адвокатом «Дженерал дайнэмикс», однако адвокатская контора продолжала представлять эту корпорацию. Именно Гилпатрик «устроил» так, что Мур принял дела «Дженерал дайнэмикс».

«Дженерал дайнэмикс», погрязшая в долгах, была кровно заинтересована в многомиллиардном заказе на самолет ТФХ. Имея в руках этот заказ, она получала возможность оправиться от колоссальных финансовых убытков, понесенных ее отделением «Конвэр». Если бы «Дженерал дайнэмикс» не получила заказ на ТФХ, то этот огромный комплекс военной промышленности оказался бы перед лицом более серьезных неприятностей.

Некоторые юристы считали, что новый кодекс поведения, предложенный правительством Кеннеди, должен лишить бывшего адвоката крупного военного подрядчика возможности принимать какое-либо участие в переговорах о контракте для этого подрядчика. Гилпатрик смотрел на это совсем по-иному. Он считал, что уже покинул свою адвокатскую контору, и утверждал, что он не такой человек, на которого могут оказать влияние его бывшие тесные связи с этой адвокатской конторой и «Дженерал дайнэмикс».

Он принял участие в переговорах министерства обороны с «Дженерал дайнэмикс» и компанией «Боинг», присутствуя при переговорах об этом колоссальном заказе и составляя директивы по вопросам, связанным с TFX.

Когда была сделана последняя из четырех оценок, единодушный приговор был в пользу компании «Боинг». Однако Гилпатрик, второе лицо в министерстве обороны, согласился с решением Макнамары пренебречь «лучшими» техническими данными самолета и более низкой ценой, предложенной фирмой «Боинг», и передать заказ «Дженерал дайнэмикс».

Если у Гилпатрика и было предчувствие, что его могут обвинить в использовании служебного положения в личных целях, то он разрешил свои сомнения, рассказав министру обороны Макнамаре все о своем прежнем представительстве интересов «Дженерал дайнэмикс». Основываясь на фактах, сообщенных ему Гилпатриком, Макнамара полностью одобрил длительное участие Гилпатрика в переговорах о выдаче заказа на TFX.

Макнамара объявил о выдаче этого заказа 24 ноября 1962 года, а меньше чем через месяц именно Гилпатрик подписал письмо сенатору Макклеллану, в котором просьба председателя подкомиссии задержать формальное подписание заказа на TFX отклонялась до завершения расследования. Заказ был подписан в тот самый день, когда в министерство обороны поступила просьба Макклеллана, и Гилпатрик в своем ответе Макклеллану писал, что, по его мнению, в «интересах страны» подписать заказ немедленно.

Это произошло в ту самую неделю, когда руководители «Дженерал дайнэмикс» собрались на совещание, на котором Текс Мур из адвокатской конторы «Крават, Суэйн и Мур» был назначен одним из директоров «Дженерал дайнэмикс». Изменился и статус этой адвокатской конторы. Из «одного из представителей интересов» корпорации «Дженерал дайнэмикс» эта адвокатская контора стала главным юридическим представителем «Дженерал дайнэмикс».

В то время как некоторые сенаторы и члены палаты представителей поднимали вопрос об использовании Гилпатриком служебного положения в личных целях и вообще о его неприглядной роли, учтивый адвокат из

Нью-Йорка объяснял, что его адвокатская контора представляла интересы такого количества фирм, занятых в военной промышленности, что ему практически невозможно отказаться от участия в переговорах о контрактах с фирмами, интересы которых представляет адвокатская контора «Крават, Суэйн и Мур». По его утверждению, ему невозможно было бы исполнять свои обязанности заместителя министра обороны. Соответственно, он не видел причин отказываться от участия в выдаче заказа на ТФХ только потому, что когда-то представлял интересы «Дженерал дайнэмикс».

Сложность личной роли Гилпатрика в деле о ТФХ, разумеется, практически исключала возможность того, что он потребует выполнения нового кодекса норм поведения от других, например от военно-морского министра Корта, перед которым стояла такая же проблема.

Корт, адвокат и президент банка из Форт-Уэрта, стал военно-морским министром в январе 1962 года. Он сменил на этом посту Джона Коннелли, другого адвоката из Форт-Уэрта, который ушел в отставку, чтобы баллотироваться на пост губернатора Техаса от демократической партии. Фред Корт с энтузиазмом отстаивал интересы родного города и фирмы «Дженерал дайнэмикс», которая имела в Форт-Уэрте громадный завод «Конвэр». Двое из руководителей этого завода в Форт-Уэрте были в числе его близких личных друзей, а «Дженерал дайнэмикс корпорейшн» являлась одним из лучших клиентов банка «Континентал нэшнл» в Форт-Уэрте, президентом которого был Корт.

Всего за три месяца до вступления в должность военно-морского министра Корт лично одобрил выдачу этим банком займа «Дженерал дайнэмикс» в размере 400 тысяч долларов.

Это была небольшая сумма по сравнению с общей суммой займов, сделанных «Дженерал дайнэмикс» в те дни отчаяния, но для небольшого банка, возглавляемого Кортом, она была значительной, потому что кредитный лимит банка равнялся 600 тысячам долларов.

Когда Корт предстал перед сенатской комиссией по вооруженным силам в январе 1962 года, он заявил, что уходит с поста президента банка. Однако в действитель-

ности он сохранил в этом банке капитал в 160 тысяч долларов и заявил членам комиссии, что намеревается возвратиться туда, закончив срок службы в Пентагоне.

Корт периодически занимал различные посты в министерстве обороны и раньше. Он служил помощником министра армии в последние годы нахождения у власти правительства Трумэна и успешно сочетал адвокатскую практику, банковское дело и политическую деятельность в демократической партии в период, когда у власти было правительство Эйзенхауэра. Корт считал, что капитал в 160 тысяч долларов, помещенный им в банк в Форт-Уэрте, слишком невелик и не связан с займом «Дженерал дайнэмикс», поэтому его причастность к делам банка никакого значения при выдаче заказа на ТФХ не имела. Он сам рекламировал себя как «честного человека» и заявлял, что подобные интересы не могут поколебать его решения.

Высокопоставленные лица с завода «Дженерал дайнэмикс» в Форт-Уэрте беспрестанно появлялись в кабинете Корта в Пентагоне в течение всего 1962 года, когда решался вопрос о ТФХ, и тем не менее Корт настаивал, что эти визиты старых друзей из Форт-Уэрта не могли повлиять на объективность его решения. По его мнению, заявления, что он «честный человек», вполне достаточно. Корт продолжал утверждать, что не имел долгосрочных интересов в займе банка фирме «Дженерал дайнэмикс» или какой-либо другой фирме и интересов во вкладах «Дженерал дайнэмикс» в этот банк.

Когда же пришло время принимать решение относительно заказа на ТФХ, военно-морской министр Корт не согласился с рекомендациями видных адмиралов американского флота и рекомендовал министру обороны передать заказ фирме «Дженерал дайнэмикс». Это было равнозначно пренебрежению единогласно одобренными рекомендациями отборочной комиссии, высказавшейся в пользу «Боинг». По заявлению Корта, рекомендации в пользу фирмы «Боинг» показались ему неубедительными. У него даже сложилось впечатление о приемлемости обоих проектов с точки зрения отборочной комиссии. Какими бы соображениями Корт ни руководствовался, принимая решение, он одобрил выдачу заказа фирме «Дженерал дайнэмикс» и подписал оправдательную памятную записку на пяти страницах вместе с министром

обороны Макнамарой и министром ВВС Юджином Зукертом.

Макклеллан поднял вопрос о возможностях использования служебного положения, но еще решительнее его поставили сенатор Джон Уильямс, республиканец от штата Делавар, сенатор Симпсон и член палаты представителей Гросс. Сенатор Уильямс написал письмо в министерство юстиции, в котором изложил общеизвестные факты о роли Гилпатрика и Корта, а также выразил сомнение в законности действий обоих министров.

Сенатору Уильямсу ответил помощник министра юстиции по управлению юрисконсультов Норберт Шлей, который заявил, что, по его мнению, в деле с TFX как со стороны Гилпатрика, так и со стороны Корта нарушений закона нет. Сделал он это, не проконсультировавшись с членами подкомиссии Макклеллана о том, была ли какая-нибудь дополнительная информация, которая имела бы отношение к вопросу об использовании служебного положения. Министерство юстиции не пыталось давать определение в отношении достойности поведения, поскольку это было делом министерства обороны, где Гилпатрик по-прежнему являлся вторым лицом. Министерство юстиции заявило, что, поскольку Гилпатрик «отказался от должности» в своей фирме и не связан обязательством вернуться в эту адвокатскую контору, разрыв его связей с фирмой «Дженерал дайнэмикс» был достаточным для того, чтобы он мог избежать обвинения в использовании служебного положения, как это понимается законом.

В отношении дела Корта министерство юстиции подкрепляло ответ соображениями, которые Корт высказал сенатской постоянной подкомиссии по расследованиям. Министерство юстиции охарактеризовало доход Корта в сумме 160 тысяч долларов от акций в банке как незначительный, если рассматривать его в сравнении с общим объемом операций банка, и равным образом сочло, что заем на сумму 400 тысяч долларов из банка для фирмы «Дженерал дайнэмикс» является незначительным по сравнению с общей суммой займов 20 миллионов долларов, полученных фирмой «Дженерал дайнэмикс». Кроме того, как заключило министерство юстиции, Корт оставил пост президента банка и с того момента перестал быть заинтересованным лицом во вкладах, кото-

рые имел банк от фирмы «Дженерал дайнэмикс», или в займах, которые банк предоставлял фирме «Дженерал дайнэмикс».

Следователи Макклеллана, действуя по совету сенатора Карла Мундта, добились доступа к протоколам и корреспонденции банка «Континентал нэшнл» в Форт-Уэрте. Как показал Корт, он не обращал внимания на подробности коммерческих операций банка с фирмой «Дженерал дайнэмикс» и заявил: «Я не знаю теперь и не знал тогда, имеет ли по-прежнему фирма «Дженерал дайнэмикс» вклады в банке, в котором я был президентом и держателем акций которого являюсь, имеет ли она теперь какой-либо долг перед банком».

Это звучало так, будто Корт порвал связи с банком, но корреспонденция, полученная Эдлерменом, Данном и Наннелли, говорила о другом: будучи министром ВМС, Корт получал от служащих банка благодарственные письма за предоставление им вкладов на 20 тысяч и 30 тысяч долларов, т. е. гораздо меньших сумм, чем счет на 500 тысяч долларов, который фирма «Дженерал дайнэмикс» держала в банке. Как стало известно, Корт получал письма, касающиеся дел банка; его бывшие сотрудники по банку писали ему, что хотят, чтобы заказ на ТФХ был передан фирме «Дженерал Дайнэмикс».

В письме к старшему вице-президенту банка «Континентал нэшнл» Ли Торнтону вице-президент «Чейз манхеттен банк» в Нью-Йорке Пейп писал: «Надеюсь, что увеличение доходов в результате работы над ТФХ положительно скажется на сумме ваших вкладов».

В другом письме вице-президент и ревизор банка «Континентал нэшнл» Леон Джордан благодарил министра ВМС Корта за то, что он помог открыть два новых счета. В письме Карту от 14 сентября 1962 года, через девять месяцев после того, как Корт стал министром ВМС, Джордан заметил: «Я обратил внимание на то, что в открытых сегодня счетах вы обеспечили поступление вклада на 25 тысяч долларов от «Нейман-Маркуса» к нам и всего несколько дней назад еще одного вклада на 25 тысяч долларов от лица, фамилии которого я сейчас не могу припомнить. Поэтому разрешите мне присовокупить свою благодарность вам и желание поскорее возвратиться к нам».

Некоторые письма, с помощью которых Корт содей-

ствовал коммерческой деятельности банка, были написаны на его официальных бланках. В одном из таких писем Корт приглашал некоторых «самых хороших клиентов» принять участие в развлекательной прогулке на яхте «Секвойя», принадлежавшей ВМС. Когда следователи представили корреспонденцию и другие вещественные доказательства Макклеллану, тот сделал следующее заключение: правительство Кеннеди просто не знало всех фактов о непрекращающейся деятельности Корта в интересах банка «Континентал нэшнл» в Форт-Уэрте.

Макклеллан посетил министра юстиции Роберта Кеннеди и сообщил ему, что Корт поддерживал коммерческую деятельность банка, используя бланки министерства ВМС, и поинтересовался, знало ли министерство юстиции об этих фактах, когда писалось письмо, в котором утверждалось, что Корт не использовал служебного положения. Роберт Кеннеди ранее уже занял решительную позицию против такого рода деятельности (имеется в виду министр ВВС Тэлботт) и поэтому, чтобы быть постоянным в своих действиях, высказал мнение, что Корт должен выйти в отставку. Через несколько дней министр ВМС представил письмо, в котором заявлял, что выходит из состава правительства, «чтобы вернуться к частной деятельности и уделить внимание своим неотложным коммерческим делам».

На пресс-конференции 31 октября 1963 года президенту Кеннеди задали вопрос, касающийся законности действий Корта в деле с TFX. Президент повторил, что Корт был в какой-то мере заинтересован в делах банка и что заем банка фирме «Дженерал дайнэмикс» представлял собой «небольшую сумму денег с точки зрения банковских займов».

«Таким образом, у меня нет данных, что Корт действовал неподобающим образом в деле с TFX, — заявил президент. — Это не имеет никакого отношения к мнению, которое у меня может сложиться в отношении возможности того, что Корт написал больше писем и был занят в большей степени, чем следовало бы».

Следователи Макклеллана раздобыли более интересную корреспонденцию в делах старой адвокатской конторы Гилпатрика. Гилпатрик настаивал на версии, что он «ушел со своего поста» в этой адвокатской конторе в 1961 году и не давал обязательства о возвращении в

эту фирму. Однако письма, сохранившиеся в архивах этой фирмы, показали, что Гилпатрик и его секретарь находились просто «в отпуске» сроком на два года. Письма, касающиеся страхования жизни Гилпатрика и его секретаря Энн Хэтфилд, были написаны представителем фирмы «Пост и Курц» нью-йоркского страхового брокера к Перси Хартуэллу, представлявшему адвокатскую контору «Крават, Суэйн и Мур», 30 января 1961 года. Эта переписка подтверждала, что страховые фирмы хотели продлить страховые полисы на время, пока Гилпатрик и мисс Хэтфилд будут находиться в Пентагоне.

Каждая из трех страховых фирм соглашалась продлить страхование Гилпатрика и мисс Хэтфилд «в течение их отпуска для работы в министерстве обороны».

«Если г-н Гилпатрик и мисс Хэтфилд покинут министерство обороны и не вернуться на службу в фирме «Крават, Суэйн и Мур», их страховка, разумеется, будет аннулирована, — предупреждала фирма «Этна иншуранс компани». — Далее, если их отпуска будут продлены на срок более двух лет, вопрос о продлении действия страхования должен быть обсужден с нами».

Письма давали понять, что Гилпатрик находился просто во временном «отпуске», который не должен был продолжаться свыше двух лет. Однако сам Гилпатрик настаивал на том, что эта корреспонденция свидетельствовала о некотором недопонимании или ошибке со стороны канцелярских служащих в адвокатской конторе «Крават, Суэйн и Мур». По утверждению Гилпатрика, он просто-напросто «отказался от должности».

Слушание показаний, подвергавших сомнению утверждение Гилпатрика, что он «отказался от должности», началось 19 ноября 1963 года, за два дня до убийства президента Кеннеди. Трагическая смерть президента Кеннеди потрясла страну, и разбор дела о TFX прекратился.

Юристы министерства юстиции в своих письмах оправдали Гилпатрика и Корта, но деятельность этих лиц многим в конгрессе казалась противоречащей новому кодексу поведения, который президент Кеннеди с такой гордостью рекомендовал в 1961 году.

Министр обороны Макнамара заявил, что он знал все факты относительно Гилпатрика и Корта и не усматри-

вал в этом ни использования служебного положения в личных целях ни других нарушений этики. То, что говорит Макнамара, является в Пентагоне законом, и Гилпатрик оставался на посту заместителя министра обороны до 9 января 1964 года, когда возвратился в адвокатскую контору «Крават, Суэйн и Мур» в качестве одного из старших партнеров. Его длительное успешное сотрудничество с Макнамарой и президентом Джонсоном было отмечено тем, что в сентябре 1964 года Джонсон включил его в комиссию по изучению проблем нераспространения ядерного оружия.

Макнамара продолжал придерживаться своего плана строить самолет TFX на заводе «Дженерал дайнэмикс» в Техасе. Он не изменил своего решения даже тогда, когда расходы превысили почти на миллиард высокую заявку, сделанную «Дженерал дайнэмикс». При разработке самолета возникли десятки проблем, включая увеличение веса, что, как предупреждал адмирал Андерсон и другие, могло помешать применению самолетов на авианосцах. Военно-воздушные силы выразили неудовлетворенность в связи с тем, что скорость и маневренность TFX незначительно превосходили скорость и маневренность самолета F-4H, находившегося в то время в эксплуатации. Однако министр обороны Макнамара уже остановил свой выбор на варианте самолета TFX, предложенном «Дженерал дайнэмикс». После переименования в F-111A (вариант для военно-воздушных сил) и F-111B (вариант для военно-морских сил) он был запущен в производство, несмотря на оппозицию в Пентагоне и конгрессе. И вдобавок, когда Макнамара наконец согласился строить самолет, который должен был заменить бомбардировщик B-52, он «пробил» в качестве своего кандидата в новый бомбардировочный флот модифицированный вариант TFX — FB-111. Конгресс и Пентагон вначале недовольно ворчали, но потом согласились и ассигновали средства на FB-111; потому что Макнамара дал понять, что выбора у них нет: или FB-111, или ничего.

Макнамара сделал это вопреки мнению военных и несмотря на то, что в одном из докладов комиссии палаты представителей по вооруженным силам указывалось, что FB-111 не обладает дальностью, бомбовой нагрузкой и другими летно-техническими данными, позволяю-

щими ему должным образом выполнять задачи бомбардировщиков В-58 и В-52 последней модели.

Осенью 1966 года просочились сообщения о скандално высокой стоимости программы TFX, которые вновь побудили Макклеллана вскрыть грубую ошибку Макнамара, обошедшуюся в миллиарды долларов. Выдавая заказ, Макнамара указывал, что стоимость каждого самолета будет составлять 2,8 миллиона долларов. На самом же деле к лету 1966 года расходы на постройку каждого самолета возросли до более чем 6 миллионов долларов, и появились признаки того, что в военноморском варианте каждый самолет может стоить от 9 до 10 миллионов долларов.

В своей речи в сенате 16 августа 1966 года Макклеллан объявил о новом широком расследовании и просил помощи со стороны центрального финансового управления для преодоления барьера секретности, который Макнамара использовал, чтобы не допустить получения всей совокупности фактов о неудаче с TFX.

«Мы не ищем ничего другого, кроме правды, — заявил Макклеллан конгрессу. — Конгресс и народ нашей страны имеют право знать правду».

К этому времени Макклеллан пользовался поддержкой многих других членов конгресса, которые сомневались в возможности доверять Макнамаре и правильно его решений.

Атмосфера секретности, созданная Пентагоном, не позволяла получить подробные данные об издержках на самолет FV-111 и его характеристиках. Это вело к срыву усилий постоянной подкомиссии по расследованиям, возглавляемой Макклелланом. Министр обороны Макнамара по-прежнему отказывался представить подкомиссиям сената и палаты представителей по вооруженным силам нужную информацию. И хотя в этой связи периодически поступали жалобы от членов конгресса, произвол Макнамара в течение пяти лет не встречал сколько-нибудь серьезного противодействия.

17. РАСХОДЫ ПО СЕКРЕТНЫМ ФОНДАМ

Трудно сказать, сколько миллионов долларов Пентагон получает ежегодно на саботаж, диверсии и другие виды секретной деятельности. Эти расходы скрыты в различных рубриках громадных ежегодных ассигнований, и лишь несколько наиболее ответственных членов комиссий сената и палаты представителей по ассигнованиям имеют о них только самое общее представление. Поскольку значительные суммы из этих средств предназначаются для секретных выплат, то в отчетности они проводятся под различными условными наименованиями, а поэтому нет какого-то конкретного способа проследить, кто же из высокопоставленных лиц разрешил расходовать их на самые грязные виды международных интриг.

Пока страны вынуждены конкурировать в темных делах международного шпионажа и подкупа, для этих целей будут требоваться крупные суммы наличных денег, и огромный бюджет министерства обороны — одно из самых удобных мест скрыть их выплату. Поскольку источник выплаты должен быть скрытым, неизбежны значительные послабления в обычной практике учета выплаты миллионов долларов наличными ежегодно. Столь свободный метод учета крупных сумм наличных таит постоянную угрозу воровства в крупных масштабах и расходования средств не по назначению.

По одной из систем, принятых в Пентагоне, деньги для секретных целей получают наличными или в чеках ответственные лица, известные как «уполномоченные класса А». Эти уполномоченные могут получать деньги

на довольно обычные цели, но они могут также получать деньги для передачи другим лицам, выполняющим самые секретные задания.

Уполномоченные класса А, как правило, военные, занимающие высокие посты, считаются временными назначениями. Они получают в финансовом управлении сухопутных войск деньги в суммах, указанных контролирующим ревизором, а затем передают их третьим лицам, которые, в свою очередь, могут расходовать деньги через большое количество «каналов» на нужды министерства обороны или какого-либо другого правительственного учреждения.

Вся система финансового учета для многих уполномоченных класса А состоит из отчета о средствах, полученных от финансового управления, наличных денег и чеков в сейфе уполномоченного, а также так называемых расписок от государственных служащих и других лиц, которым производились выплаты. Даже беглого взгляда на эту систему достаточно, чтобы убедиться, что нечестный человек или группа лиц могут «подойти» ее на сотни тысяч долларов и прикрыть обман чеками и фиктивными расписками, которые призваны свидетельствовать о якобы произведенных выплатах.

При использовании секретных фондов часто не бывает текущего учета выплаты и возвращения денег. Даже расписки, которые можно было бы использовать для частичной проверки финансовой деятельности отдельного лица, при возвращении аванса или представлении другого документа, оправдывающего расход средств, возвращались выдавшим их лицам, а не погашались и не хранились уполномоченными класса А в виде части постоянного учета. Отдельные уполномоченные по собственной инициативе иногда пытались вести постоянный учет какого-то вида, однако это не было обычной практикой.

Джемс Роберт Лофтис, помощник по административным вопросам министра обороны Роберта Макнамары, непосредственно отвечал за бюджетно-финансовый отдел канцелярии министра обороны. Джон Арчибальд Уайли был начальником бюджетно-финансового отдела канцелярии министра обороны, имел право назначать уполномоченных класса А и нес ответственность за установление правил и порядка контроля над расходованием наличных средств.

Уильям Герман Годел, заместитель начальника управления перспективного планирования научно-исследовательских работ, совершил много поездок во Вьетнам и другие районы со значительными суммами наличных денег, которыми его снабжал Уайли через одного из уполномоченных класса А. Считалось, что деньги, которые были у Годела во время этих поездок, предназначались для весьма щепетильных заданий, связанных с оказанием помощи вооруженным силам Южного Вьетнама.

Естественно, время от времени появлялись слухи об использовании крупных сумм не по назначению, поскольку было известно о фактах нарушения правил учета этих средств многими опытными военными и гражданскими лицами. Ревизорам центрального финансового управления не разрешалось проверять правильность расходования некоторых из этих средств. Кто мог проверить, что деньги действительно были вручены секретному агенту в Сайгоне, Берлине или Гонконге? Даже если деньги расходовались явно не по назначению, было трудно возбудить уголовное дело в условиях, когда в самой системе имелось столько лазеек. Кто из финансовых контролеров Пентагона, большинство из которых имеет невысокие звания, осмелится не поверить на слово или не принять явно неполную документацию о расходовании секретных фондов?

Если высокопоставленные чиновники и политические деятели на государственных постах были честными и энергичными, то в этом случае, вероятно, большая часть этих секретных фондов расходовалась по своему прямому назначению. Но халатность или нечестность наверху открывала возможности для разного рода проступков.

Осенью 1963 года выявились тревожные факты в связи с записями на некоторых счетах уполномоченных класса А. Обнаружилась недостача 2 тысяч долларов на одном счете, и необходимые деньги были быстро возмещены Джоном Уайли. Это встревожило Джозефа Уэлча, руководителя операций по ревизиям в канцелярии министра обороны. Почему же начальник бюджетно-финансового отдела должен выворачивать свои карманы, чтобы привести в порядок счет какого-то уполномоченного класса А?

Всего за несколько месяцев до этого Уэлч вел тщательное изучение счетов уполномоченных класса А. Он

обнаружил некоторые ненормальности, которые, как казалось, были незначительными, и большую их часть отнес за счет небрежности, даже когда предупреждал, что в будущем намерен ввести более строгую отчетность.

Способ, с помощью которого Уайли покрыл недостачу, был таким же непонятным, как и сама недостача. Имелись и другие подозрительные случаи, которые заставили молодого руководителя ревизионных операций принять решение о внезапной одновременной проверке кассовой наличности у всех уполномоченных класса А в канцелярии министра обороны.

Во время этой ревизии, проводившейся 29 октября, ревизоры обнаружили, что в кассе недостает нескольких тысяч долларов, помимо квитанций, подписанных Джоном Уайли. Уайли в тот день не было в его кабинете в Пентагоне, и поэтому рано утром на следующий день Уэлч и Юджин Вейдбонкер, один из его ревизоров, пошли в кабинет начальника бюджетно-финансового отдела. В установленном порядке они попросили допустить их ко всем счетам уполномоченных класса А, находившихся в распоряжении Уайли.

Это было тяжелым испытанием для Уайли, который, казалось, не должен был подвергаться допросам ревизоров министерства обороны. Столь же трудным этот момент был и для Уэлча, молодого руководителя ревизоров, который на служебной лестнице гражданской государственной службы занимал место на пять ступеней ниже ранга GS-18, занимаемого Уайли. Уэлчу грозили серьезные неприятности, если бы Уайли сразу занял твердую позицию. Но его реакция на просьбу Уэлча о допуске к отчетным документам была весьма странной. Уайли заявил, что ему понадобится некоторое время для приведения своего счета в порядок. Он предложил, чтобы Уэлч и Вейдбонкер прошли к нему через несколько часов, тогда он подготовит счета.

Эта просьба казалась разумной, но Уэлч заявил, что его долг ревизора требует, чтобы он оставался в кабинете, пока Уайли будет готовить документы к ревизии. Последовало длительное тягостное молчание, во время которого Уайли продолжал сидеть в своем кресле, уставясь на Уэлча, и не делал никаких попыток предоставить ревизорам какую-либо информацию.

Джон Уайли в течение многих лет был близок к вы-

сокопоставленным гражданским служащим Пентагона. Он работал ежедневно со Струвом Гензелем, который был генеральным юрисконсультom министерства обороны и позднее помощником министра обороны, отвечающим за вопросы международной безопасности. Гензель во всем доверял ему. Доверяли ему и бывший помощник министра обороны Фред Ситон и бывший заместитель министра обороны Роберт Андерсон.

При появлении Уэлча в его кабинете Уайли почему-то потерял обычную для него уверенность. Он молчал и не представил руководителю ревизоров необходимых документов. Поняв, что Уайли не собирается выполнять его просьбу, Уэлч направился к Лофтису — непосредственному начальнику Уайли. Вейдбонкер остался в кабинете Уайли, чтобы держать его под наблюдением. Как только Уэлч ушел, Уайли встал и направился к шкафу, просмотрел несколько папок и затем прошел в кабинет чиновника по финансам Карла Фишера. Хотя Вейдбонкер следовал за ним по пятам, он не расслышал, что прошептал Уайли Фишеру.

Уайли вернулся к себе в кабинет, и вскоре туда вошел Фишер, который передал Уайли коричневый конверт. Уайли открыл его, вложил чек, который находился у него в кармане, и сунул конверт во внутренний карман пиджака.

Чуть позже вернулся Уэлч, но Уайли продолжал отказываться предоставить ревизорам отчет о деньгах и попросил переговорить с Лофтисом. Все трое вошли в кабинет Лофтиса, где их встретили Лофтис и Лендман, помощник генерального юрисконсульта по финансовым вопросам. Тогда Лендман попросил Уайли дать общую оценку состояния фондов, которую требовали ревизоры. Уайли заявил, что он ответствен приблизительно за 9800 долларов. При этом он достал конверт из внутреннего кармана своего пиджака, положил его на стол, вынул стодолларовый банкнот из своего бумажника, положил ее рядом с конвертом и сказал, что вот деньги, за которые он несет ответственность.

Вынуть деньги из конверта было обязанностью Вейдбонкера. В конверте оказалось 5600 долларов наличными и чек на 4 тысячи долларов, подлежащий уплате Уайли и его жене Гарриете Уайли.

Уэлч и Вейдбонкер очень удивились, когда Уайли упомянул сумму 9800 долларов, так как считали, что он ответствен только за 7400 долларов. Даже тот факт, что Уайли, по-видимому, имел больше денег, чем требовалось, вызвал новые подозрения, особенно в момент, когда было совершенно неуместным отчитываться за деньги, заимствованные у уполномоченных класса А, чеком и личными деньгами. Уэлч указал на эти нарушения и передал дело Лофтису и Лэндману с предложением, чтобы генеральный инспектор провел полное расследование для установления всех фактов, связанных с нарушением отчетности.

Утром 1 ноября 1963 года Уайли, Годел и майор морской пехоты Уильям Корсон встретились, чтобы позавтракать в мотеле поблизости от Пентагона. Годел, служивший в морской пехоте в первой и второй мировых войнах, был гражданским служащим министерства обороны с 1951 года и занимал пост 18 класса по табели о рангах гражданских служащих. Вместе с Уайли он работал несколько лет, и именно Уайли договорился с уполномоченными класса А, чтобы Годел получал крупные суммы из тайной кассы для своих поездок на Дальний Восток, где он играл активную роль в создании некоторых центров по разработке и испытаниям боевой техники в Южном Вьетнаме. Майор Корсон, уполномоченный класса А, определенный на работу Годелом, договорился об изъятии какой-то части денег, которые были выданы Годелу якобы для осуществления некоего весьма секретного государственного проекта.

Уайли позвонил им в предыдущий вечер, чтобы устроить эту встречу за завтраком, и дал понять Годелу и майору Корсону, что не желает говорить с ними в Пентагоне. Уайли спросил майора Корсона, был ли проверен ревизорами его счет класса А. Офицер морской пехоты ответил: «Вы знаете, что да. Это было месяц назад». Майор Корсон в то время не знал, что его счет был случайно пропущен при внезапной ревизии, которую Уэлч провел всего за два дня до этого разговора.

Ничем не показав своего волнения, Уайли рассказал Годелу и Корсону о посещении ревизоров утром предшествующего дня. «Они пришли ко мне в кабинет и потребовали предъявить к проверке наличные деньги. Мне пришлось выслушать упрек за то, что на часть подотчет-

ных сумм я предъявил свой банковский чек». Затем Уайли поинтересовался некоторыми подробностями расчетов с Корсоном, своих и Годела.

Годел, почувствовав, что грозит какая-то неприятность, сказал: «На случай, если возникнут трудности, у вас имеется на выбор три выхода: вы можете постараться возместить деньги, если их недостает, или же, если дело серьезное, я предложил бы вам пойти к начальству и все объяснить ему. В худшем случае я предложил бы вам подыскать себе хорошего адвоката».

Возвращаясь в Пентагон на машине с Годелом, майор Корсон согласился привести свои счета в порядок и дать Годелу и Уайли информацию о расчетах с ним. Однако Уэлч и его ревизоры узнали о существовании счета майора Корсона.

Утром в следующий понедельник — это было 4 ноября — Уэлч сделал повторную проверку счетов класса А и нашел расписки Уайли на 550 и тысячу долларов и расписку Годела на 3031 доллар в записях по счету майора Корсона.

Кроме того, в отчетности майора Корсона были обнаружены два государственных чека, один на 2055 и другой на 5800 долларов. Проверка показала, что чек на 2055 долларов являлся платежом, сделанным из специального фонда на непредвиденные случаи для использования г-ном Лофтисом, а чек на 5800 долларов поступил из средств министерства армии. Уэлч нашел очень «необычным для уполномоченного класса А канцелярии министра обороны получать деньги от представительственного фонда министерства армии».

К этому времени у Уэлча уже не было никакого сомнения в том, что все это дело требовало по возможности самого тщательного расследования, и он передал его управлению расследований министерства обороны для исполнения.

К 5 ноября стало очевидным, что нарушения в счетах уполномоченных класса А были серьезными, и по распоряжению министра обороны всем уполномоченным класса А было предложено закрыть свои счета и предъявить кассу назначенным лицам финансового отдела. Когда майор Корсон прибыл на следующее утро предъявить свои документы и фонды, его встретил Уэлч и в присутствии Лофтиса указал на то, чтобы он получил

Наличные деньги от Годола и Уайли для возмещения расписок, которые он имел в своем распоряжении. Уэлч сказал, что деньги должны быть возвращены немедленно, и установил предельный срок — 14 часов 30 минут.

Корсон вышел, чтобы найти Уайли, и встретил его в коридоре кольца «Е» Пентагона. Хорошее настроение Уайли улетучилось, когда майор Корсон сказал, что ему придется возратить 1550 долларов до 14 часов 30 минут. Корсон прошел вместе с ним в его кабинет, где Уайли в состоянии некоторой тревоги позвонил по телефону. Майору Корсону он сказал: «Я вернусь в 13 часов 30 минут или около этого с деньгами». В 13 часов 30 минут Уайли вошел в свой кабинет, отсчитал наличными 1550 долларов майору Корсону, попросил расписки, которые находились в папке класса А, и разорвал их.

Годелу пришлось потрудиться, чтобы заполучить за такой короткий срок 3031 доллар. Он сказал майору Корсону, что они у него будут, когда он вернется с завтрака. Во время завтрака в одном из мэрилендских мотелей Годел продал свою машину Роберту Фелпсу, приятелю по коммерческим операциям, за 2195 долларов. К сожалению, он вернулся в Пентагон после 14 часов, когда банки закрываются, и не смог обратить чек в наличные деньги, которые ему необходимо было отдать майору Корсону. Он объяснил свое затруднение и вместе с Корсоном зашел в помещение ювелирной фирмы «Дэвид Манн джуилри компани», расположенное в главном вестибюле Пентагона.

Вице-президент ювелирной фирмы был приятелем Годола и согласился помочь ему обменять чек на деньги. По просьбе вице-президента фирмы директор ювелирного магазина принял от Годола чек и выдал ему 2000 долларов наличными. Годел поспешил к себе в кабинет, достал из сейфа 1031 доллар и вернул долг Корсону.

Уайли и Годел покрыли свою задолженность по счетам класса А, однако расследование дела об использовании ими этих средств продолжалось. Каждый новый день приносил новые свидетельства того, что в существующем порядке использования секретных фондов далеко не все гладко.

Уайли имел право назначать уполномоченных класса А, но у него не было никаких оснований получать

какие-либо фонды. Годел имел право получать большие суммы наличными от уполномоченных класса А, но его указания майору Корсону в отношении отчетности за эти средства были очень нестрогими, а какого-либо твердого порядка в учете не существовало.

Уайли пользовался репутацией человека, живущего на широкую ногу. Банковские документы позволили четко представить, каким образом Уайли вдруг стал обладателем катера стоимостью 12 600 долларов. Как показывали записи в документах, 15 марта 1963 года Уайли открыл счет в национальном банке округа Фэрфакс, внося 7257 долларов. 26 марта на счет Уайли со счета уполномоченного класса А поступило еще 6500 долларов. Запись в банковских книгах от 30 марта показывала выплату 8 тысяч долларов по чеку, выписанному 22 марта в счет платежей за катер Уайли.

Записи в банковском счете бывшего уполномоченного класса А полковника морской пехоты Томаса Брендиджа показывали, что в марте 1962 года Уайли вручил ему личный чек на 1500 долларов вместо обычной расписки, выписываемой при получении авансов. Полковник держал чек недолго и предъявил его для оплаты. Когда 10 апреля чек был направлен в банк для оплаты, его вернули, поскольку счет Уайли не имел «достаточных фондов». По совету Уайли полковник Брендидж подождал две недели, затем снова предъявил чек к оплате. На этот раз чек оплатили.

По мере того как развертывалось расследование и опрашивалось все больше уполномоченных класса А, было обнаружено, что Уайли использовал свое положение начальника бюджетно-финансового отдела для получения информации о предстоящих ревизиях. Это позволяло ему предупреждать уполномоченных класса А, когда их счета могут быть подвергнуты ревизии, и организовывать получение уполномоченными наличных денег с тем, чтобы в момент посещения ревизора не было ни одного сомнительного личного чека и рукописной расписки в счетах.

Полковник Брендидж рассказал о случае, когда Уайли, возместив деньги по своим неоплаченным распискам как раз перед самой ревизией счета Брендиджа по классу А, вскоре после ухода ревизора забрал наличные деньги и вместо них вновь положил личные чеки и руко-

писные расписки. Манипуляции такого типа могли продолжаться вечно, пока Уайли имел возможность получать предупреждения о ревизиях и пока не было одновременной ревизии всех уполномоченных класса А, какую предпринял Уэлч.

Брендидж заявил, что и Годел приводил свой счет в порядок таким же способом, как Уайли.

Подобно Уайли Годелу не чуждо было помещение больших сумм государственных денег на свой личный счет в банке. Самый сомнительный из этих вкладов касался аванса в сумме 10 тысяч долларов, которые Годел получил для работы по специальной боевой подготовке во Вьетнаме. Эти деньги были переданы Годелу в начале июня 1961 года. 30 июня, после его возвращения из Вьетнама, Годел индоссировал 3 тысячи долларов из этих средств на Уайли, и Уайли оплатил чек в тот же день. Другой кассовый чек на 5 тысяч долларов, авансированных Годелу в начале июня 1961 года, позже был обменен на аккредитивы в сумме 2500 долларов и кассовый чек на 2500 долларов, подлежащие выплате Годелу. Кассовый чек через несколько месяцев был зачислен на личный счет Годела.

Следователи обратили особое внимание на 10 тысяч долларов наличными, которые Годел взял в поездку во Вьетнам в июне 1961 года. Когда Годел вернулся, он представил оправдательный документ на расходование 10 тысяч долларов без детализации расходов. Этот документ о расходах содержал примечание, что «документы, необходимые для подтверждения этой операции, находятся в делах канцелярии министра обороны, в бюджетно-финансовом отделе». Следователи не смогли обнаружить расписок или найти кого-нибудь, кто видел их.

В первые дни расследования некоторые уполномоченные класса А и другие подчиненные проявляли нежелание сотрудничать со следователями и только нехотя отвечали на вопросы об обращении с секретными фондами. Для этого имелось два основания. Поддаваясь требованиям начальников, некоторые из них допускали большую халатность в обращении с секретной кассой. И к тому же, как объяснил один из них позже юристу из министерства обороны: «Я просто не верил, что из этого расследования что-либо получится. Я чувствовал,

что если крикну: «Держи вора!» — мне впоследствии не поздоровится».

Старший ревизор Уэлч был одним из немногих, кто настойчиво требовал, чтобы высокопоставленные лица, имеющие дело с тысячами долларов в секретной кассе, подчинялись законам подобно тому, как отвечали бы в подобных условиях государственные служащие нижнего звена. И хотя существование коррупции и упущений со стороны высокопоставленных служащих привело в замешательство канцелярию министра обороны, Уэлча поддержали, и дальнейшее расследование возглавил помощник генерального советника в канцелярии министра обороны Фрэнк БарTIMO.

7 января 1964 года Уайли предупредили, что министр обороны Роберт Макнамара намерен освободить его от должности начальника бюджетно-финансового отдела, и через неделю после этого его дело направили в министерство юстиции.

Хотя Уайли и предупредили, что он будет отстранен от должности, 4 февраля ему разрешили подать заявление на получение пенсии по инвалидности и остаться на денежном довольствии министерства обороны. Комиссия по делам гражданской службы предоставила ему пенсию по инвалидности в апреле с условием, что это решение вступит в силу 12 июня, в день, когда истечет срок действия права Уайли на получение ежегодного отпуска и отпуска по болезни. С этого дня Уайли начал получать полную пенсию по инвалидности в сумме 516 долларов в месяц, несмотря на тот факт, что свидетельские показания и улики продолжали накапливаться, во все большей степени определяя его участие в заговоре с целью обмана министерства обороны.

В январе 1964 года, через неделю после того как Уайли сообщили, что он будет смещен, министр обороны Макнамара приказал провести реорганизацию финансовых органов в канцелярии министра, в соответствии с которой все функции бюджетно-финансового отдела передавались из его личной канцелярии в канцелярию финансового контролера министерства обороны. Другие обязанности, которые выполнялись Лофтисом как руководителем этих подразделений, передавались помощнику министра обороны по людским ресурсам.

В начале февраля Лофтиса уведомили о том, что его должность ликвидируется по «сокращению штатов». Хотя Лофтису в это время было всего пятьдесят два года, это позволило ему воспользоваться правом на выход в отставку по собственному желанию с более приличной пенсией, чем он мог бы получить при принудительном увольнении в отставку. Лофтис вышел в отставку 28 марта 1964 года с государственной пенсией в размере 735 долларов в месяц. Позже этот факт стал предметом острой критики в сенате.

Самые суровые действия министерство обороны приняло в отношении Годела. До 16 июля 1964 года его предупредили об отстранении от должности, освободили от всех обязанностей, и 24 августа он был уволен с работы. Поскольку Годела уволили, он не имел права на получение таких пенсионных выгод, какие продолжали получать Лофтис и Уайли. Ему должны были вернуть 13 199 долларов, которые он вносил в фонд отставников в виде процента из своей зарплаты, но в его просьбе вернуть ему эти деньги было отказано до принятия окончательного решения о его возможной задолженности государству в связи с разбазариванием секретных фондов.

16 декабря 1964 года большое жюри окружного суда США в Александрии, штат Виргиния, предъявило обвинение Уайли, Годелу и Лофтису, а Герберт Миллер, бывший в то время помощником министра юстиции по уголовным делам, назначил двух молодых способных юристов Качериса и Лэша представлять обвинение.

В обвинении, состоявшем более чем из сорока пунктов, указывалось, что Уайли и Годел вступили в заговор с целью присвоить секретные фонды путем подлога документов и принимали деньги, полученные от уполномоченных класса А, на свои личные счета. Указывалось, что из правительственных фондов незаконно присвоено 60 тысяч долларов. В шести пунктах обвинительного заключения Лофтис обвинялся в подлоге оправдательных документов и присвоении 3 873 долларов.

Уайли и Годела обвинили в заговоре, даче ложных показаний, растрате государственных средств и приговорили к тюремному заключению сроком на пять лет. Годел подал апелляцию. Уайли отказался от апелляции,

попал в тюрьму и выступал в качестве свидетеля обвинения, когда судили Лофтиса. Лофтиса оправдали по всем пунктам обвинения.

Еще во время судебного разбирательства сенатор Джон Уильямс, воинственный республиканец из штата Делавэр, написал в комиссию по делам гражданской службы письмо с требованием разъяснить обстоятельства, при которых Уайли и Лофтису позволили получать пенсию.

10 августа, то есть за две недели до того, как был уволен Гodel, сенатор Уильямс написал министру обороны Макнамаре, что он получил доклад о нарушениях порядка в обращении со средствами бюджетно-финансового отдела, о которых еще не сообщалось в печати. Он хотел получить все подробности, касающиеся замешанных в этом деле лиц, характера финансовых нарушений, действий, предпринятых против замешанных в этом деле лиц, и метода, с помощью которого они были уволены: то есть ликвидации должностей для обеспечения досрочного увольнения в отставку и т. д.

31 августа, через неделю после увольнения Гodelа, помощник министра по юридическим и законодательным вопросам Дэвид Макгифферт ответил, что Уайли «использовал свое право уволиться вместо отстранения от должности» в соответствии с положением о государственной гражданской службе, что Лофтис уволился в отставку по собственному желанию после того, как его должность была ликвидирована, а Гodel был «снят с должности 24 августа 1964 года». Макгифферт рекомендовал сенатору Уильямсу обратиться за дополнительными данными в комиссию по вопросам государственной гражданской службы, заверяя его, что ФБР продолжает проводить широкое расследование.

От комиссии по вопросам государственной гражданской службы сенатор Уильямс получил сведения о размерах пенсий, которые будут получать Лофтис и Уайли, а также полный перечень дополнительных выгод, полученных благодаря повышенным пенсиям. Ответ он получил лишь весной 1965 года — за несколько недель до того, как началось слушание дела Уайли и Гodelа в суде. Дело Лофтиса разбиралось отдельно.

Не желая поднимать лишней шумихи перед началом судебного разбирательства, Уильямс воздержался от критического выступления до окончания суда в мае 1965 года.

2 июня 1965 года Уильямс выступил в сенате с резкой критикой в адрес министра обороны Макнамары за то, что Уайли и Лофтису было разрешено уволиться в отставку с получением выгодных пенсий. Он сказал, что Пентагон, публично заявляя о продолжающемся рассмотрении дел Лофтиса, Уайли и Годола, в то же время предпринял «ряд довольно странных мер, вследствие которых двое служащих, подлежащих увольнению, получили возможность уйти в отставку и пользоваться такими привилегиями, которых они не заслужили».

Сенатор Уильямс заявил, что Уайли и Лофтис, если предположить, что они доживут до семидесяти семи лет (средняя продолжительность жизни), вместе получают за счет дополнительных выгод в связи с выходом в отставку 120 тысяч долларов сверх того, что они получили бы при законном оформлении увольнения.

Проследившая все подробности дела, сенатор Уильямс показал, как Уайли, осужденный растратчик государственных средств, «получит дополнительно 39 204 доллара потому, что будет числиться в ведомости на получение зарплаты с момента обнаружения растраты до тех пор, пока его не признают инвалидом».

Г-н Лофтис был вторым служащим, с которым мягко обошлись после того, как на него пало подозрение в растрате, указывал сенатор Уильямс. Сенатор сказал, что Лофтиса еще не отдали под суд, но у него нет никакого права на получение особых пенсионных выгод ни при каких обстоятельствах. Как отметил Уильямс, сразу же после того как в канцелярии Лофтиса было раскрыто преступление, дело подали таким образом, чтобы Лофтис «смог дополнительно получить 77 400 долларов сверх того, что он получил бы, имея обычную пенсию».

«Очевидно, у Годола не было приятелей в суде, — говорил сенатор Уильямс. — Его уволили. Даже его деньги из фонда отставников задержало министерство обороны. Трудно понять, как все это могло случиться. Особенно трудно это понять, если мы примем во внимание, что в то же самое время, когда имели место рассматри-

ваемые ныне преступления сотрудников канцелярии министра обороны, из авиационного училища нескольких курсантов исключают за обман, а других строго наказывают за то, что они знали об обмане и не донесли. Как может министерство обороны оправдать этот двойственный стандарт этики?» — спрашивал сенатор Уильямс.

Лофтиса судили в сентябре. Уайли, основной свидетель обвинения, показал, что Лофтис знал о нарушениях в обращении со средствами уполномоченных класса А. Уайли заявил также, что однажды он позаимствовал деньги из этих средств для Лофтиса и что они не были возмещены последним. Как признал Уайли, он покупал на государственные средства подарки, в том числе и для Лофтиса.

Уайли показал, что чек на 475 долларов, который он дал Лофтису, был выписан из государственных средств. Как показали два армейских полковника, они передали Лофтису из фондов секретной кассы 2 тысячи и тысячу долларов.

Лофтис в суде не выступал в защиту своей репутации, полагаясь на показания свидетелей, а те характеризовали его как честного человека. Адвокат Лофтиса сделал все, чтобы дискредитировать Уайли как осужденного заговорщика, растратчика и фальсификатора государственных документов.

В своем обращении к присяжным адвокат Лофтиса признал, что его подзащитный допустил халатность в обращении со счетами уполномоченных класса А, но, утверждал он, никаких доказательств о соучастии Лофтиса в преступлении нет, за исключением выступления Уайли, который осужден как растратчик. Адвокат обвинил Уайли в том, что тот вступил в сделку с государственным обвинителем, чтобы добиться смягчения наказания для себя.

Присяжные совещались два часа, прежде чем вынесли оправдательный приговор Лофтису, обвиненному в растрате и даче ложных показаний.

И после того как Лофтис попал под суд, он не лишился благосклонности со стороны своих друзей из Пентагона. Один из них даже сделал ему протекцию в устройстве на должность с окладом 25 тысяч долларов в год в корпорации «Коммьюникейшн сателайт корпорейшн».

Заместитель министра обороны Сайрус Вэнс заявил президенту и главному администратору «Коммьюни-кейшн сателайт корпорейшн» («Коммса-т») Джемсу Мак-кормаку, что со стороны министерства обороны не будет возражений, если Лофтиса примут на должность директора по вопросам организации труда и планирования найма рабочей силы. После оправдания Лофтиса прошло всего несколько месяцев, когда Маккормак посетил Вэнса, чтобы узнать, не окажет ли прием Лофтиса на работу отрицательного влияния на отношения между министерством обороны и «Коммса-том» — корпорацией, созданной правительством.

«Ни в коей мере», — ответил Вэнс. Он сказал, что рассматривает оправдание Лофтиса в суде как подтверждение его безупречной репутации. Заместитель министра обороны заявил, что он не знаком с протоколами судебного разбирательства по делу Лофтиса о небрежном обращении с секретным фондом и что не просматривал дела министерства обороны или министерства юстиции перед тем, как вручить Лофтису рекомендательное письмо для устройства на работу.

«Я не думаю, что он (Лофтис) был очень хорошим администратором», — сказал Вэнс, разъясняя, что именно это было основной причиной ликвидации должности, которую занимал Лофтис как помощник Макнамары по административным вопросам.

Как подметил сенатор Джон Уильямс, за период разбирательства дела Лофтиса по расходованию секретных фондов правительства последний заметно увеличил свои доходы. «Этот самый человек в настоящее время получает доход в 33 820 долларов в год, то есть зарплату в размере 25 тысяч долларов от «Коммсата» и государственную пенсию в размере 8820 долларов, — заявил сенатор Уильямс в сенате 18 июля 1966 года. — Вот вам человек, который, будучи обвиненным в растрате два года назад, оставил место на государственной службе с окладом 20 тысяч долларов и теперь получает 33 820 долларов».

С трибуны палаты представителей конгрессмен Гросс упрекал Вэнса в том, что он проявил неоправданную готовность помочь Лофтису в получении высокооплачиваемой должности.

«Трудно поверить в то, что заместитель министра Сайрус Вэнс, второе лицо в министерстве обороны, помогал убирать препятствия с дороги, чтобы назначить Лофтиса на должность с окладом 25 тысяч долларов, — говорил Гросс. — Если он не был хорошим администратором в Пентагоне за 20 тысяч долларов в год, то какие имеются основания полагать, что он будет хорошим администратором в «Коммсате» за 25 тысяч долларов в год и при этом благодаря министру Макнамаре будет получать государственную пенсию в размере 8820 долларов в год».

Хотя следствие и судебный процесс ограничились расследованием деятельности этих трех лиц в период с 29 мая 1961 года по 6 ноября 1963 года, они дали полное представление о проблемах контроля за поведением лиц, в распоряжении которых находятся миллионные средства секретных фондов. Даже если отвлечься от проблемы уголовной ответственности, высокопоставленные лица Пентагона были обвинены в крайне неряшливом обращении с крупными суммами денег.

18. БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Боевая готовность сухопутных войск не считалась спорным вопросом в начале 1965 года, когда происходила быстрая эскалация войны во Вьетнаме. Споры разгорались в отношении снятия с вооружения пилотируемых бомбардировщиков, неудачи с постройкой большого количества атомных надводных кораблей, ликвидации баз и планов слияния резерва и национальной гвардии, но предполагалось, что министр обороны Роберт Макнамара занимает правильную и твердую позицию в вопросе о боевой готовности американской армии.

Правительства демократов, заняв позицию, прямо противоположную позиции правительства Эйзенхауэра, который основную надежду возлагал на сдерживающую мощь «массированного возмездия», во многом выполнили планы подготовки сухопутных войск к ведению «ограниченных войн». Министр обороны Макнамара следовал рекомендациям генерала Максвелла Тэйлора, поэтому расходы стремительно превзошли 50 миллиардов долларов в год, и все больше средств выделялось для модернизации сухопутных войск.

Во время берлинского кризиса, а также наращивания сил и средств в 1961 году стало очевидным, что действовавшая тогда система оценки готовности сухопутных войск не соответствовала требованиям. Отчеты о готовности сухопутных войск составлялись всего лишь раз в шесть месяцев, и они, конечно, не давали ясной картины в отношении боевого состояния каждого отдельного соединения и части. Они позволяли получать только самые

общие оптимистические оценки, которые, казалось, основывались скорее на желании выполнить боевую задачу, чем на точном определении того, имелись ли пригодная боевая техника и обученный личный состав для успешного решения боевых задач.

В 1963 году министр обороны Макнамара установил новую систему оценки боеготовности дивизий. Командиры частей и соединений были обязаны каждые три месяца представлять подробный доклад о личном составе, боевой подготовке и службе тыла. Эти доклады направлялись по команде для рассмотрения и принятия необходимых мер.

По этой системе в сухопутных войсках создавалась ступенчатая структура оценки уровня боевой готовности (от С-1 до С-4) при условии, что доклады командиров частей были точными и сопровождались принятием надлежащих мер по устранению недостатков; министерство обороны оказывалось в гораздо лучшем положении в смысле оценки боевой готовности дивизий.

В последние месяцы 1964 года и в первые недели 1965 года следователи сенатской подкомиссии по вопросам боевой готовности столкнулись с фактами, указывавшими на то, что готовность дивизий не всегда такая, какой она представлялась в докладах. 25 января 1965 года председатель подкомиссии Джон Стеннис, демократ от штата Миссисипи, испросил у своей подкомиссии по вопросам боевой готовности полномочий для проведения широкого изучения готовности сухопутных войск. Изучение получило единодушное одобрение, поскольку предполагалось, что оно будет обычным и не требующим много времени делом. Советник комиссии Джеймс Кендалл и штатные следователи Гиллеас, Шоу и Френч тотчас же приступили к обследованию сухопутных войск, состоявших из двадцати двух дивизий: шестнадцати кадровых и шести дивизий национальной гвардии первой очереди. В Европе в составе 7-й армии находилось пять боевых дивизий, в Корее — две, на Гавайях — одна и в континентальной части Соединенных Штатов — восемь.

Первое обследование затронуло восемь дивизий, размещенных в Соединенных Штатах. Гиллеас и Френч лично инспектировали четыре дивизии: 101-ю воздушно-десантную дивизию в Форт-Кэмпбелле, штат Кентукки; 82-ю воздушнодесантную дивизию в Форт-Брегге, штат

Северная Каролина; 4-ю пехотную дивизию в Форт-Льюисе, штат Вашингтон, и 2-ю бронетанковую дивизию в Форт-Худе, штат Техас.

За время, прошедшее с начала обследования до слушания этого вопроса в середине мая 1965 года в конгрессе, численность войск Соединенных Штатов во Вьетнаме значительно выросла. Войска США, кроме того, использовались в Доминиканской Республике.

В ходе расследования Гиллеас и Френч, к своему удивлению, обнаружили значительный, с их точки зрения, некомплект боевой техники и запасных частей в обследованных ими четырех дивизиях, размещенных на территории США. По некомплекту и количеству негодной для использования техники определялась степень боевой готовности соединения.

Открывая слушание этого вопроса 13 мая 1965 года, Стеннис заявил, что «важно, чтобы конгресс был полностью информирован в отношении качества и количества имеющегося вооружения и снаряжения сухопутных войск и их способности выполнять поставленную перед ними задачу».

«Мы должны быть уверены в том, что имеем людей, боевую технику и имущество, необходимые для выполнения наших обязательств во Вьетнаме, Доминиканской Республике и в других местах, когда возникнут непредвиденные обстоятельства, — заявил Стеннис. — Равным образом мы должны быть уверены в том, что потребности, связанные с осуществлением этих действий, не приведут к недопустимому снижению боевой готовности и эффективности других соединений первой очереди на территории Соединенных Штатов и в других местах».

Проведенный Гиллеасом и Френчем опрос около двухсот военнослужащих, начиная от сержантов и кончая генералами, проходил в дружественной обстановке, и председатель Стеннис заверил присутствовавших в том, что это был «дружественный опрос, хотя он мог бы потом привести к отрицательным последствиям для опрашиваемых».

Достаточно было первого показания Гиллеаса, чтобы вызвать раздражение министра обороны, который был чрезвычайно чувствителен к критике, даже когда не делалось попыток возложить на него персональную ответственность. Гиллеас заявил, что имеется некомплект

боевой техники и недостаток запасных частей, а также упомянул о третьей проблеме — характере обслуживания боевой техники.

Многие подробности, касающиеся конкретных недостатков, нельзя было включить в протокол из соображений секретности. Однако в общих выражениях Гиллеас пояснил армейский термин «редкэт», означающий «уровень готовности, необходимой соединению или части для выполнения поставленных перед ними оперативных задач».

«К июлю 1964 года в сухопутных войсках обнаружили, что многие соединения и части не смогут достичь требуемого уровня боевой готовности из-за отсутствия или недостатка боевой техники и других средств, — показывал Гиллеас. — Поэтому в сухопутных войсках установили промежуточный уровень требований, названный «редкэп», что означает «боеспособность».

В рамках уровней «редкэт» и «редкэп» дивизии распределяются по категориям от С-1 до С-4. Гиллеас пояснил эти категории следующим образом: С-1 — соединение полностью готово и способно предпринять продолжительные боевые действия спустя сутки после получения приказа; С-2 — соединение способно предпринять длительные боевые действия при условии устранения некомплекта, минимальный срок перевода этого соединения в категорию С-1 составит пятнадцать дней; С-3 — соединение способно вести боевые действия только в течение короткого промежутка времени, состояния С-1 может достичь за тридцать дней; С-4 — соединение не способно вести боевые действия.

По словам Гиллеаса, серьезный некомплект боевой техники вынуждал некоторые дивизии оставаться на уровне С-4. Пентагон быстро принял надлежащие меры для улучшения состояния готовности, но едва ли эти меры были такими, каких ожидали Гиллеас и Френч. В штатно-организационном расписании была просто уменьшена численность личного состава дивизии и сокращено количество боевой техники, обеспечивающее боевую готовность соединения.

«Командование армии США ввело новое штатное расписание, которое еще больше урезает количество боевой техники в дивизиях, — разъяснил Гиллеас. — В сущности говоря, это ведет к сокращению численности ди-

дивизии на тысячу человек — с 13 500 до около 12 500 человек и, следовательно, к сокращению количества боевой техники». Таков один из способов, с помощью которого решались некоторые трудности, связанные с некомплектом.

Гиллеас заявил, что он не критикует метод, с помощью которого решается проблема некомплекта, а лишь устанавливает факты для рассмотрения их подкомиссией по вопросам боевой готовности. Он привел конкретный пример того, как устранялся некомплект пулеметов калибра 7,62 мм в соединениях, размещенных в континентальной части Соединенных Штатов.

«В настоящее время согласно штатно-организационному расписанию не существует некомплекта по этому виду оружия, но фактически произошло сокращение количества пулеметов дивизии более чем на двадцать единиц».

Гиллеас показал, как 101-я воздушнодесантная дивизия «пополнила» нехватку в самолетах-корректировщиках и вертолетах общего назначения также путем изменения штатно-организационного расписания.

Заявление командира дивизии об этом изменении в штатном расписании подкомиссии представил Гиллеас. Оно не было оставлено в протоколе цензорами Пентагона по соображениям безопасности, но сенатор Солтонстолл в своем выступлении ясно показал его смысл: «Я полагаю, что важным в докладе является последнее предложение... Очевидно, командир этой дивизии понимает, что в случае невыполнения дивизией какой-либо задачи он не будет нести ответственность».

В этой связи советник подкомиссии Кендалл указал на следующее: сокращение количества некоторой боевой техники по штатному расписанию не так сильно беспокоило командира дивизии, как то, что не было увеличено количество другого вида боевой техники, а это, по его мнению, могло бы удовлетворить минимальные потребности дивизии...

Секретность, обусловленная соображениями национальной безопасности, не позволила подкомиссии по вопросам боевой готовности уточнить размеры некомплекта, но можно было установить, что имела место нехватка в вертолетах, 88-мм реактивных установках, радио-

станциях и грузовых машинах грузоподъемностью 2,5 тонны.

По свидетельству Гиллеаса, в некоторых случаях боевые соединения получали достаточное количество радиостанций путем перераспределения изъятой из резерва отремонтированной аппаратуры. Он заявил, что это лишь пример того, как один компонент вооруженных сил укрепляется за счет другого. Фактически таким путем маскируется некомплект боевой техники.

«Когда мы были в Форт-Брегге в 82-й воздушнодесантной дивизии, нам сказали, что начальство забрало из резерва ... (вычеркнуто по соображениям секретности) машины и передало их другим частям в Форт-Брегге, чтобы 82-я дивизия могла получить машины более поздней модели, — сказал Гиллеас. — Это не самый лучший путь устранения некомплекта.»

Гиллеас подробно рассказал о снижении канцелярией министра обороны заявок сухопутных войск на необходимые им средства. Сокращение расходов на 632 миллиона долларов в 1966 финансовом году привело к сокращению расходов сухопутных войск на боевую технику с 2,6 миллиона долларов до примерно 2 миллионов долларов.

Председатель подкомиссии Стеннис и его персонал не считали, что министр обороны Макнамара обязан предоставить сухопутным войскам, военно-морским силам или военно-воздушным силам все те средства, которые они запрашивали. И они не рассчитывали видеть все боевые дивизии действующими со стопроцентной эффективностью и полностью оснащенными самой современной боевой техникой. Однако после роста ежегодных расходов до почти 50 миллиардов в течение пяти лет они предполагали найти все дивизии полностью оснащенными такими стандартными предметами боевой техники, как винтовка М-14, грузовики грузоподъемностью 2,5 тонны и радиоаппаратура.

Выступления следователей подкомиссии были поддержаны выступлениями помощника начальника финансово-контрольного отдела центрального финансового управления Гутманна, его помощника Флинна и инспектора по финансированию из центрального финансового управления Даниельса.

«Наши ревизии обычно позволяли обнаруживать, что боевая техника не соответствует уровню, который мог быть достигнут при более эффективном использовании имеющихся средств, — свидетельствовал Гутманн. — Например, в отчете за ноябрь 1964 года мы показывали по 19 соединениям первой очереди в Соединенных Штатах, что в... (опущено цензурой) боевых частях, обследованных инспекторами сухопутных войск под нашим наблюдением, существовали недостатки, ограничивающие их боевую готовность».

Гутманн заявил подкомиссии, что большая часть отчетов о готовности материальной части и имущества засекречивалась сухопутными войсками, и это не позволило центральному финансовому управлению выявить недостатки и обоснованно сформулировать свои выводы. Гутманн оперировал цифрами на 31 декабря 1964 года. Он разъяснил, что ревизоры центрального финансового управления испытывали трудности в получении текущей информации, а это позволяло министерству обороны занимать такую позицию, при которой оно могло публично заявить, что с момента последней проверки произошли лишь незначительные изменения. В ответ на вопросы сенатора Маргрет Смит, республиканки от штата Мэн, Гутманн объяснил, почему он считал, что неудовлетворительное состояние существовало вплоть до слушания этого вопроса в мае 1965 года.

«Поскольку мы докладывали о неудовлетворительном состоянии готовности в феврале 1962 года и сталкивались с неудовлетворительным положением еще и в декабре 1964 года и поскольку характер проблем, связанных с положением, которое я обрисовал здесь, своеобразен, по нашему мнению, можно с уверенностью утверждать, что за период с декабря до настоящего времени существенных изменений не произошло».

«Господин Гутманн, в вашем докладе очень убедительно говорится о недостатках в готовности боевой техники сухопутных войск, — заявила сенатор Смит. — Могли бы вы назвать фамилии должностных лиц, которые, по вашему мнению, несут за это ответственность?»

Гутманн представил список фамилий для внесения в протокол, в котором упоминались должностные лица от командиров рот до командиров дивизий и от командующих 7-й и 8-й армиями... до министра армии,

Заместитель начальника штаба армии генерал Эбрамс и помощник заместителя начальника штаба по тылу генерал-майор Чезарек признали правильность показаний и докладов ревизоров центрального финансового управления и подкомиссии Стенниса. Признавая недостатки, оба генерала утверждали, что «сухопутные войска находятся в самых лучших для мирного времени условиях за всю свою историю».

623 миллиона долларов, на которые министр обороны сократил бюджет сухопутных войск; говорили они, были необходимы для закупки вертолетов, машин, боеприпасов, запасных частей и других предметов снабжения. Но в то же время оба генерала избегали критиковать министра обороны за эти сокращения, взяв ответственность на себя (мол, они были не в состоянии предоставить достаточно убедительное доказательство того, что эта боевая техника имела существенно важное значение).

Боевая готовность армии, настаивал генерал Эбрамс, значительно улучшилась со времени проведения инспекции Гиллеасом и Френчем, и еще больше мер принимается в настоящее время.

«Дала ли проверка, проведенная Гиллеасом и Френчем, положительные результаты с точки зрения устранения недостатков?» — спросил Стеннис.

«Я должен честно признать, что она во многом содействовала этому», — ответил генерал Эбрамс.

«Если предположить, что господа Гиллеас и Френч не нанесли бы этих визитов вообще и мы не стали бы заниматься расследованием, — сказал Стеннис, — какой, по вашему мнению, была бы обстановка сегодня?»

«Возможно, что меры не были бы приняты так быстро, — ответил генерал Эбрамс, — но в то же время я должен сказать, что именно в этом направлении мы старались действовать».

Позже генерал Эбрамс назвал управление военного снабжения в качестве организации, отвечающей за обеспечение поступления запасных частей для проведения ремонта в соответствии с новыми, более централизованными операциями, которые ввел министр Макнамара. Почему-то изучение операций по проверке и снабжению не содействовало улучшению снабжения теми видами запасных частей, которые были необходимы во Вьетнаме.

Утверждая, что эти недостатки не создали никаких критических затруднений, генерал Эбрамс поспешил добавить: «Я не хотел бы создавать впечатления, что у нас нет проблем снабжения и технического обслуживания. Эти проблемы существуют. Однако мы совершенствуем нашу систему отчетности и боремся с недостатками».

Оба генерала не испытывали желания критиковать какие-либо решения канцелярии министра обороны, однако советник комиссии Кендалл заставил их объяснить, почему они соглашались на сокращение бюджета на 30 миллионов долларов, которые необходимы для ремонта самолетов и приобретения запасных частей.

— Министерство армии просило выделить 66 миллионов долларов, но эта сумма была сокращена (министром обороны) на 30 миллионов долларов, и был утвержден бюджет в сумме 36,7 миллиона долларов, — указал Кендалл.

— Это объясняется разницей во мнениях, наших и плановиков канцелярии министра обороны, относительно использования плановых запасов запчастей, — ответил генерал Чезарек.

— Обидело ли вас это и заденет ли это вас в будущем? — спросил сенатор Стеннис. — Вы здесь не для того, чтобы оправдывать действия министерства обороны. Мы хотим знать, каковы потребности армии и насколько они обоснованы. Если кто-то обошел вас, вам вовсе не обязательно мириться с этим.

— К сожалению, сэр, ответить на ваш вопрос можно будет через один-два года, — сказал генерал Чезарек.

— Вы должны высказать свое личное мнение об этом, — подталкивал его сенатор Стеннис.

— Мы считали, что эти деньги необходимы для закупки запчастей, — показал генерал Чезарек. — Мы просили их дважды.

— И сейчас ваше мнение не изменилось? — продолжал нажимать сенатор Стеннис.

— Мы все еще придерживаемся этого мнения, — наконец не выдержал генерал Чезарек.

— Острую нехватку грузовиков можно было предвидеть, но резкое сокращение средств оставило сухопутные войска с парком старых машин, которые следовало

заменить. Это следовало бы сделать, но не было сделано, — сказал генерал Эбрамс.

Канцелярия министра обороны сократила расходы на боеприпасы с 471 миллиона долларов до 344 миллионов долларов, и оба генерала заявили, что они согласны на это сокращение, хотя, по их мнению, на боеприпасы требовалось больше средств.

«Лично я чувствовал бы себя лучше, если бы у нас было больше денег на боеприпасы», — говорил генерал Чезарек, пытаясь как можно мягче выразить расхождение во мнениях с министром обороны.

В замечаниях некоторых членов комиссии сквозило неудовольствие тем, что представители сухопутных войск не проявили должной озабоченности сложившимся положением и уклонялись от критики руководства министерства обороны. Наиболее острым с этой точки зрения было выступление сенатора Тэрмонда, республиканца из Южной Каролины.

«Возможно, я неправ, но когда я слушал здесь ваши заявления, господа, у меня сложилось впечатление, что вы пытаетесь защищать позицию, занимаемую министерством обороны, — сказал Тэрмонд. — Министерство армии просило на 600 миллионов долларов больше, чем ему предоставили. С моей точки зрения, эти средства необходимы сухопутным войскам для пополнения некомплекта в боевой технике. И тем не менее вы пытаетесь без причин оправдываться. Честно говоря, мне это не нравится... Я думаю, что вы, люди в мундирах, должны быть готовы отстаивать свою точку зрения, даже если это означает, что вы не получите нового продвижения по службе и не получите никакой другой должности, которую вам, возможно, хотелось бы занять».

Как заметил генерал Эбрамс, с его точки зрения, представители сухопутных войск столь скверного впечатления не произвели.

Сенатор Стеннис заявил, выразив общее мнение, что Пентагон необходимо подтолкнуть на увеличение расходов на сухопутные войска, чтобы можно было вести боевые действия во Вьетнаме без ущерба для состояния подготовленности дивизий в Соединенных Штатах и Западной Европе. Он приказал своему персоналу подготовить официальный доклад об имеющейся нехватке боевой техники и об ответственных за это лицах в на-

дежде, что этот доклад потрясет общественность фактами. Доклад был одобрен членами сенатской подкомиссии по вопросам боевой готовности и в июле 1966 года направлен в министерство обороны для изъятия всех данных о фактах и цифрах, которые могут считаться секретными.

Но даже когда подкомиссия по вопросам боевой готовности слушала показания, касающиеся недостатка боевой техники, министр обороны Макнамара уверял комиссию по ассигнованиям сената и палаты представителей, что больше средств не требуется. Наши военные резервные запасы и уровень боевой техники, говорил он, таковы, что все боевые дивизии смогут вести боевые действия в течение продолжительного периода времени.

«Удовлетворение заявки на военный бюджет на 1966 финансовый год, рассматриваемой в настоящее время конгрессом, позволит обеспечить войска всеми средствами, в которых мы нуждаемся в настоящее время, с целью дальнейшего укрепления нашего военного положения и обеспечения возможности осуществления в будущем году любых боевых операций», — информировал Макнамара председателя комиссии по ассигнованиям палаты представителей Джорджа Мэхона 9 июня 1965 года.

Министр обороны заявил, что не видит серьезных трудностей, и пояснил, что «снижение наших расходов на оборону с максимального уровня 51,2 миллиарда долларов в 1964 финансовом году до предполагаемой цифры 49 миллиардов долларов в 1966 финансовом году лишь отражает факт завершения процесса накопления сил и средств, начатого в 1961 году».

«Хотя в данном финансовом году наша заявка не учитывает все пожелания министерств видов вооруженных сил, комитет начальников штабов считает, что данный бюджет позволит повысить боеспособность наших вооруженных сил и обеспечит поддержание их боевой готовности защищать жизненно важные интересы Соединенных Штатов», — заявил Макнамара комиссии по ассигнованиям палаты представителей.

В своем выступлении перед комиссиями по ассигнованиям министр Макнамара подчеркивал, что он расходует больше денег, чем предыдущий министр обороны. Регулярные ежегодные ассигнования на оборону с 1962 года

в среднем были почти на 9 миллиардов в год больше по сравнению со средней величиной обычных ежегодных ассигнований на оборону в период с 1958 по 1961 год. Расходы на закупку боевых самолетов для военно-воздушных сил возросли с 360 миллионов долларов в 1961 финансовом году до около 1 миллиарда долларов в 1966 финансовом году. Количество одних только вертолетов, закупаемых для армии, выросло с 286 в 1961 году до 935 в 1965 году. Ассигнования на 1966 финансовый год предусматривали закупку еще 1008 вертолетов.

Факты увеличения закупок оставались фактами, однако в комиссиях по вооруженным силам и по ассигнованиям было много демократов и республиканцев, которые не разделяли оптимизма Макнамары в отношении боевой готовности американских вооруженных сил. Они были готовы предоставить министерству обороны больше средств, если это требовалось для выполнения обязательств во Вьетнаме, на территории США или в любой другой части мира. Демократы добились того, чтобы в докладе ответственность за сокращение военных расходов была возложена на министра обороны.

Таков был конфликт между Макнамарой и конгрессом летом 1965 года, когда сенатор Стеннис лично вручил министру обороны копию весьма критического доклада сенатской подкомиссии по вопросам боевой готовности. Макнамаре, заявил сенатор Стеннис, следует делать больше в отношении повышения боевой готовности сухопутных войск, однако министр обороны отверг критику, манипулируя цифрами, показывающими, что он расходует гораздо больше денег и закупает больше боевой техники, чем ее приобреталось при правительстве Эйзенхауэра.

Сенатор Стеннис и члены подкомиссии по вопросам боевой готовности рассчитывали, что министерство обороны изучит доклад, исключит из него цифры, опубликование которых было бы нарушением положения о национальной безопасности, и вернет его для опубликования через несколько дней или в крайнем случае через несколько недель. А вместо этого Пентагон, сославшись на соображения национальной безопасности, засекретил весь доклад и не разрешил опубликовать даже какую-то его часть. Прошло несколько месяцев, а доклад все еще

оставался под замком. Сенатская подкомиссия по вопросам боевой готовности поняла, что добиться сотрудничества, какое существовало до написания этого критического доклада о боевой готовности сухопутных войск, трудно. Стеннис и его коллеги не получили ответов на вопросы, которые они задавали в Пентагоне, а письменные ответы на запросы об информации часто поступали не ранее чем через два — четыре месяца. Гиллеас, Фрежч, Шоу и другие, осуществлявшие обследования, натолкнулись на новые барьеры при попытках получить информацию от обследуемых дивизий, и канцелярия министра обороны предприняла действия, согласно которым все документы для сенатской подкомиссии должны были посылаться в Пентагон для рассмотрения с целью определения, соответствуют ли изложенные в них факты позиции, занимаемой министром обороны и другими гражданскими руководителями военных ведомств.

Были проведены другие обследования, и некоторые члены подкомиссии по вопросам боевой готовности лично совершили поездки для обследования дивизий армии во Вьетнаме и в других районах. Все выражали беспокойство, но министр обороны продолжал рисовать радужную картину.

Ассигнования, которые Макнамара отверг поздней осенью 1965 года, он попросил в январе 1966 года. 13,1 миллиарда долларов, запрошенные им, должны были пойти на приобретение дополнительного количества вертолетов, самолетов, обмундирования, боевой техники и запчастей. Дополнительные ассигнования повысили бы общую сумму расходов министерства обороны в 1966 финансовом году до суммы свыше 60 миллиардов долларов. Это привело к большому ажиотажу в закупках и расходованию крупных сумм, поскольку в кратчайший срок надо было приобрести необходимую боевую технику. Пентагону пришлось покупать технику по высоким ценам, чтобы ликвидировать некомплект в войсках. Такая закупочная политика не могла не вызвать острой критики в конгрессе.

Министр обороны утверждал, что намеченная им программа хорошо спланирована и четко выполняется. Он был явно раздражен критикой в свой адрес и созвал пресс-конференцию, на которой пытался ошеломить собравшихся потоком цифр и доказать, что вооружен-

ные силы находятся сейчас, когда необходимо направить более 200 тысяч солдат во Вьетнам, в гораздо лучшем состоянии по сравнению с периодом, когда надо было воевать в Корее. Макнамара высмеял корреспондентов газет и критиков из конгресса, которые утверждали, что он ответствен за имеющиеся недостатки, и только с одной-единственной ошибкой он пожелал согласиться, а именно с сокращением закупок вертолетов в 1965 году.

Полемика Макнамары с конгрессом усилилась в начале 1966 года, и казалось, что он подвергался подробному допросу по многим вопросам и в менее благоприятной обстановке, чем та, которая существовала при столкновениях с ним ранее. Все больше и больше сенаторов и членов палаты представителей готовы были подвергнуть сомнению взгляды министра обороны и факты о состоянии вооруженных сил, которые он приводил.

Задача Макнамары в лучшем случае была трудной. Определение уровня численности вооруженных сил всегда производится на основе научных исследований и практического опыта. Неизбежным было наличие различных мнений о том, что представляют собой должным образом сбалансированные вооруженные силы и что представляет собой надлежащая степень боевой готовности. Министр Макнамара имел большее влияние на принятие решений в области обороны, чем кто-либо другой за всю историю министерства обороны, и имелось немало людей, которых беспокоили его взгляды. Эти люди полагали, что даже человек, которого некоторые считали «лучшим министром обороны в истории», должен находиться под постоянным контролем. Самая тщательная ревизия решений министерства обороны может не выявить серьезных промахов, однако в конгрессе отстаивалось мнение, что законодательный орган страны должен иметь право и возможность проверки и оценки деятельности этого правительственного учреждения. К сожалению, понадобилась бы большая война, чтобы полностью проверить эффективность стратегии Макнамары.

19. РОСТ НЕДОВЕРИЯ

Член палаты представителей Джеральд Форд в качестве лидера республиканцев в палате представителей заявил на пресс-конференции в апреле 1966 года, что министр обороны Роберт Макнамара поразительно плохо руководит Пентагоном. Он коснулся широкого круга решений, принятых министром обороны, и особо сослался на некомплект боевой техники и оружия, явившийся следствием «плохого планирования».

Хотя Форд опирался большей частью на информацию, полученную в результате обследований, которые провела полудюжина комиссий сената и палаты представителей, сам он почти сразу оказался объектом обвинения «в безответственности» со стороны тех, кто верил утверждениям Макнамары, что изучение вопросов «эффективности затрат» позволило сэкономить миллиарды долларов.

Форд ожидал опровержений и контрнападения со стороны Пентагона, но его явно потрясло, когда лидер меньшинства в сенате Эверетт Дирксен заявил на пресс-конференции: «Я не видел доказательств поразительно плохого руководства в Пентагоне». Вопросы, заданные на пресс-конференции Дирксену, заставили его признать, что он не читал некоторых отчетов комиссий сената и палаты представителей и не предпринял никаких усилий, чтобы изучить информацию, накапливаемую для нескольких более критических докладов о действиях Пентагона.

Хитрый старый республиканец от штата Иллинойс не хотел принимать участие в серьезной политической борьбе

бе против сил военного ведомства, подкрепленных многими миллиардами долларов.

Политическая необходимость заставила его прочитать некоторые отчеты конгресса о деятельности Пентагона и критикующие его речи, произнесенные сенатором Джоном Стеннисом, но даже после этого Дирксен высказывал свою критику в адрес Макнамары в самых мягких тонах. Он не захотел присоединиться к оценке, данной руководству Пентагона в выступлении Форда, и заявил, что действия Макнамары следует рассматривать как «недооценку» или «серьезную недооценку».

Хотя энергичную позицию Форда республиканцы приветствовали аплодисментами, немногие отважились публично выступить с критикой Макнамары. Некоторые из тех, кто поддержал Форда открыто, сами оказались объектом острой критики. Их заставили усомниться в политической мудрости человека, который выдавал себя за «пророка от эффективности затрат».

К счастью для Форда, в апреле и мае 1966 года был выпущен целый ряд отчетов сената и палаты представителей, в которых содержалась острая критика министра обороны Макнамары. Почти все отчеты были подписаны членами комиссий, как демократами, так и республиканцами. В большинстве случаев именно демократы занимали самую энергичную позицию, независимо от того, касались эти отчеты недостаточной боевой готовности дивизий сухопутных войск, значительного некомплекта боевой техники в запасных соединениях, объявленного снятия с вооружения сверхзвуковых бомбардировщиков В-58 или нежелания Макнамары продвинуться вперед с созданием атомного подводного флота и противоракетной системы «Ника-Х».

Во время выступления министра обороны Макнамары в сенатской комиссии по ассигнованиям 4 августа 1965 года его спросили: «Сколько у нас теперь хорошо оснащенных и готовых вступить в бой дивизий?»

«Все дивизии хорошо оснащены, и все готовы вступить в бой, — ответил министр обороны. — У нас их шестнадцать».

«Вы хотите сказать, что шестнадцать дивизий хорошо оснащены, что у них есть все, в чем они нуждаются?» — спросил сенатор Аллен Эллендер с недоверием. Результаты сенатских обследований, все еще неопубли-

кованные, служили основанием для серьезных сомнений в отношении боевой готовности некоторых дивизий.

«Да, сэр, — с уверенностью ответил Макнамара. — Без всяких оговорок».

В противоположность заверениям министра обороны Макнамары обследования сенатской подкомиссии по вопросам боевой готовности показали, что некоторые дивизии сухопутных войск имели только 50-процентную боевую готовность согласно собственным стандартам министерства обороны; боевая готовность других составляла 75—80 процентов, а некоторые находились в состоянии, называемом «стадией обучения».

Осенью 1965 года Стеннис написал доклад, в котором обращал внимание на факты, не соответствующие утверждениям Макнамары о том, что все шестнадцать дивизий сухопутных войск боеготовны.

Не имея возможности опубликовать этот доклад, председатель Стеннис выступил осенью и зимой 1965 года с речами, в которых предупреждал, что министерство обороны, кажется, забирает боевую технику из запасов дивизий сухопутных войск в Европе и Соединенных Штатах для того, чтобы вести войну во Вьетнаме.

Министр обороны Макнамара продолжал уверять всех, что дивизии сухопутных войск полностью оснащены боевой техникой и боеготовны.

Следователи из подкомиссии Стенниса и других комиссий встречали все больше и больше затруднений при попытках получить информацию от министерства обороны. Ответы на просьбы об информации задерживались на два, четыре и шесть месяцев. Когда же требуемая информация поступала, она часто была неполной или настолько устарелой, что уже не имела больше ценности для установления состояния готовности дивизий сухопутных войск.

Вместо предоставления разрешений следователям конгресса действовать в соответствии с давно установившейся практикой получения информации непосредственно от командиров в войсках, министерство обороны требовало, чтобы все документы сначала представлялись в Пентагон для «рассмотрения и координации» до их направления в комиссии сената и палаты представителей.

«Это обстоятельство задерживало работу подкомис-

сии, — говорилось в отчете, опубликованном в мае 1966 года. — Важно указать на то, что все офицеры в войсках прекрасно сотрудничали с членами подкомиссии. Отказ предоставить документы отражает их подчиненность приказам Пентагона».

В докладе Стенниса специально рассматривалась боевая готовность четырех дивизий армии, размещенных в Соединенных Штатах: 4-й пехотной дивизии (Форт-Льюис, штат Вашингтон), 5-й пехотной дивизии (Форт-Карсон, штат Колорадо), 1-й бронетанковой дивизии (Форд-Худ, штат Техас) и 2-й бронетанковой дивизии, дислоцированной также в Форт-Худе. Все эти дивизии были признаны небоеспособными.

Стеннис и члены его подкомиссии понимали трудности, связанные с колоссальной эскалацией конфликта во Вьетнаме, но они все же выражали беспокойство, так как, по их мнению, министерство обороны не дало конгрессу ясной картины. В своем отчете подкомиссия по вопросам боевой готовности заявляла:

«Конгресс неоднократно информировали в прошлом о том, что Соединенные Штаты располагают шестнадцатью боевыми дивизиями сухопутных войск, которые являются боеготовыми и способными вести наземные боевые действия с противником в течение продолжительного времени. Озабоченность подкомиссии вызывает предположение, что если эти утверждения были правильными, когда их делали, то в этом случае ущерб для боевой готовности оставшихся на территории Соединенных Штатов дивизий сухопутных войск был бы минимальным в лучшем случае, если учесть, что мы направили в Южный Вьетнам только три с половиной дивизии сухопутных войск. Кроме того, эти дивизии там не заняты тем, что военные называют «непрерывными» боевыми действиями, а находятся в состоянии боевых действий «с перерывами».

В докладе заявлялось, что за несколько недель до выступления Макнамары в подкомиссии стало известно, что в этих дивизиях существует некомплект важнейших предметов военной техники. Хотя в положении с оснащением боевой техникой и наблюдалось «некоторое улучшение» в период с лета 1965 года по май 1966 года, подкомиссия обнаружила, что «запаса ряда важных предметов боевой техники по-прежнему мало...»

«Организационная структура регулярной армии и формирований компонентов национальной гвардии предусматривает создание частей усиления и обслуживания, которые с началом военных действий придаются боевым соединениям,— говорилось в докладе.— Однако, поскольку части усиления и обслуживания из состава национальной гвардии не были переведены в регулярную армию одновременно с соединениями, которым они должны придаваться, эти соединения пришлось использовать (вопреки планам) в качестве резервов для пополнения соединений, действующих во Вьетнаме, личным составом и боевой техникой. Конечно, при таком положении дел указанные соединения не могли поддерживать боеготовность на должном уровне».

Такая же полемика возникла в отношении мероприятий министра обороны Макнамары по уменьшению общей численности резервных компонентов армии США приблизительно на 150 тысяч человек, ликвидации резерва армии США и перестройке структуры соединений и частей в национальной гвардии как единственном остающемся резервном формировании сухопутных войск.

Как и обычно, Макнамара рекламировал свои действия как «эффективные с точки зрения уменьшения расходов» и позволяющие создать мощные вооруженные силы. Еще в 1965 году конгресс скептически отнесся к идее Макнамары о реорганизации резервных компонентов. Сенатская комиссия по ассигнованиям внесла поправку в закон по военным ассигнованиям на 1966 финансовый год, отвергающую план Макнамары и оставляющую существующие формирования резерва и национальной гвардии как отдельные организации. Поправка имела целью сделать обязательным содержание резерва численностью 270 тысяч человек и национальной гвардии численностью не менее 380 тысяч человек. Сенат единодушно принял окончательное решение о законе с учетом этой поправки.

Вопреки этому акту конгресса министр Макнамара объявил, что он расформирует 750 частей и соединений резерва с личным составом, насчитывающим около 55 тысяч человек. Свое заявление Макнамара сделал в конце сессии. В последний день сессии сенатская комиссия по вооруженным силам единодушно одобрила резолюцию, содержащую просьбу к министру обороны за-

держат расформирование частей резерва до начала 1966 года, чтобы дать возможность изучить последствия этой меры. Макнамара вызывающим образом отказался это сделать и расформировал части и соединения резерва, в том числе те из них, которые были переведены в состав регулярной армии.

Одновременно Макнамара объявил, что приблизительно 25 процентов оставшихся войск резерва и национальной гвардии численностью около 150 тысяч человек будут называться «отобранными войсками резерва». Части и соединения в этой небольшой группе отобранных войск должны иметь полный комплект личного состава, большое количество боевой техники и проходить подготовку по расширенным программам.

В 1966 году подкомиссия Стенниса провела расследование мер, принятых Макнамарой в связи с реорганизацией резервных компонентов армии. Результатом этого расследования явился остро критический доклад о состоянии «отобранных войск резерва» и о программе подготовки рядового состава в резервных компонентах.

С точки зрения подкомиссии, реорганизация резервных компонентов внесла лишь путаницу.

Подкомиссия заявила, что вызывающее поведение Макнамары, выразившееся в расформировании 750 запасных формирований, «привело к ненужной потере обученного личного состава и сделало трудным, если не невозможным, для резерва армии США достижение установленной конгрессом обязательной численности 270 тысяч человек к концу 1966 финансового года».

Расформирование учебных частей и соединений резерва привело к тому, что стало не хватать центров обучения для поступающих из резерва в регулярную армию новобранцев. Кроме того, предполагалось, что на 30 июня 1966 года не пройдут подготовку 127 тысяч человек из состава резервных компонентов, а на 30 июня 1967 года предположительно эта цифра должна была возрасти до 139 тысяч человек. Подкомиссия Стенниса подвергла сомнению «мудрость планирования и составления программ» Макнамарой, из-за действий которого намечалась такая цифра необученных рядовых резервных компонентов, что программа подготовки этого личного состава стала фактически средством уклонения от призыва.

Макнамара предсказывал, что большой процент личного состава расформированных частей и соединений резерва добровольно поступит в части и соединения национальной гвардии для прохождения учебных сборов. Это было еще одно неправильное предсказание Макнамары. «Всего лишь 783 человека, то есть менее 1,5 процента от общей численности личного состава, составлявшей 55 220 человек, из резерва армии США, расформированного прошлой осенью, добровольно вступили в части национальной гвардии сухопутных войск для прохождения учебных сборов». По заявлению подкомиссии, эти данные «вызывают сомнение» в правильности предсказаний Макнамары о том, что 110 тысяч человек из резерва вступят добровольно в национальную гвардию, если будут одобрены и полностью осуществлены предложенные им меры.

Даже «отобранные войска резерва», согласно докладу подкомиссии Стенниса, не смогли достичь должного уровня подготовленности. Подкомиссия указала на «значительный некомплект в личном составе и боевой технике, для устранения которого в случае мобилизации «отобранных войск резерва» пришлось бы прибегнуть к средствам, предназначенным для регулярной армии».

Этот доклад был составлен не группой каких-либо экстремистов. Он поступил от комиссии, в которую входили либералы и консерваторы из демократической и республиканской политических партий. Помимо сенатора Стенниса из демократов в нее входили сенатор Джексон, от штата Вашингтон; сенатор Кеннон, от штата Невада, и сенатор Бэрд, от штата Западная Виргиния. Республиканцы были представлены сенатором Солтонстоллом, от штата Массачусетс, сенатором Смит, от штата Мэн, и сенатором Тэрмондом, от штата Южная Каролина.

Попытки комиссии по вооруженным силам палаты представителей изучить решения Макнамары натолкнулись на стену цензуры. В самых лучших условиях подкомиссии было трудно убедить высокопоставленных военных должностных лиц прямо выразить свое несогласие с министром обороны.

Члены комиссии по вооруженным силам палаты представителей были единодушны во мнении, что свидетели не должны находиться в условиях ненужного принуж-

дения и что информация, в том числе закрытая, должна быть доступной для заслушивания на закрытых заседаниях. Комиссия возражала против того, что иногда каналы информации «блокировались мерами, принимаемыми внутри министерства обороны».

«Засекречиваются документы, не содержащие, по мнению комиссии, секретных материалов, — жаловалась комиссия. — Совершенно очевидно, что меры по засекречиванию принимаются в этих случаях лишь с целью защиты решений, к которым уже пришли, и недопущения открытого и свободного обсуждения вопроса о целесообразности этих решений».

Комиссия палаты представителей особенно критиковала действия министерства обороны в связи со снятием с вооружения бомбардировщиков В-52 и сверхзвуковых бомбардировщиков и неспособностью министра обороны продвинуться вперед с выдачей контракта на создание перспективного стратегического пилотируемого бомбардировщика AMSA как преемника устаревающих бомбардировщиков.

Макнамара не консультировался с комитетом начальников штабов по вопросу о снятии с вооружения сверхзвуковых бомбардировщиков В-58, и даже начальник штаба ВВС генерал Макконнел узнал о решении Макнамары только из памятной записки канцелярии министра обороны. Комиссию по вооруженным силам палаты представителей возмутили заявления Макнамары и других представителей министерства обороны, которые создавали впечатление, что комитет начальников штабов считает целесообразным не спешить с выдачей контракта на бомбардировщик AMSA и согласен с мнением Макнамары.

«Предпринимались всяческие усилия извратить истинную точку зрения комитета начальников штабов и заставить конгресс и народ поверить в то, что только начальник штаба ВВС одобряет этот курс действий», — отмечала комиссия палаты представителей.

Подкомиссия Стенниса обвиняла канцелярию министра обороны также в том, что она изъяла из текста протокола показаний генерала Макконнела те места, которые характеризовали истинную позицию комитета начальников штабов, сделав это под предлогом сохранения тайны.

Генерал Макконнел показал, что поддерживаемый Макнамарой самолет FB-111 (бомбардировочный вариант TFX), «как он задуман в настоящее время, не способен наносить удары по более удаленным целям на территории потенциальных противников».

«Комитет начальников штабов не имеет другой альтернативы, как рекомендовать разработку нового типа бомбардировщика, чтобы сохранить наступательную ударную мощь Соединенных Штатов...» — цитировал генерал Макконнел выдержку из документа, излагающего точку зрения комитета начальников штабов.

Комиссия по вооруженным силам палаты представителей заявила: «Его (Макконнела) заявление показало, что комитет начальников штабов недвусмысленно поддержал проект AMSA».

Макнамара созвал пресс-конференцию, чтобы опровергнуть обвинение в том, что он пытался ввести в заблуждение общественность или конгресс. Путаница, объяснил он, возникла потому, что подкомиссия, возглавляемая членом палаты представителей Эбером, излагала точку зрения начальников штабов на бюджет на 1968 финансовый год, а он говорил о бюджете в 1967 финансовом году.

Как заявил Эбер, это не оправдание. Именно министр обороны старается создать путаницу в умах общественности по вопросу, который прост. Эбер сказал: «Вопрос сводится к следующему: хотим мы поторопиться с созданием бомбардировщика или не хотим. Господин Макнамара с момента вступления на пост министра обороны все время возражал против принятия мер к разработке и созданию пилотируемого бомбардировщика. Комитет начальников штабов и командование ВВС придерживались обратного мнения. Господин Макнамара пытался создать у американского народа впечатление, что комитет начальников штабов поддерживает его, но это неверно».

Члены палаты представителей Портер Харди, Олтон Леннон и Риверс выразили свое негодование в связи с тем, что Макнамара пытался создать впечатление, будто его решение сократить расходы на разработку нового типа бомбардировщика поддержано военными специалистами.

«Мы хотим, чтобы американский народ увидел, кто

ответствен за эти решения, — заявил Харди. — Виновен Макнамара, а не комитет начальников штабов».

Подобная же полемика возникла в связи с обсуждением следующего вопроса: должно ли министерство обороны ускорить работу по созданию противоракетной системы «Ника-Х». Конгресс и комитет начальников штабов считали программу создания такой ракеты, предназначенной для уничтожения баллистических ракет противника, весьма важной.

Макнамара медлил приступить к выполнению программы, которая могла повлечь расходы в сумме 12—20 миллиардов долларов в течение десятилетнего периода в случае полного ее осуществления. Он заявил, что не видит причин для спешки.

Комиссии по вооруженным силам сената и палаты представителей хотели от Макнамары действий. Они признавали, что нет необходимости полностью формулировать планы создания противоракетной системы «Ника-Х» летом 1966 года, но очень важно немедленно начать работу с целью перехода от чистых исследований и разработки к малосерийному производству.

«Любое промедление в создании производственной базы неизбежно приведет к относительной задержке поступления боевых ракет на огневые позиции», — заявила комиссия по вооруженным силам палаты представителей, утвердив для начала работ по этой системе расходы в сумме 14,4 миллиона долларов.

Комиссия палаты представителей характеризовала создание противоракетной системы как мероприятие «исключительной важности» и отметила, что в ее распоряжении имеется информация о том, что «комитет начальников штабов единодушен в поддержке ассигнований на малосерийное производство системы в этом году».

Адмирал Риквер, выступая перед объединенной комиссией по атомной энергии и комиссией по вооруженным силам палаты представителей, подчеркнул необходимость создания атомного надводного флота для военно-морских сил. Военно-морские силы имели три атомных корабля — авианосец «Энтерпрайз», ракетный крейсер «Лонг Бич» и ракетный фрегат «Бейнбридж». Их постройка была санкционирована до того, как Макнамара стал министром обороны в 1961 году, и они находились в строю достаточно долго, чтобы продемонстрировать

свое превосходство над кораблями с обычными силовыми установками.

Военно-морские силы нуждались в атомном флоте. Комиссии конгресса по атомной энергии поддерживали создание атомных военно-морских сил. Однако даже в последние месяцы 1965 года и в начале 1966 года министр обороны Макнамара все еще не принял окончательного решения по вопросу о том, должен ли новый авианосец иметь атомную силовую установку. Равным образом он отверг предложение о постройке еще одного ракетного фрегата.

Под некоторым давлением министр обороны в конце концов одобрил строительство авианосца с ядерной энергетической установкой, но тормозил строительство атомных фрегатов, вместо которых решил иметь два эсминца с обычными двигательными установками. Он утверждал, что проведенное им изучение эффективности затрат показывает следующее: для получения одной и той же огневой мощи дешевле строить эсминцы с облегченными двигателями. Точно так же он рассуждал за три года до этого, выступая против использования атомной энергетической установки на авианосце «Джон Ф. Кеннеди». Постройку авианосца «Джон Ф. Кеннеди» с обычной энергетической установкой адмирал Риквер и члены объединенной комиссии конгресса по атомной энергии считали бесполезной тратой миллионов долларов.

Адмирал Риквер и члены объединенной комиссии считали, что если у Макнамары и имелись какие-то основания возражать против использования атомной энергетической установки на авианосце «Джон Ф. Кеннеди», то они давно опровергнуты. В 1964 году атомные подводные лодки совершили кругосветный поход протяженностью 48 тысяч километров без дозаправки топливом. Такое достижение было бы раньше невозможно.

«Мы располагаем сегодня техникой для постройки мощного атомного военно-морского флота, — заявил адмирал Риквер в объединенной комиссии по атомной энергии. — Но если мы будем продолжать заниматься писаниной, а не строить корабли, то, когда начнется война, окажемся со множеством докладов и без кораблей».

Адмиралу Рикверу, собиравшемуся в отставку, не приходилось проявлять такую же осторожность, какую проявляли более молодые офицеры, имея дело с Макна-

марой. Однако даже он, излагая свою точку зрения, не упоминал имени министра обороны.

«Вам известно, что я не одобряю изучение эффективности затрат в такой мере, как некоторые, — сказал Риквер. — Имеется такая же трудность с признанием важности атомных энергетических установок на новых эскортных кораблях флота — крейсерах, фрегатах и эсминцах, — с какой встретились в борьбе за признание ценности атомных энергетических установок для подводных лодок десять лет назад».

Те, кто возражает против атомных энергетических установок на подводных лодках, указал адмирал Риквер, не могут понять, что речь идет о существенно отличном оружии. Большинство подводных лодок имеют скорость хода под водой не более 12 узлов. Атомные подводные лодки способны развивать более высокую скорость в подводном положении.

«Новый авианосец с двумя реакторами может нести почти в два раза больше авиационного топлива по сравнению с обычным авианосцем; — объяснил Риквер. — Это значит, что такой корабль сможет обеспечить в два раза больше ударов с воздуха, чем обычный авианосец. Он также будет нести на 50 процентов больше боеприпасов, чем обычный авианосец. Если его будут сопровождать атомные эскортные корабли, то с таким эскортом он сможет проводить практически неограниченные по времени операции».

В военно-морских силах, пояснил Риквер, было проведено много исследований, но рекомендации в пользу создания атомного надводного флота не смогли заставить министра обороны действовать.

«Некоторые отчеты по итогам этих исследований, представленные военно-морскими силами, отвергнуты, но причин для возражения против этих отчетов не приводится», — сказал Риквер.

После широкого расследования объединенная комиссия предупредила, что «конгресс должен быть бдительным и не допустить, чтобы нежелание министерства обороны расходовать деньги на атомные надводные корабли сделало наши военно-морские силы устаревшими».

Объединенная комиссия рекомендовала конгрессу изменить полномочия министерства обороны на 1967 финансовый год и «потребовать, чтобы оба новых эсминца

были атомными кораблями...». Комиссии по вооруженным силам сената и палаты представителей последовали примеру объединенной комиссии и вынесли решение, обязывающее Макнамару прислушаться к рекомендациям специалистов.

Комиссия по вооруженным силам палаты представителей уделила особое внимание жалобе адмирала Риковера на отсутствие действий со стороны министра обороны в отношении постройки атомного фрегата, деньги на строительство которого были выделены в 1965 году.

В докладе комиссия выразила готовность выполнить свое обязательство в соответствии с конституцией Соединенных Штатов и напомнила содержание статьи 1 параграфа 8 о правах конгресса «создавать и обеспечивать армии; создавать и содержать военно-морские силы; издавать законы для правительства и уставы для наземных и военно-морских сил».

При весьма необычной демонстрации недоверия к министру обороны Макнамаре в докладе комиссии по вооруженным силам палаты представителей с насмешкой говорилось о «почти одержимой привязанности человека, принимающего решения, к исследованиям по эффективности затрат».

Комиссия палаты представителей указала, что не может быть сомнения в большом таланте гражданских лиц Пентагона, и добавила: «Но комиссия сомневается, что этот талант направляется на совершенствование нашего военного планирования. Налицо огромный талант, но хотелось бы знать, не направлен ли он во многом на неправильную цель. Нет большей слабости в людях, занимающих общественно важное положение будь то в конгрессе или министерстве обороны, чем та, когда они неспособны к размышлению или самоанализу».

30 июня 1966 года объединенная комиссия сената и палаты представителей согласилась с тем, что необходимо немедленно приступить к постройке атомного ракетного фрегата, несмотря на противодействие со стороны министра обороны Макнамары. В попытке заставить Макнамару отдать приоритет постройке атомного эскортного корабля объединенная комиссия сената и палаты представителей сформулировала следующее решение:

«Ни один контракт на постройку любого из обычных

ракетных эсминцев не должен выполняться, пока не приступят к работам по контракту на постройку атомного ракетного фрегата, если только президент не установит, что такая последовательность выполнения контрактов противоречит национальным интересам».

Вряд ли конгресс мог сильнее заявить о своем убеждении в том, что факты свидетельствуют о необходимости атомных энергетических установок. По другим вопросам конгресс сделал попытку взять верх над Макнамарой, настаивая на том, чтобы были представлены средства на разработку противоракетной системы «Ника-Х» и стратегического пилотируемого бомбардировщика AMSA. Единодушное одобрение получила формулировка, гласящая, что «министр обороны не должен одобрять план, предусматривающий значительное сокращение производства или снятие с вооружения крупной системы оружия, не сообщив обо всех относящихся к этой предполагаемой операции подробностях конгрессу Соединенных Штатов».

Но даже после того как комиссии конгресса заявили о своем стремлении обеспечить конгрессу возможность осуществлять свои законодательные права, у многих возникло сомнение в том, что это заявление не потонет в хоре громких голосов облеченного властью Пентагона.

11 июля 1966 года пресс-бюро Пентагона сделало удивительное заявление о том, что проводимая Макнамарой программа сокращения затрат позволила сэкономить 14 миллиардов долларов за пятилетний период, окончившийся 1 июля 1966 года. В заявлениях для печати утверждалось, что Макнамара сэкономил 4,5 миллиарда долларов в 1966 финансовом году и что его искусное, научно обоснованное руководство делами министерства позволит налогоплательщикам сэкономить 6,1 миллиарда долларов в 1969 финансовом году. Для рекламирования этого чудесного достижения объемистые пакеты диаграмм, копии бумаг и печатных материалов, подготовленных пресс-бюро Пентагона, были посланы конгрессу, в редакции газет и руководителям крупнейших компаний.

Министр обороны Макнамара лично появился на пресс-конференции в Пентагоне, передаваемой по телевидению, чтобы объявить о чудесах, которые он сотворил для американских налогоплательщиков. Его окру-

жал красочный строй лозунгов и картин, которые делали простой и в то же время драматически острой его финансовую магию. Пресса страны невозмутимо сообщила «об экономии» 14 миллиардов долларов, а преданные Макнамаре обозреватели и авторы передовиц снова провозгласили, что «супер Мак» — самый лучший человек из тех, кого мы когда-либо имели в министерстве обороны.

Но даже от почитателей Макнамары можно было слышать признания, что, возможно, он сделал ошибку, предоставив заказ на TFX компании «Дженерал дайнемикс», допустил просчет, когда воспротивился установке атомного реактора на авианосце «Джон Ф. Кеннеди» и недооценил развития некоторых событий во Вьетнаме. Но, отмечали при этом приверженцы министра обороны, никто не может оспорить «экономии» 14 миллиардов долларов.

Позируя перед телевизионными камерами, Макнамара подчеркивал, что его утверждения об экономии были проверены независимой финансовой фирмой.

Несмотря на этот спектакль для налогоплательщиков, члены по меньшей мере одной комиссии конгресса по расследованиям проявляли значительный скептицизм. В течение года подкомиссия по вооруженным силам палаты представителей, возглавляемая Портером Харди, была занята подробным анализом экономии за 1964 и 1965 финансовые годы. Анализ показал, что заявления Макнамары об экономии необоснованны.

Гарольд Рубин и другие эксперты центрального финансового управления сообщили, что около одной трети объявленной суммы экономии средств просто не соответствует основным критериям, которые Макнамара установил для самого себя. Министерство обороны утверждало, что претендует на экономию только по тем решениям, к осуществлению которых приступили после 1 июля 1961 года — когда Макнамара развернул свою административную деятельность, в то время как в действительности порядочная часть основных сумм, составляющая объявленную экономию, оказалась связанной с операциями, которые были предприняты при правительстве Эйзенхауэра, то есть за два, три, четыре или пять лет до того, как Макнамару назначили министром обороны.

Министерство обороны относило на счет военно-мор-

ских сил «экономии» 1,6 миллиарда долларов в 1964 финансовом году, исходя из шести технических изменений, внесенных в самолет А-6А, находившийся в серийном производстве корпорации «Грумман эркрафт энджиниринг» (Бетпейдж, штат Нью-Йорк). Эти изменения не являлись следствием новой улучшенной системы хозяйствования в министерстве обороны, их предложил подрядчик. Указанные технические изменения были рекомендованы при правительстве Эйзенхауэра и одобрены ВМС до 1 июля 1961 года. В течение трех лет на этих технических изменениях, по заявлению министерства обороны, было сэкономлено 7,4 миллиона долларов.

В своем выступлении перед комиссией по вооруженным силам палаты представителей в феврале 1965 года Макнамара упомянул об этом конкретном случае «экономии».

«В пределах человеческих возможностей, — сказал тогда Макнамара, — эти данные об экономии средств были полностью проверены и полностью соответствуют действительности».

Подкомиссия Харди язвительно заметила: «Четыре изменения, приведшие к экономии, несомненно были предложены еще до вступления Макнамары на пост министра. Инициатором изменений являлся подрядчик. К тому же экономия, которой можно было добиться благодаря этим изменениям, не дала бы никаких результатов, если учесть, что другие изменения в самолете А-6А повысили сумму расходов до первоначальной величины».

Имелись другие случаи мнимой экономии. Министерство обороны утверждало, что оно сэкономило 149,7 миллиона долларов в 1964 и 1965 финансовых годах в результате решения о модернизации танка М-48, вместо того чтобы закупить для сухопутных войск новые танки типа М-60.

Чтобы показать экономию в сумме 149,7 миллиона долларов на 507 танках, министерство обороны вычислило стоимость 507 новых танков М-60, которая оказалась равной 103 317 686 долларам, и добавила к этой сумме 83 655 тысяч долларов, т. е. «стоимость боеприпасов и запчастей для танков М-60, если бы их закупили». Из получившейся суммы вычли 37 194 093 доллара, что составило величину, определенную как «стоимость модернизации и стоимость танков М-48».

Подкомиссия Харди пришла к выводу, что решение министерства обороны относительно танков ничем не оригинально и, конечно, никакой экономии в подлинном смысле слова не принесло.

Министерство обороны неохотно помогало следователям комиссии Харди, однако к тому времени, когда началось слушание дела, т. е. к 14 июля 1966 года, следователи уже могли показать, что «действительные достижения (Макнамары) значительно меньше результатов, представленных общественности». По мнению Харди, факты показывали, что «некоторые меры по сокращению расходов оказали отрицательное воздействие на состояние вооруженных сил, снизив их боевые возможности».

Открывая слушание дела, Харди заявил, что он в принципе одобряет рачительный подход к расходованию ассигнованных средств, но предупредил: «Помните историю о фермере, который сэкономил деньги тем, что надел на коров зеленые очки и кормил их опилками? Этот эксперимент, возможно, имел бы успех, если бы у коров появился вкус к такой пище и они не подошли бы».

Харди заявил следующее: он не предполагает, что министерство обороны, имея бюджет 58—59 миллиардов долларов, страдает от недоедания; он только хочет предупредить против увлечения программами сокращения расходов, выполнение которых может лишить войска их ударной мощи.

В ходе двухнедельного разбирательства подкомиссия Харди подробно изучила более десятка случаев, которые, по выражению председателя подкомиссии, представляли собой ложные утверждения об экономии, которые могли дискредитировать всю программу сбережения средств. В большинстве случаев министр обороны Макнамара или его сотрудники подвергались резкой критике со стороны членов подкомиссии.

Решение о прекращении закупки ракет «Буллпап-А» послужило основанием для утверждения о получении экономии 40 миллионов долларов в 1964 финансовом году. Члены подкомиссии Харди указали, что одновременно с прекращением закупки ракеты «Буллпап-А» военно-воздушные силы израсходовали 24 миллиона долларов на ракету «Буллпап-В» — еще один вариант того же самого оружия. В конце концов на приобретение ра-

кет «Буллпап-В» было израсходовано более 40 миллионов долларов.

«Термин «экономия» слишком свободно истолковывается, — утверждала подкомиссия в своем официальном отчете. — Возникают серьезные сомнения в отношении обоснованности утверждения об экономии в связи с прекращением закупки ракет «Буллпап» и подобными операциями с другим оружием».

В 1965 финансовом году министерство обороны заявило, что было сэкономлено 27,5 миллиона долларов в результате принятия решения об ограничении расходов на самолетные запчасти из фонда, находящегося в ведении командования армейской авиации. Однако имелась возможность обеспечивать самолеты запчастями за счет другого фонда.

«Фактически необходимые запчасти брали просто из другого склада, — отметила подкомиссия Харди. — Говоря об экономии, брали в расчет только одну сторону этой операции, а другая сторона, приводившая к росту расходов, игнорировалась».

Одним из самых ярких примеров приписок экономии средств явилась так называемая экономия 39 миллионов долларов в связи с программой выпуска ракет «Спэрроу». Командование ВВС отказалось от приобретения всех предусмотренных на 1965 год ракет «Спэрроу» новой модели. Чтобы восполнить некомплект, Макнамара приказал ВМС передать военно-воздушным силам излишки ракет «Спэрроу» старого образца. Эта идея понравилась Харди, который считал ее разумным шагом рачительного хозяина.

Однако следователей подкомиссии Харди поразили трюки в книгах учета, которые привели к тому, что командование ВВС стало говорить об экономии в размере 39 миллионов долларов. От ВВС не потребовали возместить ВМС деньги за передачу оружия. К тому же операция была проведена так, будто ракеты «Спэрроу», передаваемые военно-морскими силами, не имели стоимости.

«Ракета имела военную ценность, — заявила подкомиссия Харди. — Она также имела цену в долларах, которая является единственно правильной основой для оценки затрат. Таким образом, можно сказать, что утверждения об экономии 39 миллионов долларов являются грубым искажением действительного положения дел».

В сухопутных войсках в течение четырех лет разрабатывался новый снаряд М-470. Наконец испытания показали, что этот снаряд имеет характеристики, позволяющие заменить стандартный снаряд М-107. Однако под давлением канцелярии Макнамары программу производства снарядов М-470 аннулировали, исходя из того, что снаряд М-107 якобы можно улучшить, использовав новый метательный заряд.

Командование армии США не хотело аннулировать программу производства снарядов М-470 до тех пор, пока не будут получены результаты испытаний снаряда М-107 с более сильным метательным зарядом. Министр обороны не согласился с этим, и программа производства снарядов М-470 была аннулирована. Министр обороны заявил, что «в результате аннулирования закупки новых снарядов М-470 в течение пятилетнего периода предположительно будет получена экономия в сумме 50 миллионов долларов».

Испытания снаряда М-107 опровергли предсказания Макнамары. Они показали, что «немодифицированный снаряд М-107 выходил из ствола орудия кувыркаясь и никогда не достигал намеченной цели». Снаряд М-107 продолжал создавать трудность за трудностью, и подкомиссия Харди заключила:

«Поскольку решение об аннулировании снаряда М-470 было принято в 1963 году, у командования армии не оставалось ничего другого, как продолжать разработку снаряда М-107... Одиннадцать лет работы не привели к созданию оружия, которое позволило бы нашим войскам повысить огневую мощь, и тем не менее министерство обороны (канцелярия Макнамары) не поколебалось облечь эту неудачу в блестящий наряд, заявив об экономии в несколько миллионов долларов и представив этот факт как свидетельство выдающегося руководства».

Свидетели из министерства обороны показали, что по распоряжению Макнамары они должны были приписывать министерству обороны 25 процентов «экономии» по всем контрактам, которые относились к категории заключенных на конкурсной основе. Они должны были выступать с этим произвольным утверждением об экономии, даже если не соглашались на самую низкую из предложенных цен.

Харди и член палаты представителей Отис Пайк

заявили, что существующая в министерстве обороны процедура ведет к ложным показателям в экономии. Получалось так, что величина «экономии» возрастала в зависимости от суммы контракта, заключаемого на конкурсной основе.

Пайк спросил, оценивает ли министерство обороны как экономию 25 процентов суммы, предусмотренной по контракту на F-111 (TFX).

«TFX не был отнесен к категории, дающей 25 процентов экономии, потому что контракт на него не предоставлялся на конкурсной основе торгов с конкурентами», — доложил подкомиссии помощник заместителя начальника штаба по системам оружия и тылу для ВВС генерал-майор Ругг. Однако при этом он сказал, что F-111 подходил к категории, позволявшей делать заявления о получении 10-процентной экономии, так как контракт на этот самолет считался поощрительным.

«Можно ли говорить о 10 процентах экономии, если стоимость контракта, скажем, удваивается по сравнению с первоначальной стоимостью?» — спросил Пайк.

«Да», — ответил генерал Ругг.

«Следовательно, чем больше стоимость контракта, тем больше сумма заявляемой вами экономии, — заключил Пайк. — Получается, что хотя никакой экономии средств нет, она засчитывается произвольно».

Мнение Пайка разделяли многие другие члены подкомиссии, демократы и республиканцы. То, что они обнаружили, было как небо от земли далеко от полностью подтвержденной документами и проверенной «экономии», в которую Макнамара намеревался заставить поверить конгресс и народ страны.

Подкомиссия Харди подвергла сомнению утверждение Макнамары о том, что его экономия проверена ревизорами. Харди заявил, что ревизоры обследовали только некоторые сферы хозяйственной деятельности и изучали лишь отдельные приемы работы аппарата министерства обороны.

Ограниченные масштабы этого обследования, предписанные Макнамарой, были недостаточными для проведения полной ревизии и засвидетельствования точности суммы объявленной экономии, заявила подкомиссия Харди.

Члены подкомиссии Харди были обеспокоены необо-

снованными утверждениями об экономии. Еще большее беспокойство вызвали факты, которые свидетельствовали о том, что позиция, занятая Макнамарой, привела к снижению боевого потенциала вооруженных сил.

«Свидетельские показания дают основание предположить, что действия министерства обороны никогда не были бы признаны видами вооруженных сил, если бы не принуждение со стороны канцелярии министра обороны», — говорится в докладе комиссии.

Сообщалось также, что имели место «резкие конфликты между видами вооруженных сил и министром обороны» в отношении некоторых военных потребностей.

Обычно в таких случаях военные меняли свое мнение под давлением гражданских руководителей. Подкомиссия отметила факты, когда канцелярия министра обороны, пользуясь своей властью, шла на ненужный риск и вынуждала командование видов вооруженных сил к неоправданным действиям.

Подкомиссия Харди обвинила министра обороны в необоснованном засекречивании отдельных документов, опубликование которых позволило бы пролить свет на истинное состояние вооруженных сил.

«Мы предпринимали неоднократные попытки сделать выводы на основании документов, оставшихся незасекреченными, — жаловалась подкомиссия. — Наши усилия были безуспешными. Канцелярия министра обороны занимала позицию, сводящуюся к тому, что опубликование действительных фактов привело бы к «ободрению нашего противника». Но, без сомнения, противник получает больше ободрения от ослабления нашей военной мощи вследствие использования оружия с более низкими характеристиками».

«Раскрытие фактов перед общественностью позволило бы улучшить процесс принятия решений, с которым связано возникновение вышеупомянутой обстановки... Только скептик мог предположить, что раскрытие действительных фактов отрицательно повлияло бы на состояние боевой готовности нашей страны или подорвало бы авторитет лиц, принимающих решения».

Позиция министерства обороны не помешала раскрытию случаев, связанных с тем, что подкомиссия Харди называла «снижением военной мощи». Одним из самых разительных примеров было утверждение об экономии в

размере 32 575 тысяч долларов в 1965 финансовом году. Эта экономия, как утверждал Макнамара, достигнута благодаря тому, что сокращено количество самолетов F-4, находящихся на вооружении частей и соединений ВМС.

Министр обороны сократил количество самолетов в каждой эскадрилье с четырнадцати до двенадцати. Он сделал это, несмотря на неоднократные протесты министерства военно-морских сил. Министр обороны мотивировал это решение тем, что увеличение огневой мощи F-4 позволяет двенадцати самолетам выполнять задачи четырнадцати. Военные специалисты в военно-морских силах заявили, что это суждение ошибочно.

Кроме того, министр обороны решил оставить на вооружении менее мощные самолеты F-8 на некоторых типах авианосцев, вместо того чтобы заменить их самолетами F-4. Он также сократил количество самолетов F-4, предназначенных для учебных целей.

«Повышение эффективности самолета F4H-1 не считается важным доводом для сокращения количества самолетов в эскадрилье с четырнадцати до двенадцати», — настаивало командование военно-морских сил. В памятной записке министерства ВМС утверждалось, что количество самолетов в авиации военно-морских сил и морской пехоты уже находится на самом низком уровне и что дальнейшее сокращение приведет к снижению боеиспособности.

Министр обороны продолжал игнорировать предупреждения военных специалистов на протяжении 1965 года, когда провел дальнейшее сокращение закупок самолетов. Но он увеличил их закупку в 1966 году из-за потерь во Вьетнаме.

Во время слушания этого вопроса выяснилось, что цена самолета, который военно-морским силам не разрешили купить в 1965 финансовом году, была значительно меньше цены, уплаченной за эти самолеты в последующие годы.

«Потерянные время и деньги следует сопоставлять с заявленной экономией, если она вообще имеется» — таково было единодушное мнение подкомиссии Харди.

Даже если большинство народа в стране все еще питало доверие к Макнамаре, многие опытные конгрессмены серьезно сомневались в тех достижениях, о которых трубил министр обороны.

20. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

В течение двадцати лет, прошедших после второй мировой войны, стоимость сложной военной техники непрерывно повышалась. Представлялось вероятным, что военные расходы по-прежнему будут являться основной статьей федерального бюджета и что рост военно-промышленного комплекса будет оставаться постоянной проблемой.

Общей тенденцией в четырех реорганизациях было стремление к централизации власти во имя повышения эффективности и улучшения планирования. При Роберте Макнамаре канцелярия министра обороны, которая некогда была задумана в качестве небольшого планового органа для координации деятельности трех видов вооруженных сил, превратилась в огромное управление. Административным путем в канцелярии министра обороны были централизованы функции военной разведки, снабжения и контрольно-финансовой службы.

С усилением централизации министр обороны взял в свои руки контроль над деятельностью сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Он сыграл решающую роль в заключении контрактов на поставку оружия для видов вооруженных сил. Именно министр обороны сыграл основную роль в решении не оснащать авианосец «Джон Ф. Кеннеди» ядерной силовой установкой и затормозил планы оснащения ядерными установками других надводных кораблей.

Именно в канцелярии министра обороны было принято решение урезать закупки вертолетов. По распоря-

жению канцелярии министра обороны был закрыт Спрингфилдский учебный пункт национальной гвардии, хотя происходила эскалация войны во Вьетнаме.

Огромная свобода действий, предоставленная министру обороны, сделала его больше чем боссом мощной военной машины. В его руках сосредоточивалось экономическое оружие против крупнейших промышленных корпораций Америки, располагающих косвенной политической властью. Мало кто из руководителей военно-промышленных корпораций рискнул бы вызвать его недовольство.

Реакция министра обороны на аргументы сенаторов и членов палаты представителей по поводу закрытия военных баз или заключения того или иного военного контракта могла помочь им или погубить их.

От власти министра обороны зависела карьера военных, независимо от того, желали ли они получить заветную должность или назначение в комитет начальников штабов или нет¹.

В мире высшего образования министр обороны имел право выдавать выгодные контракты на научные исследования, а также оказывать влияние на назначение крупных ученых в авторитетные комитеты и комиссии.

Вся эта власть дополнялась пропагандистским оружием колоссальной мощи — пресс-бюро Пентагона. Этот орган, ворочающий многомиллионными средствами, опирается на научно-исследовательские учреждения. К этому следует добавить право приказывать высшим военным руководителям соглашаться с решениями на политическом уровне или отказываться комментировать их. С помощью утонченного контроля над доступом прессы к высокопоставленным политическим деятелям и высшим военным должностным лицам министр обороны имеет возможность оказывать косвенное влияние на многих журналистов, давая интервью для ограниченного круга или воздерживаясь от них.

¹ По мнению критиков, широкое использование «детекторов лжи» и «тестов личных качеств» серьезно ограничило свободу личности кадровых работников министерства обороны. Сенатор Сэм Эрвин, возглавляющий сенатскую подкомиссию по конституционным правам, заявил: «Судя по поступающим в подкомиссию сообщениям, в настоящее время в федеральных учреждениях создается атмосфера страха, тревоги и принуждения, что вредно для этих учреждений и подрывает права федеральных служащих». — *Прим. автора.*

При режиме Макнамары происходила непрерывная консолидация функций снабжения и общих служб, что привело к созданию громадных управлений, распространяющих свои права на различные виды вооруженных сил — управление снабжения министерства обороны, разведывательное управление министерства обороны и управление контролирования контрактов министерства обороны. Образование управлений с ответственностью за все вооруженные силы отобрало часть прав у армии, военно-морских и военно-воздушных сил и до некоторой степени упразднило конкуренцию, которую в насмешку часто называли «соперничеством видов вооруженных сил».

При такой позиции канцелярии министра обороны устраняются споры между различными видами вооруженных сил, но одновременно подрывается и чувство конкуренции, которое заставляло и сухопутные войска, и военно-морские, и военно-воздушные силы стремиться к совершенству, чтобы превзойти другие виды вооруженных сил. Возможно, в некоторых отношениях эта конкуренция носила отрицательный характер, но в то же время она помогала поддерживать корпоративный дух, что имело определенное значение — являлось моральным средством скрепления воедино крупнейшей централизованной бюрократии в истории мира. Когда конкуренция между видами вооруженных сил отомрет, исчезнет один из важных мотивов стремления к совершенству.

Поскольку в пентагонской бюрократии трудно сохранить независимый образ мышления и стремление к совершенству, министерство обороны сочло необходимым выйти за рамки правительственной бюрократии в поисках экспертов для разработки сложных систем оружия. Этот процесс породил свои собственные проблемы. Пентагон мог передать свои обязанности по организации разработки вооружения, но возможность получения необоснованно высоких прибылей стала постоянной проблемой там, где ослабевал контроль за субподрядчиками. Помимо этого, хотя работа некоторых «фабрик идей» и стоит затраченных средств, история с «Аэроспейс корпорейшн» показывает, что слишком большая самостоятельность и слишком слабый контроль могут привести к созданию непокорного «чудовища», которое обращает мало внимания на принятые правила секретности и на разумно допустимые пределы денежных окладов.

Опытные администраторы из военной промышленности могут оказаться весьма полезными для Пентагона с его огромными проблемами организации управления. В то же время промышленность может получить большую выгоду, нанимая на высшие должности высокопоставленных военных и гражданских служащих Пентагона. Однако широкий обмен специалистами между военной промышленностью и правительством, безусловно, создает большую опасность использования служебного положения в личных целях и фаворитизма при принятии решений, которые могут слишком дорого обойтись американским налогоплательщикам. Эти должностные лица являются воплощением «лобби военного снаряжения» и «военно-промышленного комплекса», об опасности которых предупреждал президент Эйзенхауэр, покидая пост президента США.

В докладе комиссии палаты представителей по вооруженным силам «О законе 1958 года о реорганизации министерства обороны» председатель комиссии Карл Винсон и члены комиссии предупреждали: «Никогда не имелось в виду и не имеется в виду сейчас, что канцелярия министра обороны станет четвертым министерством в рамках министерства обороны, повседневно занимаясь мелкими оперативными вопросами».

Если согласиться с тезисом, что министр обороны Макнамара является исключительным человеком, правильно понимающим и глубоко знающим детали организации, располагающей ежегодным бюджетом 50 миллиардов долларов, мы должны задать вопрос, была бы созданная им непреоборимая централизация в равной мере благословением в руках обычных людей, которые находились на посту министра обороны в прошлом.

Если согласиться с тезисом, что министр обороны Макнамара является администратором, лишенным политических устремлений и заботящимся об экономических интересах, мы должны все же задать вопрос, а что произошло бы, если бы нынешняя централизованная власть Пентагона попала в руки заинтересованного в политических делах или мстительного диктатора.

Если действительно министр обороны Макнамара имеет настолько ясные мотивы и настолько здрав в своих суждениях, что не нуждается в сдерживании со стороны конгресса, встает вопрос, гарантируют ли нам

обычные политические схемы возможность всегда иметь людей с такими кристальными качествами, что им можно будет доверить действовать без ограничений, накладываемых конгрессом.

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин охотно воздавал должное Макнамаре за «проведение некоторых давно назревших реформ в управлении» в Пентагоне, однако добавлял, что министр обороны должен также «разделить ответственность за создание бюрократической сверхцентрализованной организации», которая мешает пробиваться новым идеям и тормозит быстрое развитие.

Подтверждающее эту мысль замечание было сделано Джоном Рейсом в книге «Руководство обороной». Рассматривая недавние изменения в Пентагоне в исторической перспективе, Рейс пишет: «Каким бы фантастичным это ни казалось, реформаторы в области обороны смогли перевернуть календарь на шестьдесят лет назад и готовы встретить требования «современной войны» с системой, подобной той, которая не выдержала испытаний в испано-американской войне».

Это были критики, пользовавшиеся поддержкой в конгрессе. Они проявляли уважение к «эффективности затрат» как к цели и разочарование в ней как в пропагандистском лозунге. Многие узнали, как важно увидеть, что стоит за рекламными заявлениями, и изучить в деталях фактические данные. Однако далеко не все извлекли уроки из нашей военной истории и поняли опасность централизованной власти в руках как кадровых военных, так и политических деятелей на государственных должностях.

Конгресс должен по-прежнему отстаивать свое право на расследование и критику коррупции, недостатков в управлении и бесцельных затрат, которые неизбежны в организации, расходующей ежегодно 50 миллиардов долларов. Никакая система организации и никакая реорганизация не обеспечат возможности постоянного решения проблем управления такой колоссальной военной машиной. Ни один человек и никакая небольшая группа людей не могут быть непогрешимыми при принятии ре-

шений по балансированию задач видов вооруженных сил или по выбору сложных систем оружия.

Власть Пентагона является полезной властью, важной властью в мире, в котором мы живем. Однако это опасная власть, несущая в себе семена уничтожения наших политических учреждений и всего нашего образа жизни. Она нуждается в постоянном изучении, постоянном расследовании и постоянной критике изнутри и из-за стен Пентагона. Ее необходимо периодически обуздывать.

Будут продолжаться споры о разделении обязанностей между министерством обороны и министерствами видов вооруженных сил. Существуют разногласия в отношении роли сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил в различных вооруженных конфликтах.

Наблюдается склонность представлять все противоречия и разногласия как нечто плохое, разрушительное. Примечательно, что критика обычно плохо принимается находящимся у власти правительством и поощряется политической партией, не находящейся у власти. Республиканцы были среди тех, кто поощрял военных во время «бунта адмиралов» в их действиях против политики правительства Трумэна в конце сороковых годов и несогласие генерала Дугласа Макартура с политикой Трумэна в корейской войне в 1950—1951 годах.

Когда президент Эйзенхауэр пришел к власти, влиятельные сенаторы-демократы возглавили критику политики военно-воздушных сил. Сенатор Джон Кеннеди и генерал Тэйлор (начальник штаба армии) были в числе самых резких критиков правительства Эйзенхауэра, возражавших против того, что они считали чрезмерной верой в «ядерное сдерживающее средство», а также против бюджетных ограничений, которые, как они утверждали, привели к «отставанию в ракетах».

Кеннеди и генерал Тэйлор громко выражали свое несогласие с политикой правительства Эйзенхауэра, но как только Кеннеди занял президентский пост, он перестал поощрять критиков. Министр обороны Макнамара провел много реформ по «эффективности затрат», но в ходе осуществления этих реформ каждого, кто выражал несогласие, сокрушал тяжелым кулаком.

В наши дни военный бюджет настолько сложен, что

общественности трудно прийти к определенным выводам о работе министра обороны. Мы можем оказаться свидетелями нескольких скандальных случаев, которые заставят нас проявлять беспокойство.

К числу факторов, оказывающих вредное влияние на состояние военного потенциала страны, относятся следующие:

— политический фаворитизм, в результате которого на высшие гражданские должности назначаются плохо подготовленные или морально неустойчивые лица;

— политическое влияние при заключении контрактов, которое ведет к служебным злоупотреблениям и бесполезной трате средств, выделенных на военные нужды;

— военная и гражданская бюрократия, порождающая формальное отношение к выполнению служебных обязанностей и зажим критики¹;

— бюрократическая пресыщенность и приверженность традициям, вызывающим неразумное восприятие борьбы мнений;

— рост военно-промышленного комплекса, представляемого юристами и учеными, которые одновременно служат в органах министерства обороны и руководящих органах крупных военно-промышленных корпораций;

— деятельность экспертов министерства обороны по общественной информации, которые по политическим мотивам преувеличивают степень нашей готовности и тем самым обманывают самих себя, а также конгресс и налогоплательщиков;

— деятельность пацифистов и введенных в заблуждение идеалистов, которые преждевременно требуют серьезных мер по разоружению;

— деятельность бесчестных лиц, которые поставляют неисправное и непригодное вооружение и боевую технику и не признают ничего, кроме личных выгод;

— свержцентрализация, которая ведет к различного

¹ Широко распространенное и необоснованное применение различных тестов создает обстановку страха. В 1964 финансовом году министерство обороны провело 14 270 тестов на «детекторах лжи», что более чем в десять раз превышает количество аналогичных тестов, проведенных за этот же период ФБР (1355 тестов). Потребовалась резкая критика в конгрессе, чтобы заставить министерство обороны снизить число тестов до 11 634 в 1965 финансовом году и 6294 в 1966 финансовом году. — *Прим. автора.*

рода проволочкам и потере ответственности на местах, и отсутствие централизации там, где это мешает введению необходимой стандартизации и повышению эффективности затрат.

В данной книге предпринимается попытка проследить за этими основными проблемами, которые стояли перед США на протяжении всей их истории. Конечно, нелегко ответить на вопрос, какие функции должны быть возложены на министерства видов вооруженных сил или какие задачи должен решать министр обороны.

Нельзя точно определить, в какой мере допустимы возражения со стороны профессиональных военных против решений гражданского лица — министра обороны.

Нет ни одного человека и ни одной небольшой группы людей, достаточно проникательных, чтобы ответить на все вопросы, когда речь идет о сложных системах оружия и о ежегодном бюджете министерства обороны свыше 50 миллиардов долларов. Ни наши ученые-эксперты, ни наши профессиональные военные, ни наши гражданские министры не имеют волшебной формулы. У всех свои функции, но им нельзя дать всеобъемлющего и окончательного определения. Решение проблемы обеспечения надлежащей военной готовности заключается в постоянном осознании того факта, что определенных ответов нет, а также в признании очевидных помех для эффективной военной готовности.

Чтобы решить проблему, каким образом держать нашу военную машину на современном уровне, правительство должно иметь и обеспечить:

— компетентных, опытных, преданных интересам дела гражданских министров, которые как честные люди действовали бы в строгом соответствии с законом и обладали бы необходимой мудростью и выдержкой, что позволило бы избежать использования своей законной власти в политических или личных целях;

— опытных профессиональных военных и технических экспертов, проявляющих трудолюбие, чтобы достичь реальных успехов, и смелость, чтобы выступать против старых, отживших идей или нереалистичных новых идей;

— справедливую конкурентную систему военных закупок, чтобы дать нам возможность приобретать лучшее с наименьшей затратой ассигнуемых средств;

— настоящую конкурентную систему в разработке новых видов оружия, чтобы обеспечить использование самых последних достижений науки и техники;

— систему, рассчитанную на всемерное поощрение борьбы мнений в рамках законов и военных уставов;

— строгое соблюдение законов и уставов, относящихся к наказанию лиц, виновных в использовании своего служебного положения, поставках негодного оружия и техники, незаконных выплатах и т. п.;

— постоянное изучение конгрессом принципов руководства военными закупками и состояния готовности вооруженных сил.

Если какой-либо из перечисленных пунктов не выполняется, то у общественности есть реальные основания для беспокойства по поводу военной готовности страны. Даже когда невыполнение какого-либо из этих требований не очевидно, существует необходимость в здоровом скептицизме со стороны общественности по отношению к самонадеянным заявлениям как политических деятелей на государственных постах, так и высокопоставленных военных чинов.

Не подлежит сомнению, что проблема власти Пентагона является важнейшей проблемой наших дней. Она будет оставаться важной проблемой до тех пор, пока существует необходимость содержать колоссальную военную машину.

Понимаем ли мы необходимость борьбы мнений, критики и постоянного сдерживания власти нашей военной машины?

Можем ли мы создать механизм для более равномерного распространения этой власти и контроля над ней?

Такие притягательные лозунги, как «повышение эффективности» и «снижение стоимости», обычно маскируют меры по централизации власти. Разные меры могут быть задуманы в Вашингтоне, однако ответственность за продолжающуюся централизацию должен нести каждый американский гражданин, который в состоянии понять, чем грозят зародыши авторитарности. Эта авторитарность может вторгнуться в нашу жизнь только в том случае, если наши граждане будут настолько беспечны, настолько близоруки и настолько ленивы в

своих размышлениях, что позволят централизованной власти захватить независимые учреждения.

Не пытайтесь уклониться от своей ответственности. Не пытайтесь свалить вину на своего конгрессмена или на своего сенатора за то, что он не предупредил вас в достаточной мере об этой опасности. Вероятнее всего, он несколько раз принимался предупреждать вас, прежде чем оставил свои попытки, потому что вы не хотели его слушать.

Не пытайтесь свалить вину за то, что вы недостаточно информированы, на редактора вашей газеты, если вы отказывались читать длинные статьи с объяснениями и редакционные статьи. Вероятнее всего, он неоднократно предупреждал вас об опасностях централизованной власти, прежде чем, к своему сожалению, убедился, что вы отдаете предпочтение комиксам, сплетням и другим подобным материалам.

Возьмите на себя обязанность знать опасности централизованной власти, знать цену борьбы мнений и свободы. Будущее нашего правительства зависит от вас и от того, как вы справляетесь с этой обязанностью.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие к русскому изданию	5
1. Если власть разлагает	15
2. Извечные проблемы	38
3. Аферисты, пацифисты и политиканы	43
4. Пирл-Харбор — захвачены врасплох	57
5. Военные поставки. Мэр Керли и капитан 2 ранга Корриган	63
6. Бенни Мейерс — генерал-ловкач	75
7. Пятипроцентники	85
8. Помните Гарри Лева по кличке Шляпник?	97
9. Использовал ли Тэлботт служебное положение в личных целях?	107
10. Административно-финансовые проблемы ракетостроения	117
11. Макнамара	132
12. Высокомерное поведение военных в Форт-Ли	145
13. Пирамида прибылей	160
14. Бесприбыльная корпорация „Аэроспейс“ — чудовище, пожирающее своего создателя	175
15. Борьба вокруг TFX	187
16. Рос Гилпатрик и Фред Корт	204
17. Расходы по секретным фондам	217
18. Боевая готовность сухопутных войск	234
19. Рост недоверия	248
20. Централизация власти — государственная проблема	270

Кларк Р. Молленхоф

ПЕНТАГОН

Редактор *Соминский Е. М.*

Художник *Константинова Л. А.*

Технический редактор *Дубровина Л. В.*

Корректор *Алексеева А. Н.*

Сдано в набор 26.11.68 г. Подписано к печати 12.3.69 г.

Формат 84×108³/₃₂. Печ. л. 8³/₄ (усл. печ. л. 14,7) Уч.-изд. л. 14,081

Бумага типографская № 2. Тираж 17.500 экз.

Изд. № 10/1070

Цена 99 коп.

Зак. 545

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160

1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

УЗ К.

Н. МОЛЛИНЖОФ · ПЕНТАГОН